

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Циньянь (Китай), Бондаренко Д. М. (Россия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Добровольский Г. В. (Россия), Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А. (Россия), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Калбаси Х. (Иран), Коротаяев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Трубецков Д. И. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Чилингаров А. Н. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Маркович Д. Ж. Исторический контекст противоречий модернизации.....	3
Вебер А. Б. В поисках новой парадигмы развития	14
Киселев Д. А. Управление общественным развитием как глобальная философская проблема	27
Остхоф-Мюнникс Г. Мировое правительство: потребности и реальность	37
Ближковский П., Прангл Й. Глобальное экономическое управление: какие проблемы стоят перед Азией и Европой?	41

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Косиченко А. Г. Глобализация и религия	47
Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира	59

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация: за и против	67
Илимбетова А. А. Глобальный процесс феминизации миграции	79

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Дюрчик В. Наша современность: мораль – «вымерший животный вид»? ...	92
Сухарева Е. А. Особенности развития Москвы как глобального мегаполиса	100

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Селезнев П. С. Проблемы инновационного развития в российском измерении	109
Альпидовская М. Л. Вступление в ВТО, или «новая экономическая химера» современного общества постмодерна	125
Ковалев Ю. А. Россия и главный вызов XXI века	136

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Чесноков В. С. В. И. Вернадский – великий научный новатор и гуманист	150
Степанов С. А. Н. Н. Моисеев о судьбах российской интеллигенции	167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Галимов Б. С., Салихов Г. Г., Багаутдинов А. М. Философия и будущее цивилизации	171
Пырин А. Г. Презентация энциклопедического справочника по глобалистике	180
Мировой культурный форум (World Cultural Forum [Taihu, China])	185
<i>Наши авторы</i>	190
<i>Contents</i>	191

ТЕОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОТИВОРЕЧИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Маркович Д. Ж.

академик, действительный член Сербской академии
образования (САО), иностранный член Российской
академии образования (РАО).

E-mail: vladakostic1985@gmail.com

В статье рассматривается роль модернизации в эволюционном развитии общества и в развитии человеческой цивилизации, а также проблемы модернизации в современном многополярном мире. В условиях глобализации и встречи различных общественно-политических систем, особенно восточной и западной, имеет место попытка навязать другим цивилизациям ценности западной (англоамериканской) цивилизации в качестве универсальных, причем модернизация является синонимом американизации. Автор указывает на то, что нужно сопротивляться данным попыткам антицивилизаторского характера и принять модель модернизации, которая будет способствовать гуманистическому развитию человеческого общества.

Ключевые слова: цивилизация, модернизация, глобализация, мондиализация, прогресс.

The role of modernization in evolution of society and the human civilization, as well as problems of modernization in the modern multipolar world are considered in the article. In the contexts of globalization and meetings of different socio-political system, especially the Eastern and the Western ones, there appears an attempt to impose the Western (English and American) values on other civilizations as universal; modernization is supposed to be a synonym of Americanization at that. The author states that these anticivilizational attempts should be rebuffed while the modernization model promoting humanist development of human society should be adopted.

Keywords: civilization, modernization, globalization, mondialization, progress.

1. Двадцатый век характеризуется объединением человечества в единое целое. Процесс объединения протекал так быстро и в таких масштабах, что в конце века, говоря об отношении природы и общества, слово «общество» употребляется уже не в смысле понятийного различия между обществом и природой, а в смысле обозначения (и выражения) совокупности всех социальных сообществ, в которых жил человеческий род. Оно обозначает совокупность этих сообществ, объединенных в человечество со многими противоречиями, которое, несмотря

на эти противоречия, представляет одно целое под названием «глобальное общество», или, как его все чаще называют, мегаобщество. Исследователи этого общества указывают, что глобализация представляет собой процесс [Моисеев 2010: 5], социально-экономической матрицей которого является неолиберальный глобальный капитализм, а теоретико-познавательной основой – постмодернизм [Вебер 2010: 21–30]. Связь его социально-экономических компонентов (глобального неолиберального капитализма и теоретико-познавательной матрицы постмодернизма) обеспечила создание иллюзии отсутствия границы между глобальным неолиберализмом и объединением человечества, которое приводит к мегаобществу, так что они уподобляются друг другу, а сторонники таких осмыслений стараются установить «новый мировой порядок», в котором доминирующую роль играют самые развитые государства неолиберального капитализма со своими корпорациями и США в качестве самой мощной экономической и военно-политической силы¹.

Утверждения о том, что нет разницы между объединением человечества и глобальным неолиберальным капитализмом, научно не обоснованы, они представляют точку зрения сторонников глобального неолиберального капитализма. *Глобализация появляется (после Второй мировой войны) в третьей фазе развития капитализма, когда большие не происходило «оплодотворения» капитала на ограниченном географическо-политическом пространстве отдельных государств и нужно было обеспечить пространство для этого капитала, его прибыльности, причем государственные границы преодолевались не посредством силы, а впервые в истории посредством денег* [Манцер 2003: 150]. В таком смысле она представляет способ обеспечения пространства для «оплодотворения» капитала [Борико 2002: 23]. *Деньги становятся регулятором совокупной общественной деятельности, основным движущим мотивом.* В данных условиях большие территории, даже государства превращаются в социальные сообщества, действующие в соответствии с законами огромных денежных систем и капитала [Зиновьев 2002: 94].

Глобализация представляет собой многоаспектный общественный процесс с четырьмя характеристиками: *более широкая и глубокая взаимозависимость множества обществ; преимущество транснациональных корпораций и институтов; большое влияние событий с расстояния на жизнь индивидуумов и государств и расширение современной технологии экономической и политической жизни почти во всем мире.* На самом деле глобализация как многоаспектный процесс устанавливает универсальные связи, охватывая все основные аспекты общественной жизни – от экономической до духовной сферы, включая культуру, образование, язык, идеологию и ценности, представляющие собой основные характеристики глобальной цивилизации [Мазур, Чумаков 2005: 158–166]. Исходя из приведенного содержания глобализации ее можно *определить как общественный процесс создания на основании экономической и технической связи конкретных обществ. Такой процесс характеризуется тем, что создается единое общественное пространство – глобальное общество на Земле, и формируется сознание принадлежности этому обществу не только отдельных обществ, но и их членов* [Попов 1999: 58].

¹ Западный мир уже долгие годы называют «международным сообществом».

Процесс объединения человечества благодаря своему масштабу и интенсивности давал возможность рассматривать глобализацию в качестве закономерности нашего времени, связи и объединения мира вопреки «его материальной разнообразности» [Маркович 2008]. Однако несмотря на то, что глобализацию можно считать закономерностью в развитии капитализма, *ее нельзя считать природным явлением*. Это процесс, созданный человеком, это дело человека. Сторонники капиталистической неолиберальной мировой системы настаивают на том, чтобы глобализацию считали природным и закономерным явлением. Имея в виду, что эта система представляет общественную реальность, фазу в развитии капитализма, ее нужно рассматривать в контексте развития человеческой цивилизации и в таком смысле видеть и оценивать характер и досягаемость ее последствий с точки зрения модернизации человеческой цивилизации в контексте ее развития.

2. Идею о цивилизации развивали французские мыслители XVIII в. [Хантингтон 2000: 6]. Европейцы вложили много интеллектуальной, дипломатической и политической энергии в оформление критериев, в соответствии с которыми неевропейские общества можно оценить как достаточно цивилизованные и принять их в качестве членов международной системы, в которой доминирует Англия. Одновременно о цивилизации начали говорить во множественном числе, и это означает *отказ от мнения, что существует только одна цивилизация, подразумевающая несколько привилегированных людей или групп, «элиту человечества»*. Этим утверждается, *что существует больше цивилизаций, каждая из которых индивидуальна* [Там же: 13–14]. Это свидетельствует и о том, что эволюция цивилизации представляет основное содержание человеческой истории [Жуков 1996: 8].

Расширенное осмысление того, что цивилизация представляет основное содержание человеческой истории, отражено во многих ее определениях. Они выражают суть ее как формы общественной жизни, причем ее значение не подразумевает только культуру, гражданство и образование. Выражение «цивилизация» является одним из сложнейших понятий и *охватывает совокупность всех человеческих открытий и изобретений, выражая актуальные идеи и технические достижения*. Оно должно выразить степень совершенства науки, искусств, промышленной техники и обнажить состояние семейного и социального устройства, системы социальных учреждений и взглядов на частную и общественную жизнь [Бабурин 2007: 529].

Термин «цивилизация» имеет множество сложных значений, что обуславливает и *множество определений цивилизации* [Экмеджич 1996]. Опубликовано большое число научных статей о возникновении, развитии и исторической судьбе [Тойнби 1970] этих определений. Из множества определений цивилизации мы рассматриваем только некоторые, охватывающие отношение модернизации и развития цивилизации в условиях глобализации общества. Одно из определений цивилизации говорит о ней как о совокупности природных условий жизни, об объективно-исторической предпосылке, которая определяет уровень развития человечества, выражая способ жизни индивидуума в его взаимоотношениях с природой [Черня 1996: 8]. Подобно этому и другое определение, которое к совместным объективным элементам (вроде языка, истории, религии, обычаев, институтов) добавляет и субъективные, такие как самоидентификация, и цивилизация опреде-

ляется как культурное сообщество людей и широкий уровень культурной идентичности [Хантингтон 2000].

В современном обществе существует больше цивилизаций, которые «соприкасаются». Эти соприкосновения приводят к изменениям их основных характеристик (это может влиять на число и характер «соприкосновений» и изменений), так что нужно формулировать современное понятие цивилизации, которое отражало бы новую плюралистическую цивилизационную действительность с ее основными элементами. Современное, *кумулятивное* понятие цивилизации подразумевает три элемента: более высокий этап развития человека в смысле *качества*; *постоянство* в определенном пространстве и *интегрированное* целое того, что человек создал и создает благодаря своей практике [Тарталя 1933: 172]. Данные системы дают возможность определить цивилизацию с социологической точки зрения, то есть определить цивилизацию как важный элемент структуры каждого из обществ, которые путем глобализации создают *глобальное общество – мегаобщество*. С социологической точки зрения *цивилизация представляет исторический – антропологический, социокультурный и исторический тип организации общества с культурой в качестве самоопределения на определенном географическом пространстве*. В таком смысле культура представляет цивилизационную подсистему, которая устанавливает функциональные взаимоотношения с другими подсистемами (и элементами) цивилизации как системы, без которой она не может существовать. *Цивилизационная система подразумевает взаимозависимость ее подсистем. Изменения одной из них приводят к изменениям в других подсистемах*. Кроме того, изменения в подсистемах вызывают изменения в других цивилизациях и их подсистемах. *У цивилизаций нет четких границ, культуры соприкасаются и влияют друг на друга*. Кроме того, люди могут снова определять свой идентитет, в результате чего изменяются число, состав и формы цивилизации.

3. Цивилизации представляют суть исторического развития общества, и в современном мире существует много цивилизаций (их границы определяет объективное воздействие больших государств, которое устанавливает устойчивые, большие пространства родственных народов и государств) [Зюганов 1999: 239], процесс глобализации приводит их *не только в соприкосновение, сопровождаемое столкновениями* [Фукуяма 1997: 15]², *но и в отношения сотрудничества*. Сотрудничество подразумевает не только введение хозяйственных, финансовых и других материальных потоков в большие мультинациональные системы, но и живое общественное, культурное и политическое общение стран и народов, регионов и континентов [Попов 1999: 62]. Чтобы понять существующие и возможные формы междугосударственных конфликтов и сотрудничества, нужно иметь в виду, что существуют две группы (два типа) цивилизаций: *восточная и западная*. При этом мы *подразумеваем не географический фактор, а их материальные структуры и духовную ориентацию*.

Характеристики *восточной цивилизации* следующие: нерыночное хозяйство; ограниченные хозяйственная самостоятельность и предпринимательская инициа-

² Есть мнение, что в современном мире самыми важными и опасными столкновениями будут не столкновения между общественными классами или другими экономическими группами, а между людьми, принадлежащими к разным культурным идентитетам, между уникальными цивилизациями: западной, исламской, конфуцианской, японской и индийской.

тива хозяйственных субъектов; строгое иерархическое распределение, принципы деспотизма авторитарной власти и мировоззрение, проистекающее из духа религии, национальной или классово-идеологии. Характеристики *западной цивилизации* противоположны характеристикам восточной: рыночная экономика, восприятие человека как ценности, правовое равноправие и другие характеристики, подобные приведенным ценностям [Гивишвили 2003: 1147–1149]. *Распределение уникальных (и современных) цивилизаций на две группы сравнительно*. Уникальные цивилизации названных групп обладают характеристиками, свойственными только им. Кроме того, у них имеются подсистемы, характерные только для некоторых из них. Так, в рамках западной цивилизации существует *европейская цивилизация*, объединяющая разные страны Европы, она происходит из исторических фактов, связана подобными способами и почти везде имеет схожие последствия. Эта цивилизация является результатом сопротивления воздействию Азии [Бабурин 2007: 294].

Отношения между данными группами (типами) цивилизаций и отношения между уникальными цивилизациями, которые являются их частью или принадлежат к разным типам, *влияти и влияют не только на историческое развитие регионов планеты, но и на человеческую историю вообще*. Поэтому данные группы (типы) цивилизаций привлекали и привлекают внимание многих мыслителей. Они не только обсуждали развитие данных цивилизаций, но и старались определить их характеристики³. При обсуждении отношений между уникальными цивилизациями, являющимися их частью, а также отношений между восточной и западной цивилизациями нужно иметь в виду авторитетные научные исследования о цивилизациях, их возникновении, развитии и исчезновении. Учитывая тот факт, что в человеческом обществе существовало много разных цивилизаций, *Арнольд Тойнби (1889–1975)* провел анализ их возникновения, развития и исчезновения. Возникновение цивилизации он объяснил как драму вызовов и ответов⁴, а причина исчезновения, по его мнению, – то, что, с одной стороны, творческое меньшинство превращается в правящее меньшинство, которое старается удержать позицию, а с другой стороны, большинство больше не восхищается правящим элементом, не поддерживает его и возражает против того, что его считают пораженным [Тойнби 1970: 239]. Тойнби считает, что причина исчезновения цивилизации на самом деле – «внутренний разлад, посредством которого цивилизация теряет мощь самоопределения» [Там же: 289–299].

4. Для современного мира характерны плюрализм цивилизаций и наличие группы государств, которые принадлежат к одной и той же цивилизации. Народы и страны с подобной культурой объединяются, а с различными – разъединяются. В таком контексте проходит процесс модернизации, сопровождаемый глобализацией, в рамках создания единого культурного пространства. В объединенном человечестве на разнообразных цивилизационных основах возникают многие эко-

³ «Достоевский, Данилевский и другие мыслители считали, что “одна цивилизация не может стать частью другой на равноправной основе – более сильная уничтожит свободу как этнографический материал”. Шуберт писал, что Западная Европа никогда не будет считать славян своими: “Англичанин мир рассматривает как собственное предприятие, француз как хутор, немец как казарму, а русский мир рассматривает как божий храм”» [Ивашов 2012: 242].

⁴ «Каждый ответ был успешным по отношению к вызову и был средством создания нового вызова, который появился в новой ситуации, созданной успешным ответом» [Тойнби 1970: 294–295].

номические и политические центры, между которыми могут развиваться и антагонистические политические отношения. *Мир мультиполярен, в нем существует множество экономических и политических, то есть цивилизационных, центров.* В таких условиях проходит процесс модернизации, который подразумевает расширение и принятие не только достижений технической, но и духовной культуры. «Поощряемая модернизацией, глобальная политика изменяется вдоль культурных границ. На смену распределениям, определенным идеологией и отношениями суперсил, приходят распределения, определенные культурой и цивилизацией. Политические границы все больше совпадают с культурными границами: этическими, религиозными и цивилизационными.

В данных общественных отношениях и изменениях в последние века проходил процесс модернизации [Персонс 1992]. В XIX в. идея о «времени белого человека» помогла оправдать расширение западного политического и экономического доминирования над незападными обществами. В конце XX в. идея об универсальной цивилизации помогает оправдать западное культурное доминирование над другими обществами и потребность этих обществ поддержать западную практику и институты [Хантингтон 2000: 71–72]. Однако такая идея об универсальной цивилизации пользуется небольшой поддержкой в других странах. *Современные незападные общества стараются сохранить свою идентичность, даже когда усваивают некоторые достижения западной цивилизации.* Многие незападные общественные системы существуют уже одно или более тысячелетий, и у них есть свой опыт того, как увеличить возможность их существования. Опыт других цивилизаций они изменяют и приспосабливают, делая более сильными основные ценности своей культуры [Там же: 83]. *На самом деле модернизация обществ, не принадлежащих к западной цивилизации, не подразумевает их вестернизацию. Несмотря на модернизацию, эти общества сохраняют свою культуру, не усваивают все ценности и институты западной цивилизации. Глобализация приводит к объединению человечества, к созданию мирового общества в качестве формы его существования, но не приводит обязательно к отмене культурной идентификации отдельных цивилизаций и доминированию стран западной цивилизации.* Окончился период «прогрессивного времени», в котором доминировала западная идеология, приходит время, в котором разные цивилизации будут сосуществовать и приспосабливаться друг к другу. *Западная цивилизация является зрелой цивилизацией, у которой нет экономического и демографического динамизма, с помощью которых она могла бы навязать другим цивилизациям, прежде всего восточным, свои идеи, причем эти идеи должны соответствовать западным ценностям и системе демократии* [Маркович 2010а: 182–184]. В такой обстановке страны Восточной Азии стали более сильными, экономически успешными, все чаще подчеркивают особенности своей культуры и указывают на то, что их ценности и способ жизни превосходят западные [Там же]. Таким образом, модернизация усиливает данные культуры и уменьшает мощь западной цивилизации, *мир становится более современным и менее западным, становится мультиполярным с многочисленными экономическими и культурными, то есть цивилизационными, центрами. Плюрализм цивилизаций и многополярность (мультиполярность) мира противоположны стремлению создать униполярный мир с однообразной унифицированной культурой вокруг оси униполярности.*

Данные стремления противоположны закономерностям общественного развития, в соответствии с которым объединение человечества и создание мирового общества не противоречат существованию многочисленных уникальных цивилизаций со своими особенностями, которые не только «соприкасаются», но и пронизывают друг друга, представляя собой часть планетарной цивилизации. Планетарная цивилизация была и остается цивилизационной и мультиполярной. Человеческое общество не однообразно и никогда таковым не будет [Бофа 1999: 168].

Осмысление плюрализма цивилизаций как основы установления и существования мультиполярного мира базируется на понимании сути человека как творческого и свободного существа, создателя – Homo sapiens. *Разнообразие культур* (как субстратов) *уникальных цивилизаций верно показывает человека как создателя* [Майор 1991: 170]. Поэтому у каждого народа есть право хранить и развивать свою культуру посредством собственной деятельности и принятия универсальных достижений человечества, созданных людьми-создателями. Охрана собственной культуры, конечно, не подразумевает, что ее надо закрыть перед достижениями, возникшими в обществе в его развитии, усвоение данных достижений не должно быть простой копией и угрожать собственному суверенитету [Там же: 87]. В XXI в. одной из ключевых проблем будет защита разнообразия от культурной однообразности [Он же 1986: 47]. Поэтому в научном исследовании глобализации и при происходящей встрече цивилизаций особое внимание надо обратить на проблемы, касающиеся сохранения культурной самобытности и разнообразности [Маркович 1995: 14–16].

5. Когда речь идет о сохранении уникальных культур (на самом деле человеческой и общественной самобытности) в качестве закономерности в эволюционном развитии общества, подчеркивается, что это не подразумевает изоляцию от развития общей человеческой культуры. «Многие умные, креативные люди подчеркивают, что никто на этой планете не может жить в одиночестве, отдельно и совсем независимо от других» [Попов 1999: 58–62]. Поэтому вместе с защитой уникальности и самобытности своей культуры надо усвоить и культурные достижения других цивилизаций, особенно моральных начал и стремлений, которые заложены глубоко в человеческой природе и являются основами морального поведения, общими для всех цивилизаций, развивающихся в истории. Однако это усвоение общих культурных ценностей дается не всегда легко. Нередко некоторые цивилизации старались свои особые (специфические) ценности навязать другим цивилизациям в качестве универсальных, убеждая их, что усвоение данных ценностей ведет к модернизации. Эта тенденция особенно проявлялась по окончании холодной войны и распада СССР, когда исчез биполярный мир, а США, считая (точнее, чувствуя) себя самыми мощными, старались установить униполярный мир. В таких условиях униполярного мира идеологический компонент больше не был решающим [Примаков 2010: 11–12]. В рамках новых отношений в современном обществе процесс модернизации приобретает новое содержание. Глобальное общество, созданное в процессе глобализации [Четков 2001: 118], которая еще продолжается (поэтому более адекватно это общество называть *глобализирующимся*), или *мировое общество* [Кувалдин 2001: 106–109], возникает с объединением конкретных обществ, которые сохраняют свою культурную идентификацию, то есть принадлежность к особым цивилизациям, и на данной основе

объединяются в определенное целое с совместными экономическими и политическими характеристиками [Хантингтон 2000: 95]. Структура и динамика современного глобального (глобализирующегося) общества очень сложные. К тому же такое общество постепенно превращается в единую экономическую систему со многими противоречиями [Гринин 2008: 49], из которых самым значительным является противоречие между универсальностью рыночной модели развития и многополярностью мира, которое стараются решить посредством установления униполярного мирового порядка. Реальную картину современного мира создает диалектика взаимозависимости формирующихся центров мировой системы [Примаков 2010: 19], которая главным образом базируется на универсальности рыночной модели экономической деятельности. В таком глобальном (глобализирующемся) обществе замечается разница между отдельными его частями, приводящая к экономическому кризису [Маркович 2010б: 56–73] и попыткам установить униполярный мировой порядок со стороны США и самых развитых государств глобального капитализма, их транснациональных компаний. Однако нет условий для осуществления таких попыток. *Новое отношение сил в мире указывает на уменьшение роли и значения США (и группы стран, поддерживающих их), а усиление роли и значения стран Азиатско-Тихоокеанского региона приводит к углублению процесса мультиполярности* [Примаков 2010: 17]. Поэтому, когда речь идет об актуальных вопросах современного глобализирующегося общества, особенно о мультиполярном мире, нужно иметь в виду объективные факты, а не идеализировать общественную действительность глобального капитализма посредством математического блефования [Слотердайк 2009: 18]. При таком изучении глобального общества необходимо использовать социологический подход [см. подробнее: Маркович 2010в: 59–69].

В мультиполярном глобальном неолиберальном капитализме уникальные цивилизации и организации (особенно государственные) стараются осуществить свои интересы посредством денег (в действительности это суть глобализации), ограничения суверенитета отдельных государств и унификации отдельных культур, называя свою деятельность модернизацией. Проблема сохранения культурной идентификации в глобализирующемся обществе возникает не только потому, что культура расширяется, но и потому, что наряду с созданием единого экономического и политического пространства проходит процесс нивелирования культурного разнообразия, в котором одна культура вытесняет другие – национальные. Процесс нивелирования всех особенностей и обычаев национальных культур и национального сознания согласуется с мировыми, точнее, с американскими (англосаксонскими) стандартами. Такое положение дел угрожает сохранению разнообразия в среде мирового сообщества, его духовной сложности и выразительности. Этот процесс духовной стандартизации и в самом деле представляет энтропию [Солженицын 1999: 94], которой надо сопротивляться посредством защиты своей культурной идентичности [Маркович 2001: 17–24]. Сопротивлению нивелирования культур и настояниям сохранить свою культурную идентификацию помогает коллективное сознание одного народа о принадлежности к своей культуре, об общих предках, общем происхождении, «когда речь о каждом отдельном человеке или об этнической группе, память представляет неотъемлемую часть их идентитета» [Стойкович 1923: 105].

Процесс духовной стандартизации – не единственный, угрожающий самобытности отдельных уникальных цивилизаций, кроме него или вместе с ним проходит процесс стандартизации форм социальной (особенно государственной) организации, посредством которого *стираются национальные характеристики как элемент культурной идентификации⁵ и навязываются формы социальной организации, которые очень трудно применить из-за духовного и общественного несовпадения со средой.*

Модернизация, рассматриваемая в историческом контексте, представляет собой противоречивый процесс. Она способствует расширению инноваций информационной революции и сильных социальных форм жизни и тем самым развитию материальных условий жизни и духовному совершенствованию человека, его ответственности и *общим интересам всех в духе правды и справедливости.* «Справедливость важна так же, как и экономическая мотивация, которой экономисты уделяют намного больше внимания» [Акрелов, Шелер 2010: 39]. Так как модернизация осуществляется в условиях встреч и частых столкновений *уникальных цивилизаций и угрожает культурной самобытности ценностной системы другой цивилизации, навязывает свою систему ценности и свою форму социальной организации другим цивилизациям (и государствам), нарушаются характеристики модернизации как прогрессивного процесса в развитии общества.* Это особенно выражается в отношениях уникальных цивилизаций, когда происходит унификация не только культур, но и форм социальной организации. Тогда глобализация и модернизация представляют не универсализацию культур, а американизацию, доминирование Запада и западной цивилизации [Печулич 2002: 17]. Практика западной цивилизации навязывать свою культуру (в качестве универсальной) и своих форм социальной организации другим *указывает на противоречие между правом на рационально-моральную универсальность и заметной несправедливостью ситуаций, созданных посредством ее доминации.* Этим западная цивилизация обнаруживает неспособность расширяться в качестве цивилизации⁶, не обеспечивает развитие общества, соответствующее интересам всех групп и стран в духе справедливости. Чувство несправедливости «вызывает фрустрации и недовольство, и, наконец, оборачивается против тех, кто чрезмерно использовал развитие за чужой счет» [Майор 1997: 60], особенно если при этом выдвигаются требования принять ценности и поведение, которые должны способствовать процессу глобализма (мондиализма) через культурную и социальную универсализацию. Данным требованиям надо оказать сопротивление, а «не стоять перед интеллектуальным нигилизмом Запада вроде заколдованной лягушки и серьезно слушать советы, что надо отказаться от себя» [Данойлич 2008: 50].

Литература

Акрелов И. Шелер Р. Жизненный дух // Службная газета. 2010. С. 39 (на серб. яз.).

Бабурин С. Мир империй, территории государств и мировой порядок. Белград : Прессинг, 2007.

⁵ «Осмысление, что современное общество может существовать без своего традиционного пола, представляет утопию и, как все утопии, имеет репрессивно-тоталитарные имажинации» [Дивк 2006: 109].

⁶ «Данные феномены указывают на то, что западная цивилизация в состоянии только расширять свою доминацию, идеалы и нормы, она не в состоянии диалектически связать то и другое» [Нанси 2009: 57].

- Борико А. NEXТ. Книжка о глобализации и мире будущего. Белград : Народна књига-Алфа, 2002 (на серб. яз.).
- Бофа Ч. Последняя иллюзия. Ниш : Просвета, 1999.
- Вебер А. Б. Мир вокруг нас // Россия в окружающем мире. М. : МНЭПУ, 2010. С. 21–30.
- Гивишвили Г. В. Цивилизация // Глобалистика: энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Диалог; Радуга, 2003.
- Гринин Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе // Век глобализации. 2008. № 2. С. 46–53.
- Данойлич М. В объятии врага. Белград : НИИ, 2008.
- Дивк С. Проблемы идентитета: культурное, этническое, национальное и индивидуальное // Службная газета. 2006 (на серб. яз.).
- Жуков В. И. Социальное развитие и развитие цивилизации: диалектическая зависимость. М., 1996.
- Зиновьев А. Запад – феномен западного дела. Белград : Наш дом, 2002 (на серб. яз.).
- Зюганов Г. Русская геополитика. Белград : Культура, 1999.
- Ивашов Л. Торговать Косметом то же самое, что предать Богоматерь... Белград : Печать, 2012.
- Кувалдин В. Б. Глобализация: рождение мегаобщества // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 106–109.
- Мазур И. И., Чумаков А. Н. Глобалистика. М. : Проспект, 2005.
- Майор Ф. Воспоминания о будущем. Белград, 1986.
- Майор Ф. Завтра всегда поздно. Белград, 1991.
- Майор Ф. ЮНЕСКО: идеал и акция. Белград : Ин-т международного научного, технического и культурного сотрудничества; Изд-во уч. пособий, 1997.
- Манцер Е. Монополярный мировой порядок. Белград : Досе, 2003.
- Маркович Д. Ж. Встреча цивилизаций и культурная самобытность // Диалог цивилизаций: Восток – Запад: сб. трудов. М., 1995. С. 14–16.
- Маркович Д. Ж. Глобализация и проблемы защиты и сохранения национальной культурной самобытности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». М., 2001. № 1. С. 17–24.
- Маркович Д. Ж. Социология и глобализация. М.: МНЭПУ, 2008.
- Маркович Д. Ж. Глобалистика и кризис глобальной экономики. Белград : Графи-проф, 2010а.
- Маркович Д. Ж. Глобальный экономический кризис, его предпосылки и последствия: Социологические исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2010б. С. 56–73.
- Маркович Д. Ж. Социологический аспект глобального общества // Социально-политические аспекты современного макроустройства (идентичности в условиях глобализации). Улан-Батор, 2010в. С. 59–69.
- Моисеев Н. Н. Россия в системе государств XXI века // Россия в системе государств XXI века: сб. трудов. М., 2010.
- Нанси К. Л. О неспособности Запада расширяться как цивилизации. Белград : НИИ, 2009.
- Персонс Т. Современные общества. Белград : Просвета, 1992.

- Печулич М. Глобализация – два лица мира. Белград : Гутенбергова галаксија, 2002.
- Попов Ч. Нови светски поредак, претходница историјске епохе // Смисао. 1999. № 1.
- Примаков Е. Мир без Русије // Службена газета. 2010. С. 11–12.
- Солженицын А. Русија у пропасти. Белград : Паидеја, 1999.
- Слотердајк П. Социјализам не идеологија. Белград : НИИ, 2009.
- Стойкович Б. Европски културни идентитет. Ниш; Белград : Просвета, Ин-т изучања културног развоја, 1923.
- Тартали С. Цивилизација у Енциклопедији политичке културе. Б. м., 1933.
- Тойнби А. Постигнуће историје. Белград : Просвета, 1970 (на срб. јаз.).
- Фукујама Ф. Стокноуење култура. Белград : Изд-во учебних пособия, 1997.
- Хантингтон С. Сукоб цивилизација. Подгорица, Романов, Бања Лука : ЦИД, 2000.
- Черня Е. Б. Цивилографија. М. : Међународне одношења, 1996.
- Четков М. А. К интегративном виђењу глобализације // Постиндустријални свет и Русија. М. : Едиторијал УРСС, 2001.
- Екмеджич М. Встреча цивилизација и србско одношење к Европи. Нови Сад, 1996.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Вебер А. Б.

д. и. н., главный научный сотрудник Института социологии РАН.
E-mail: mailbox@polisma.ru

Является ли доминирующая в мире модель развития устойчивой (sustainable) с точки зрения человеческого благосостояния? Все более очевидным становится отрицательный ответ. Экономический рост – не единственный фактор благосостояния. Не менее важны социальные и экологические факторы. Оценка ресурсов человечества, то есть реального богатства, включая природные ресурсы, позволяет лучше понять, какие изменения в политике необходимы для перехода на устойчивый путь развития.

Ключевые слова: реальное богатство, ресурсы, человеческий и природный капитал, устойчивое развитие, человеческое благосостояние, общественное предвидение.

Is the world's dominant model of development sustainable in terms of human well-being? It becomes more obvious the answer is negative. Economic growth is not the only factor of well-being. Equally important are the social and environmental factors. Resource assessment of humanity, that is, real wealth, including natural resources, allows a better understanding what policy changes are needed to move to a sustainable path of development.

Keywords: real wealth, resources, human and natural capital, sustainable development, human well-being, social foresight.

Труд есть отец богатства, земля – его мать.

Уильям Петти

Земля-матушка – богатительница наша.

Русская поговорка

Очевидность все более углубляющегося кризиса в системе «человек – природа» снова и снова выдвигает на первый план проблему устойчивого развития (*sustainable development*)¹.

Один из главных ее аспектов – состояние ресурсов, которыми располагают отдельные нации и человечество в целом. Каковы эти ресурсы и что с ними происходит в условиях продолжающегося роста населения, производства, потре-

¹ Здесь и далее английские термины *sustainable, sustainability, sustainable development* переводятся как «устойчивый», «устойчивость», «устойчивое развитие», хотя такой перевод не вполне эквивалентен смыслу оригинала: речь идет о допустимом, приемлемом развитии, о жизнеспособности, то есть свойстве самоподдерживаемости.

ния и сопутствующих этому экономических, социальных и экологических издержек? Как это отражается на перспективах устойчивого развития?

В системе национальных счетов ключевое место принято отводить валовому внутреннему продукту (ВВП) и его величине на душу населения. Этот показатель, предназначенный для измерения экономической активности, со временем стали рассматривать как показатель социального прогресса. Но такая его трактовка создает искаженное представление о действительности. ВВП как сумма учитываемых текущих доходов, являющихся в какой-то степени обратной стороной негативных побочных последствий экономического роста, не может служить индикатором динамики общественного благосостояния.

Стремление восполнить этот недостаток побудило экспертов ООН в конце прошлого века разработать и ввести в оборот Индекс человеческого развития (ИЧР – Human Development Index), учитывающий такие «неэкономические» параметры, как продолжительность жизни (здоровье, здравоохранение) и уровень образования – то, что получило в дальнейшем название *человеческого капитала*.

Но и оба названных показателя – ВВП и ИЧР – не охватывают всего объема располагаемых обществом и используемых им ресурсов, так как не учитывают природной составляющей производственной базы обществ. Природные факторы, то есть то, что по аналогии с основным (произведенным, физическим) и человеческим капиталом стали называть *природным капиталом*, – одно из главных условий человеческого благосостояния. В современных условиях без оценки наличного фонда природных ресурсов, его состояния, его изменения во времени вследствие хозяйственной деятельности трудно определить конкретно условия и перспективы достижения экологически устойчивого развития.

Осознание этого привело к появлению расширенной концепции национального богатства, к попыткам дать ему возможно более полную количественную оценку, включающую оценку природного капитала. Экспериментальные расчеты такого рода были предприняты экспертами Всемирного банка в 90-е гг. прошлого века и в начале нынешнего [Monitoring... 1995; Expanding... 1997; Where... 2006; The Changing... 2011]. Главное богатство наций – и это продемонстрировали расчеты – человеческий капитал. Была предпринята также в грубом приближении оценка природной ресурсной базы в большой группе стран. Эти первые расчеты дали некоторое представление о мировом национальном богатстве и его составе, то есть о соотношении человеческого, природного и физического капитала, но они были весьма несовершенны.

Тем не менее это был важный шаг в развитии современной экономической мысли, шаг к преодолению «экономистской» зауженности неоклассической школы, доминировавшей на Западе в XX столетии. Наметился переход от теории факторов роста к теории устойчивого человеческого развития. Теории, в которой под конечной целью понимается развитие человека, а экономический рост рассматривается как средство для достижения этой цели. В качестве меры развития в этой теории принимается не изобилие произведенных благ, а степень обогащения физической и духовной жизни людей, повышение ее качества [Курганский 2011: 18].

* * *

Может показаться неожиданным, хотя и вполне закономерным, что эти ключевые моменты современной теории развития человека (human development) име-

ют явные точки соприкосновения с антропологическими воззрениями К. Маркса, с его представлением о феномене человека, об отношениях в системе «человек – природа» и предвидением будущей их эволюции.

Разрабатывая теорию естественно-исторического развития общества, Маркс сосредоточил внимание на материальном производстве, но исходным пунктом для него был феномен человека и его место в природе. Подчеркивая диалектическую взаимосвязь истории людей и истории природы, он отталкивался в своем анализе от «природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [Маркс, Энгельс, т. 3: 19]. Природа рассматривалась в качестве предпосылки и условия жизни, развития и существования человека и общества.

Марксову антропологию официальный «советский марксизм» не жаловал, она не вписывалась в партийно-государственную идеологию сталинизма. Хотя для Маркса и Энгельса речь шла как раз о том, чтобы заменить «культ абстрактного человека» «наукой о действительных людях и их историческом развитии» [Там же, т. 21: 299]. Высшей целью общества будущего виделось развитие человека, выявление его творческих дарований, «развитие всех человеческих сил как таковых» [Там же, т. 46, ч. I: 476].

Развитие человека, по Марксу, подразумевает универсальность его потребностей, средств потребления, природных сил индивидов. Человек подчиняет себе силы природы, «очеловечивает» ее и преобразует в соответствии со своими потребностями. Природа – первоисточник средств жизни, предметов и средств труда. Эти условия труда, эти первичные факторы производства представляют собой даровые услуги природы – сами по себе они «ничего не стоят» [Там же, т. 23: 398].

Природные силы и материалы представляют собой пассивные факторы производства; его активный фактор – сам человек, его рабочая сила. Живой человеческий труд К. Маркс вслед за А. Смитом считал главным источником вещественного богатства. Но не единственным, поскольку создаваемые трудом потребительные стоимости всегда содержат какой-то природный субстрат. Оценка живого труда как главного источника богатства соответствовала условиям того времени, поскольку процесс производства с большой степенью приближения совпадал тогда с процессом труда.

В той системе социально-экономических отношений, которую исследовал Маркс, богатство выступало преимущественно в форме капитала, то есть товаров или денег, принявших товарную форму. Маркс не считал возможным называть это национальным богатством. По его словам, единственная часть «так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это – их государственные долги» [Там же, т. 23: 764].

Но Маркс, что особенно важно с точки зрения нашей темы, предвидел неизбежную трансформацию тех отношений в системе «человек – природа», которые были типичны для его времени. Он связывал это с развитием науки и техники, с превращением науки в непосредственную производительную силу вследствие замещения непосредственного труда всеобщим научным трудом, с обусловленным развитием общества и общественного производства разложением капитала как господствующей формы производства [Там же, т. 46, ч. II: 207 и сл.].

В первоначальном варианте «Капитала» [рукопись 1857–1958 гг.] об этой более высокой ступени развития крупного общественного производства говорится следующее. Благодаря научно-техническому прогрессу появляются машины, способные «выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие» [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. II: 212]. Тем самым «созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству» [Там же: 213].

А это означает изменение самой основы общественного производства: на место средств и орудий труда в качестве промежуточного звена между человеком и объектом, на который он воздействует, ставится природный процесс, преобразуемый в производственный процесс. «Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. <...> Вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним» [Там же].

В самых первых, еще скромных проявлениях научно-технического прогресса Маркс разглядел то, что принесла с собой научно-техническая революция в последующие десятилетия – подчинение человеком колоссальных сил природы, превращение их в главную производительную силу на службе у человеческих потребностей, в главный источник общественного богатства. Двигатели внутреннего сгорания, генераторы электрического тока, химический синтез, проводная и беспроводная связь, атомная энергетика, биотехнологии, автоматика, робототехника – все это использование «прирученных» человеком сил природы.

Главной функцией людей, занятых в общественном производстве, становится управление этими процессами, регулирование и контроль. Это требует умственного труда достаточно высокой квалификации, то есть работников, владеющих научными знаниями, специальными навыками и опытом. Конечно, многие виды работ и сегодня требуют применения простого физического труда, но его энергетические затраты не идут ни в какое сравнение с энергетической мощностью используемых ныне человеком природных сил.

Поскольку такая трансформация общественного производства не только реализовалась, но и сопровождалась далекоидущими социальными и политическими изменениями, появились веские основания для того, чтобы по-иному подойти к трактовке таких базовых категорий, как богатство, капитал, труд. Предвосхищение этого мы опять-таки находим у Маркса. Труд в его непосредственной форме, отмечал он, говоря о научном производстве будущего, перестает быть «великим источником богатства» [Там же: 214]. Главной основой производства и богатства становится присвоение человеком «его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом – развитие общественного индивида» [Там же: 213–214].

В цитированных фрагментах нетрудно усмотреть понимание развития человека, весьма близкое к тому, что подразумевается современным понятием

человеческого капитала, и понимание природы как будущего главного источника общественного богатства, близкое к тому, что сегодня называют природным капиталом.

Но есть еще другая сторона дела, которая также не ускользнула от внимания Маркса, а именно – угроза разрушительных последствий массивного воздействия человека на внешнюю природу. Маркс допускал, что в иных общественных условиях и на гораздо более высоком уровне развития производительных сил «все источники общественного богатства польются полным потоком» и станет возможным распределение «по потребностям» [Маркс, Энгельс, т. 19: 20]. Значит ли это, что он игнорировал значение природных ограничений для роста производства и потребления?

Маркс предвидел усиление противостояния человека и внешней природы в процессе общественного развития. Он связывал это с феноменом «отчужденного» труда, с «перекосом» в системе «человек – природа», обусловленным капиталистическим способом производства. Капитал «захватывает» рабочую силу, природные ресурсы, науку – все то, что расширяет его «эластичные потенциалы» [Там же, т. 23: 623], а тем самым и его способность безоглядно и расточительно эксплуатировать природу. Тем самым он «подрывает... источники всякого богатства: землю (то есть природу. – *А. В.*) и рабочего» [Там же, т. 23: 515].

Разрешение проблемы Маркс видел в переходе к сознательному и планомерному регулированию отношений между человеком и природой. Общество «ассоциированных производителей», полагал он, сможет рационально регулировать обмен веществ с природой – «при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Там же, т. 25, ч. II: 387]. На место «слепого господства закона спроса и предложения» должно прийти «общественное производство, управляемое общественным предвидением» [Там же, т. 16: 9].

Представляет интерес суждение Энгельса на этот счет. Говоря о способности человека господствовать над природой, заставлять ее служить своим целям, он писал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и в третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [Там же, т. 20: 495–496]. Энгельс имел в виду не только естественные (для природы), но и общественные последствия производственной деятельности человека. Приведя примеры того и другого, он высказывал надежду на то, что со временем люди научатся заранее учитывать эти последствия и регулировать их.

Эти предположения оказались слишком оптимистическими. По мере дальнейшего социально-экономического развития, становления в более развитых странах «социального государства» и «потребительского общества» расширялись и масштабы эксплуатации природы, теперь уже, по сути дела, совместной эксплуатации ее трудом и капиталом (при крайне неравном распределении получаемых в результате благ, непропорционально большая доля которых достается тем, кто контролирует ресурсы).

О совместной эксплуатации позволительно говорить потому, что прогрессирующее замещение человеческого труда силами природы создало возможность

повышения жизненного уровня населения промышленно развитых и многих развивающихся стран. Росту жизненного уровня сопутствует феномен потребительства, всемерно стимулируемого рынком, поскольку это расширяет поле действия рыночных сил. Рынок побуждает потреблять больше того, что нужно с точки зрения достойных условий жизни, создавая в результате ситуацию выхода за пределы «несущей способности» природной среды. Надвигающаяся угроза планетарного экологического кризиса, о которой давно предупреждали ученые, становится все более реальной.

Ответом на эту угрозу и стала идея устойчивого развития. Программа устойчивого развития была одобрена Организацией Объединенных Наций в 1992 г. Устойчивое развитие – в противоположность тому, которое диктуется рыночной стихией, – это развитие направляемое. В Декларации тысячелетия, принятой главами государств и правительств на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2000 г. содержится важное положение о необходимости управления экономическим и социальным развитием на глобальном уровне. «Обязанности по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз миру и безопасности, – говорится в этом документе, – должны распределяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе».

* * *

В июне 2012 г. на очередной Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» был представлен экспертный доклад, посвященный оценке реального национального богатства большой группы государств, предпринятой с прицелом на конкретизацию перспектив устойчивого развития [IWR 2012]. Доклад был подготовлен группой исследователей под эгидой специальной Международной программы Университета ООН (UN University International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change) и Программы развития ООН (UNEP).

В докладе говорится, что взаимопереплетение экономического, социального и экологического кризисов последних десятилетий заставляет политических деятелей, лидеров бизнеса и гражданского общества, да и широкую публику задаться вопросом: является ли нынешняя модель развития устойчивой с точки зрения человеческого благосостояния? Все больше сомнений вызывает нацеленность на материальное богатство и экономический рост как якобы ключевые факторы благосостояния. Но это не единственные факторы, и они не должны рассматриваться как самоцель. Не менее важны социальные и экологические факторы благосостояния, такие как образование, здоровье, чистый воздух, чистая вода и среди прочего – важные для душевного здоровья природные ландшафты.

В фокусе стремления к устойчивому развитию должно быть *благосостояние человека* – такова исходная установка доклада. При каких условиях можно его обеспечить сегодня и в будущем? Что нужно, чтобы сохранить эти условия или даже улучшить их в интересах будущих поколений? Происходит ли какое-либо движение в сторону устойчивого развития и можно ли (и каким образом) это установить? По мнению авторов доклада, помочь найти ответ на эти вопросы может усовершенствованная ими методика количественной оценки *всего национального*

богатства во всех его элементах², а также анализ тенденций их изменения на протяжении последних двух десятилетий (1990–2008 гг.)³.

Речь идет, как уже было сказано, об активах трех видов: основном или произведенном (*manufactured*) капитале (машинное оборудование, строения, инфраструктура и т. п.), человеческом капитале (образовательный потенциал населения, трудовые навыки) и природном капитале (леса, ископаемое топливо, минеральные ресурсы, земли сельскохозяйственного назначения). Эти активы образуют производственную базу национальных экономик. В данном случае главное внимание уделено *природному капиталу*, в особенности изменениям, которые с ним происходили на протяжении указанного периода, и влиянию этих изменений на состояние производственной базы отдельных стран⁴.

В целях сравнимости все активы оценивались в денежном выражении – на основе их рыночной цены, если они присутствуют на рынке как товары (для оценки природных ресурсов использовалась рентная цена), или если действительная цена неизвестна, то есть активы не оцениваются на рынке (нерыночные, нематериальные активы), или известна, но не отражает реальной стоимости, – на основе условных расчетных цен, то есть при некоторых допущениях относительно их предполагаемой или приемлемой стоимости.

Условность подобных расчетов очевидна. Но благодаря единой методике удалось построить Индекс реального богатства (ИРБ), то есть получить сопоставимые данные, что позволяет сравнивать разные страны по уровню и составу их реального богатства, судить о динамике, о соотношении различных его компонентов. Релевантность методики (оснащенной, кстати, солидным математическим аппаратом) – особая тема, которая могла бы стать предметом рассмотрения специалистов. Нас интересуют полученные результаты.

1. В большинстве из 20 стран, которые стали объектом исследования, природный капитал сократился, в том числе на душу населения (кроме Японии). Таким образом, подтверждаются выводы о превышении хозяйственной емкости природной среды, сделанные ранее другими исследователями с использованием других методов, и гораздо более тревожные (работы В. Г. Горшкова, Д. Медоуза, М. Вакернагеля и др.).

Масштабы зафиксированного сокращения варьируются по странам – от 4–5 % (Бразилия, Канада, Китай) до 16 % (Норвегия) и 36 % (Великобритания). В среднем для всех 20 стран сокращение составило 5 %, то есть выглядит сравнительно небольшим – но это за два десятилетия! Цифра была бы больше, если бы удалось включить в расчет эрозию почв и сокращение водных ресурсов, но такая задача пока не ставилась. Кроме того, оценка природных ресурсов в рыночных ценах, даже с коррективами, неизбежно преуменьшает неопределимую по сути реальную ценность невозобновимых (конечных, то есть все более редких) ресурсов:

² Отсюда несколько тяжеловесный термин «инклюдивное богатство». Ниже используется в качестве равнозначного термин «реальное богатство» или просто «национальное богатство».

³ Авторы оговаривают, что это предварительный и все еще «грубый» анализ, поскольку он охватывает ограниченный круг стран (представляющих, правда, 72 % мирового населения) и не учитывает ряд параметров, по которым исходные данные отсутствуют либо недостаточны.

⁴ Предполагается, что такие доклады будут выпускаться с периодичностью в два года, охватывая те вопросы, которые в данном случае не рассматривались.

объективно она должна возрастать по мере их истощения. Что касается возобновимых ресурсов, то их использование пока не компенсирует сокращения невозобновимых.

2. Несмотря на сокращение природного капитала, почти во всех странах национальное богатство увеличилось (единственное исключение – Россия, где этого не произошло вследствие связанной с деиндустриализацией страны утраты части основных фондов). В 14 странах из 20 оно увеличилось как в целом, так и в расчете на душу населения. Это объясняется главным образом увеличением человеческого капитала, что имело место во всех 20 странах, хотя и в разной степени – от 48 % в Бразилии до умеренных 8 % в США и Австралии, 12 % в Японии и т. п. В большинстве стран увеличение составило от 20 % до 36 %. Сравнительно низкие показатели в наиболее развитых странах объясняются тем, что они еще ранее достигли высокого уровня накопления человеческого капитала.

3. В составе национального богатства 17 стран *преобладает человеческий капитал*. В наиболее развитых странах его доля достигает 70–80 % (в Великобритании – 88 %). Оценка «веса» человеческого капитала зависит от оценки «веса» других компонентов, соотношение которых в разных странах неодинаково. В России, Нигерии, Саудовской Аравии преобладающая форма богатства – природный капитал. Основные фонды занимают в странах с высоким уровнем индустриального развития значительно большее место в производственной базе, чем природные ресурсы. В развивающихся странах, напротив, природные ресурсы играют большую роль в качестве производственного фактора, и даже преобладающую по сравнению с основными фондами там, где ВВП формируется в основном благодаря добыче нефти – как в России, Нигерии, Саудовской Аравии.

4. В шести странах (Венесуэла, Колумбия, Нигерия, Саудовская Аравия, ЮАР и Россия) в рассматриваемый период произошло *сокращение реального национального богатства на душу населения* – главным образом вследствие обгоняющих темпов роста населения. Поскольку в России произошло сокращение численности населения, это несколько смягчило сокращение реального богатства в расчете на одного человека.

Эти шесть стран характеризуются в докладе как страны с неустойчивым типом развития. Что касается остальных, то авторы склонны трактовать положительный индекс реального богатства как свидетельство движения к устойчивому развитию. Основания для такого вывода представляются весьма шаткими, да и сами исследователи здесь не очень категоричны. Так, отмечается, что среди стран с положительным индексом роста богатства ежегодный темп его роста в расчете на душу населения только в Китае превысил 2 %, еще в трех странах (Германия, Франция, Чили) он превысил 1 %, а в 10 странах составил от 0,1 % до 0,9 %, то есть находится «на грани» устойчивости и «с высокой вероятностью движения к неустойчивой траектории».

Сопоставление ежегодных темпов роста ИРБ с темпами роста ВВП и ИЧР дает следующую картину [IWR 2012: 44].

Таблица

**Среднегодовые темпы роста ИРБ, ВВП (на душу населения) и ИЧР,
в % (1990–2008 гг.)**

Страна	ИРБ на д. н.	ИЧР	ВВП на д. н.
Австралия	0,1	0,3	2,2
Бразилия	0,9	0,9	1,6
Великобритания	0,9	0,6	2,2
Венесуэла	– 0,3	0,8	1,3
Германия	1,8	0,7	1,5
Индия	0,9	1,4	4,5
Канада	0,4	0,3	1,6
Кения	0,1	0,4	0,1
Китай	2,1	1,7	9,6
Колумбия	– 0,1	0,9	1,7
Нигерия	– 1,8	1,3	2,5
Норвегия	0,7	0,6	2,3
Россия	– 0,3	0,8	1,2
Саудовская Аравия	– 1,1	0,5	0,4
США	0,7	0,2	1,8
Франция	1,4	0,7	1,3
Чили	1,2	0,7	4,1
Эквадор	0,4	0,6	1,8
Южная Африка	– 0,1	– 0,1	1,3
Япония	0,9	0,4	1,0

Три ряда показателей существенно различаются. Как видно из данных таблицы, темпы роста реального богатства почти везде (кроме Германии и Франции) ниже темпов роста ВВП на душу населения. Индекс реального богатства не обязательно коррелирует с изменениями ИЧР. Рост подушевого ВВП наблюдался и в странах, где индекс реального богатства имел отрицательное значение. То есть страна потребляла больше, чем может произвести в будущем (принимая неизменным уровень технологии). Это заставляет сомневаться в долгосрочной устойчивости показателей ВВП этих стран.

Весьма уязвима положенная в основу практического отождествления роста реального национального богатства и движения к устойчивому развитию презумпция взаимозамещаемости (*substitution*) различных форм капитала, в частности возмещения природного капитала человеческим. Монетарный подход создает иллюзию равного значения различных форм капитала. Правда, делается оговорка: допущение абсолютной замещаемости нереалистично и вводило бы в заблуждение. Не исключается, однако, возможность ограниченной замещаемости, что трактуется как свидетельство продвижения к устойчивости.

Но и такое «ослабленное», смягченное допущение вызывает возражения критиков, на что указывают авторы доклада. Однако они допускают, что можно конвертировать какой-то природный ресурс в другие активы, если при этом повышается благосостояние граждан. А это определяется, мол, соотношением расчетной цены соответствующих капиталов, то есть замещение приемлемо, если оно не ведет к уменьшению суммарной величины национального богатства.

Принимая эту посылку, авторы сопровождают ее существенными оговорками. «То, что дает природа, – это необходимость, а не роскошь. Существуют определенные опции для какого-то уровня замещаемости, но по зрелому размышлению необходимо остерегаться необратимых процессов, которые могут вызвать снижение благосостояния» [IWR 2012: XXV]. И признают: истощение какого-то типа природного капитала и замещение его другим природным или произведенным капиталом в большинстве стран часто оказывается неэкономичным.

Ни основные фонды, ни человеческий капитал не могут заменить природы как среды обитания человека в широком смысле, как самооценности, как источника жизненных средств и средств производства. О замещении можно говорить лишь в тех случаях, когда речь идет, например, о создании искусственных материалов, заменяющих природные, или о частичной замене невозобновимых ресурсов возобновимыми.

Но и здесь есть свои пределы. Никакой прирост человеческого или основного капитала не может возместить истощения ресурсов пресной воды, загрязнения атмосферы, сведения лесов, сокращения биоразнообразия, уничтожения природных ландшафтов, изменения климата... Никакая современная экономика не может обойтись без необходимых для производства и жизнеобеспечения природных источников энергии и минеральных ресурсов. Их нехватку приходится возмещать импортом. Промышленно развитые страны вынуждены, как правило, в той или иной мере прибегать к сырьевому импорту в крупных масштабах.

* * *

Авторы доклада не обошли вниманием и тему влияния внешней торговли на формирование национального богатства, посвятив ей особую главу.

Как отмечено выше, промышленно развитые и развивающиеся страны значительно различаются по составу совокупного национального богатства. Сырьевые ресурсы первых в большинстве случаев весьма ограничены (исключения – Канада, Норвегия), они являются нетто-импортерами ресурсов. Во многих развивающихся странах запасы природных ресурсов составляют весомую часть их национального богатства – они выступают в качестве нетто-экспортеров.

Влияет ли (и каким образом) международная торговля на перспективы развития отдельных экономик? Объем глобальной торговли сырьевыми ресурсами вырос с 1990 по 2008 г. в шесть раз – с 613 млрд до 3,7 трлн долларов. Рост торговли сырьевыми ресурсами, как подчеркивается в докладе, стимулировал их расточительное использование странами-импортерами и неблагоприятные экологические последствия для стран-экспортеров, то есть главным образом для развивающихся стран.

Торговля способствовала «слишком быстрому» сокращению сырьевых ресурсов, поскольку осуществлялась по «слишком низким» ценам [Ibid.: 88]. Учитывая существенный объем торгуемых природных активов – как в денежном выражении, так и с точки зрения его места в национальной экономике, – это не может не влиять на оценку перспектив устойчивого развития отдельных развивающихся стран. В частности, рост цен на нефть и другие виды природного сырья может создавать ложное представление о продвижении к устойчивости (увеличение богатства!), тогда как фактически этого не происходит.

Это хорошо видно и особенно резко проявляется в случае с Россией. Российская ситуация, если верить данным, приводимым в докладе, уникальна по сравнению с другими странами, которые изучались. Это единственная из 20 стран, где за рассматриваемый период индекс реального богатства снизился. Снизился и объем национального богатства на душу населения. Россия стала исключением и в том отношении, что негативный показатель индекса реального богатства был обусловлен сокращением основных фондов на 37 % [IWR 2012: 39].

В то же время у России – самые высокие запасы природных ресурсов. Но она, экспортируя в больших масштабах сырье, в особенности углеводородные энерго-ресурсы, не увеличивала в то же время свой основной и человеческий капитал такими темпами, чтобы обеспечить общий рост реального богатства. Рост ВВП происходил за счет «проедания» природной ресурсной базы.

Будучи богатой по природным ресурсам (один из самых высоких показателей на душу населения), Россия в сравнении с промышленно развитыми странами остается сравнительно бедной по другим параметрам. Она сильно уступает США, Японии, Германии, Франции, Великобритании по размеру основного и человеческого капитала на душу населения. Можно было бы заподозрить авторов доклада в предвзятости, но по расчетам некоторых российских исследователей этот разрыв даже больше, чем следует из рассматриваемых материалов [Корчагин 2007; Корчагин].

* * *

Стоит упомянуть о некоторых важных общих выводах, которые содержатся в докладе. Подтверждается, в частности, что процессы *глобализации*, получившие выражение в ускорении темпов роста международной торговли, усилили тенденцию роста неустойчивости мирового развития. Ресурсы перетекают от бедных стран к богатым, при этом в странах с низким и средним уровнем доходов обусловленное производством истощение природных ресурсов превосходит то, которое обусловлено потреблением; тогда как в странах с высоким уровнем доходов наоборот – потребление («сверхпотребление», констатирует доклад) служит главной причиной общей тенденции истощения ресурсов. Диспропорция увеличивается с повышением уровня доходов. Это значит, что богатые страны с их производственными и потребительскими практиками «проедают» ресурсы на уровне выше среднего. С точки зрения перспектив устойчивого развития снижение социального неравенства в мире – одна из главных задач управления глобализацией.

Связанная с этим проблема – *права собственности* на природные ресурсы. Права собственности сфокусированы на индивидуальном (частном) владении. В то же время многие «услуги природы» (*nature's services*), как отмечается в докладе, имеют публичный характер, что противоречит передаче их в частную собственность (it is difficult to assign property rights to them). Как правило, права собственности передаются без должного учета социальной справедливости (как это, кстати, произошло и происходит в России). Неотрегулированные и незащищенные права собственности затрудняют формирование рынков или искажают их функционирование [IWR 2012: XXV].

Индекс реального богатства, полагают авторы доклада, дает иную возможность оценки функционирования экономики, чем традиционные критерии. Он переключает внимание с текущих доходов на измерение наличных производст-

венных фондов в широком их понимании (в противоположность ВВП). «Сбережение фондов существенно важно для того, чтобы совокупное производство могло поддерживаться в долгосрочном плане, расширяя тем самым арсенал мер, посредством которых можно направлять экономическое развитие (by which economic development can be captured)» [IWR 2012: 44].

Предложен ряд рекомендаций, адресованных правительствам, тем, кто принимает политические решения. Им советуют поставить в центр экономического планирования индекс реального богатства и основывать свою деятельность на сбалансированном подходе, учитывая все компоненты национального богатства и их взаимозависимость. Правительства должны ускорить переход от системы учета потока доходов (ВВП) к системе, основанной на оценке реального богатства. Предлагается запустить исследовательские программы, в том числе на международном уровне, для оценки ключевых компонентов природного капитала (в особенности – экосистем) и их значения («услуг») для человеческого благосостояния.

Промышленно развитым странам, где достигнут высокий уровень человеческого капитала и где по этой причине отдача от дополнительных инвестиций в него уменьшается, рекомендуется увеличивать инвестиции прежде всего в сохранение природных активов, в использование возобновляемых природных ресурсов, восполняя тем самым сокращение невозобновляемых. Но Индии, например, советуют больше инвестировать в человеческий капитал, поскольку она отстает по темпам его роста от Китая. А России следует больше инвестировать в основные фонды, а также, конечно, в образование, науку, здравоохранение.

Представленная в докладе концепция, ее критическая направленность против доминирующей в мире экономической системы дает, как представляется, основания для более крупных выводов и обобщений. Глобальный финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., побудил многих видных политических и общественных деятелей говорить о необходимости смены модели социально-экономического развития. «Старая модель пришла в упадок. Мы должны создать новую модель для динамического роста», – заявил генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 2012 г.

Собственно, эта мысль в неявной форме присутствует в докладе; она заложена в самой постановке проблемы, в констатации кризиса системы, в признании того, что этот кризис вызывает все больше вопросов и сомнений в отношении ее способности к устойчивому развитию. Если в заключение вернуться к Марксу, то, слегка перефразируя его, можно сказать: в великом споре между слепым господством закона спроса и предложения и общественным развитием, управляемым общественным предвидением, позиция авторов доклада на стороне управляемого развития.

Литература

Корчагин Ю. А. Современная экономика России. Ростов н/Д. : Феникс, 2007.

Корчагин Ю. А. Национальное богатство, российский человеческий капитал и проблемы его роста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=18>

Курганский С. А. Структура человеческого капитала и его оценка на микроуровне // Известия ИГЭА. 2011. № 6(80). С. 17–24.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1955.

Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development // The World Bank. Washington, D.C., 1997.

Inclusive Wealth Report (IWR) 2012. Measuring Progress towards Sustainability. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

Monitoring Environmental Progress: a Report on Work in Progress // The World Bank. Washington, D.C., 1995.

The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium // The World Bank. Washington, D.C., 2011.

Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century // The World Bank. Washington, D.C., 2006.

УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Киселев Д. А.

аспирант кафедры философии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: danilakiselev@yandex.ru

Если кризисные явления современности, проявляющиеся в различных сферах жизни общества, имеют общую природу, то, очевидно, и задачи, которые требуется решить для преодоления этих явлений, также имеют общую природу и могут быть объединены в особый класс задач. В данной статье обосновывается положение о том, что такой класс задач следует обозначать как задачи управления развитием, а само управление развитием есть особого типа проблема, прежде всего философская и философско-методологическая, имеющая к тому же глобальный статус. Также подчеркивается необходимость формирования нового философско-методологического языка (и соответствующего ему тезауруса), в котором первостепенное внимание будет обращено на проблемы развития и управления. Обоснование данного тезиса и расшифровка того, что следует понимать под «управлением развитием», составляют основное содержание данной статьи.

Ключевые слова: управление, развитие, управление развитием, задачи управления, задачи развития, философия управления, методология управления, глобальное управление, рефлексивное управление.

If assume that the crisis tendencies in various spheres of life have a common nature, then the tasks to be solved in order to overcome these tendencies have obviously a common nature too and could be jointed in a particular class of tasks. This article substantiates that such a class of tasks should be considered as the tasks of development governance, and that development governance itself is as a problem of a special kind, first of all, philosophical and methodological. Moreover, it is a problem of a global level. Besides, the article emphasizes the need for a new philosophical and methodological language (and a corresponding thesaurus) with a priority to be given to the development and governance problems. Substantiation of this thesis and explanation of how 'development governance' should be understood form the main content of the article.

Keywords: governance, development, development governance, governance tasks, development tasks, philosophy of governance, methodology of governance, global governance, reflexive governance.

Проблема управления развитием сегодня становится самостоятельной и крайне значимой для всего человечества. В ее основе – необходимость перехода к массовому сознательному (разумно детерминируемому) культурно-историчес-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 2013 г.

кому творчеству. Дело в том, что современное общество на любом уровне (от отдельного индивида до государств и международных объединений) должно уметь решать задачи управления развитием науки и техники, производства, культуры; управления техническим, экономическим, социальным, духовным, моральным развитием; управления развитием личности, коллектива, предприятия, города, региона, отрасли, страны; управления развитием культурной и живой природы, окружающей среды и т. д. В современных условиях, когда все эти задачи могут быть принципиально осознаны и сформулированы (а значит, и решены), любое кризисное явление можно и должно рассматривать как нерешенность указанного типа задач.

В то же время в текущей практике управления (во всех сферах общественной деятельности и на всех ее уровнях) сохраняется неопределенность самих задач управления развитием. Такие задачи либо вообще не ставятся и не осознаются достаточным количеством людей, либо подчас отождествляются с задачами управления изменениями и процессами (технологическими, природными, социальными, экономическими), то есть формулируются некорректно, неполно. Свой отпечаток накладывает и специфика управления в различных предметных областях, которая значительно ограничивает востребованность общефилософской рефлексии.

Отдельный вопрос – соотношение проблемы управления общественным развитием с крайне актуализировавшейся в последнее время проблемой «глобального управления», свидетельством чему является, в частности, ряд публикаций в настоящем журнале [Вебер 2010; Чумаков 2010; Дробот 2011]. Однако здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что проблема «глобального управления», как правило, обсуждается вне контекста развития, в результате чего, несмотря на отдельные удачные наблюдения и выводы, она формулируется также заведомо неполно, а сами задачи управления и его содержание по большей части остаются в стороне.

А. Б. Вебер, например, хотя и ставит проблему ««приручения» стихийных процессов» и даже проблему управления развитием, сводит последнюю лишь к реакции на глобальные вызовы и, кроме того, не проводит принципиального различия между управлением развитием и управлением процессами. Но главное – Вебер ведет речь не о задачах собственно управления и развития, а о проблеме управляемости современного глобального мира, причем преимущественно в институциональном и политическом аспектах. Преодоление кризисных явлений современности он связывает с необходимостью институционального обеспечения такой управляемости (и видит в этом основную задачу), обосновывая ее «отставанием “политической глобализации” от экономической». Во многом по тому же пути идет и А. Н. Чумаков. Вслед за Вебером он рассматривает возможность становления глобального субъекта управления и ищет признаки и предпосылки институционально оформленного «глобального управления» в современном нам мире. Однако Чумаков идет дальше и пытается очертить контуры будущей архитектуры «глобального управления», формулируя, по сути, один из возможных проектов такой архитектуры. Но, к сожалению, проблему управления Чумаков также формулирует в основном как проблему управляемости. Складывается впечатление, что становление институционально оформленного «глобального управления» само по себе способно решить мировые проблемы вне зависимости от

смысла и содержания такого управления. В свою очередь Г. А. Дробот, критически относясь к статье А. Н. Чумакова, обращает внимание на чрезмерно идеалистический характер некоторых его выводов и обобщений. Она акцентирует внимание на принципиально конфликтном характере современного мира, обосновывая его средствами теории международных отношений. Однако Дробот анализирует проблему «глобального управления» преимущественно во все том же институциональном аспекте и к тому же в еще большей степени политизирует ее. Проблемы и задачи развития вновь остаются в стороне, и вновь «глобальное управление» сводится к обеспечению управляемости, хотя и рассматривается на этот раз скептически.

Несмотря на то что вопрос о соотношении проблемы «глобального управления» и проблемы управления общественным развитием в целом выходит за рамки данной статьи и заслуживает отдельного и детального разбора, все же необходимо хотя бы тезисно обозначить некоторые принципиальные моменты.

Во-первых, в контексте проблемы управления общественным развитием, в том ее виде, в котором она представлена в данной статье, проблема «глобального управления» рассматривается лишь как одна из частных ее сторон. Во-вторых, предполагается, что методология управления развитием в своей основе может быть едина на всех уровнях общественной организации в силу универсального характера задач управления развитием. И успешность управления, в таком случае, зависит не столько от того, на каком уровне оно осуществляется, сколько от качества понимания самой сути (природы) управления и развития и качества постановки и решения задач развития и управления им. В-третьих, надо понимать, что в различных концепциях «глобального управления» речь идет не столько даже об управлении, сколько об организации (опять же – частной стороне управления), то есть о том или ином типе порядка. Именно поэтому проблема «глобального управления» часто сводится к обсуждению ее институциональных аспектов, которыми управление, разумеется, не исчерпывается. При этом сами цели и задачи управления, как уже отмечалось, остаются за рамками обсуждения. В-четвертых, если концепции «глобального управления» в основном фокусируются на проблеме *контроля* над развитием и на проблеме управляемости как таковой, то для проблемы управления общественным развитием принципиально само *осуществление* развития. Развитие здесь является не какой-то отдаленной целью управления, а его содержанием. И, наконец, в-пятых, в рамках концепций «глобального управления» управление развитием отождествляется с управлением изменениями, процессами. Однако, как будет показано в дальнейшем, управление развитием есть принципиально иная форма управления (и форма развития), занимающая более высокое место в иерархии этих форм.

Таким образом, становление представлений об управлении развитием – это попытка выйти на качественно новый уровень понимания самой сути управления и развития. И пока этот уровень не будет достигнут, проблема «глобального управления» вряд ли может быть сформулирована корректно.

Итак, проблема управления (общественным) развитием по-прежнему является недоосознанной, недосформулированной, еще не сложились необходимый философско-методологический язык и соответствующий понятийный аппарат. Эта проблема как таковая – в той ее сущности, которая по-разному проявляется в природе, обществе и духовном мире человека, – пока еще не стала полноценным

предметом исследования ни специалистов, ни философов, изучающих методологические проблемы управления.

Именно поэтому «управление развитием» – это прежде всего особый понятийный комплекс, связанный в том числе с формированием нового философского языка. Представление об «управлении развитием» является важнейшим элементом тезауруса философии будущего, контуры которой можно увидеть уже сейчас, но которую тем не менее еще предстоит сознательно доконструировать. Совершенствование представлений об «управлении развитием» должно подготовить, гармонизировать и конструктивно согласовать назревающую смену парадигм сразу в нескольких отраслях философии: философии управления, философии развития, философии техники, философии истории, философии образования, рефлексивной философии и т. д. Само оперирование представлениями об управлении развитием является необходимым для этого условием.

Несомненно, понятие «управление развитием» носит и должно носить универсальный характер. Оно обозначает особого типа управленческие воздействия общественных субъектов на многообразные процессы развития и в природе, и в обществе, и в духовном мире человека. Такой универсализм понятия об управлении развитием основывается на универсальном характере самих задач управления развитием, которые объективно возникают перед современным обществом, в том числе и на глобальном уровне. В то же время необходимо понимать, что нет и не может быть управления «вообще». Как справедливо замечает В. А. Беляев, «любое управление существует в рамках определенной культуры, которая задает стратегические направляющие для него» [Беляев 2012: 31]. Следовательно, если вести речь о выстраивании некоего нового типа управления, новой управленческой парадигмы, то необходимо также иметь в виду и мощнейший обратный культурогенный потенциал управления. Новый тип управления (точнее – заново, на новом уровне осознанное управление) неизбежно породит новый тип культуры и соответствующие механизмы ее воспроизводства. Именно поэтому проблема управления развитием есть также и проблема культурно-исторического творчества.

И все же объективно универсальный характер задач управления развитием позволяет поставить вопрос о необходимости анализа их общего содержания, их сути, по-разному проявляющейся в, казалось бы, далеких друг от друга сферах. Как пишет В. Н. Южаков, такой анализ, по-видимому, может быть осуществлен на уровне философской теории развития. Здесь управление развитием «может быть рассмотрено в контексте возможных форм отношения субъекта к процессам развития, как особая их разновидность» [Южаков 1988]. Лишь философско-методологический уровень исследования проблемы позволяет абстрагироваться от различий между методами управления, конкретными и многообразными видами развития, а также от различий методов, используемых на отдельных этапах управленческой деятельности. Он позволяет выделить главное – специфику управления развитием как особого отношения субъекта управления к процессам развития.

Важнейший момент, который необходимо подчеркнуть, – это взаимосвязь и взаимообусловленность управления, развития и наших представлений о них: одно без другого просто не имеет смысла. Управление без развития означает лишь владение, распоряжение и контроль, и по большому счету управлением называться не может. Более того, если управление не решает задачи развития, то оно

неизбежно становится фактором социальной дезинтеграции и ведет к росту антагонизма, в том числе классового. Выражаясь предельными категориями, которые при всем нашем желании не могут быть лишены этической окраски, управление имеет смысл лишь как обеспечение движения от недолжного к должному, от менее совершенного к более совершенному наиболее верным путем. То есть речь идет о развитии, которое должно стать подлинным содержанием управления. В то же время надо понимать, что развитие без управления также не имеет смысла, так как неуправляемое и неосознаваемое, стихийное (стохастическое, случайное) «развитие» означает полную пассивность человека перед обстоятельствами, его неспособность реализовать свою творческую природу (деятельностное начало) и потенциал разума.

Итак, управление и развитие идут в связке в силу самой природы этих явлений. Там, где ставится вопрос о развитии, должен быть поставлен и вопрос об управлении, и наоборот. В определенном смысле современному управлению не хватает развития, а развитию не хватает управления. Соответственно, философия управления без философии развития является неполноценной, и для решения задач управления развитием необходим их синтез. Г. П. Щедровицкий, например, прямо писал, что «понятия развития и прогресса в применении к каким-либо социальным образованиям являются понятиями, созданными для обеспечения активной и целенаправленной деятельности» [Путеводитель... 2004: 80]. То есть представления о развитии способны выступать в качестве ключевых детерминант собственно управленческой деятельности, которая сама по себе является активной и целенаправленной. Щедровицкий вообще высказывал смелую гипотезу о том, что управлять, по сути, можно только развитием, а управление, например, функционированием есть бессмыслица [Щедровицкий 2003: 174].

Важно также, что, осознанно ставя, формулируя и решая задачи управления общественным развитием, мы тем самым будем учиться лучше понимать природу самого развития и, разумеется, управления им. Эта мысль, в частности, отчетливо звучит в работах современного философа и методолога М. Раца. Хотелось бы надеяться, пишет он, что обсуждение управления и развития приведет к построению системы соответствующих понятий: понятий управления, развития и управления развитием. При этом Раци, следуя логике рассуждений Щедровицкого, также заключает, что «развития без управления не бывает, естественное развитие есть бессмыслица» [Рац 2011: 30–55].

Еще один важнейший момент, требующий разъяснения, – это отличие управления развитием от других форм участия социального управления в процессах развития в природе, обществе и духовном мире человека. Отсутствие должного внимания к этому различию является причиной непонимания значимости управления развитием как особого класса управленческих проблем (и задач) и как особого типа деятельности, особого типа развития.

Дело в том, что, оперируя представлениями об управлении развитием, необходимо учитывать их культурно-историческое измерение. Постановка задач управления развитием в различных сферах общественной практики – это закономерный результат изменения роли управления в общественной жизни. Исторический характер «управления развитием» и его наивысшее место в иерархии форм влияния управления на процессы развития является следствием нескольких объективных факторов. Речь идет, во-первых, о возрастании субъектной компоненты

в развитии общества и окружающей среды и о расширении границ осознаваемого развития, проектно осознаваемого мира (то есть не просто мира, в котором что-то происходит, а мира, в котором можно и нужно что-то делать). Во-вторых, об «универсализации феномена управления в общественной жизни и обобщении понятия социального управления» [Южаков 1988], которые позволяют рассматривать его как важнейший фактор функционирования и развития общества. В-третьих, следует сказать о возрастании зависимости развития общества и окружающей среды от качества решения управленческих задач. Разумеется, возможно говорить и о других факторах, но эти три следует выделить в числе важнейших.

Именно при учете культурно-исторического измерения управления, в особенности при попытках описать эволюцию его форм, возникает необходимость отличать управление развитием от других форм влияния управления на процессы развития, в частности от таких близких явлений, как управление изменениями, процессами.

Как пишет В. Н. Южаков, управление развитием есть лишь одна из форм участия управления в процессах развития. Но это определяющая и ключевая форма. Южаков предлагает обобщенное, философское понимание социального управления развитием. Он определяет управление развитием как «особую форму отношения субъекта к процессам развития, основанную на превращении развития из результата и цели в непосредственный объект управления и на качественно новом уровне “включения” управления в объективную детерминацию развития» [Там же]. При этом Южаков выделяет три последовательные формы влияния управления на процессы развития в природе, обществе и духовном мире человека: 1) стихийное влияние; 2) сознательное влияние; 3) управление развитием.

М. Рац также принципиально выделяет управление развитием как особый тип управления [Рац 2011]. Им представлена несколько иная, но, что интересно, также трехуровневая типология управления: управление изменениями, управление деятельностью и, наконец, управление развитием. Он пишет, что в последнем случае под развитием следует понимать «не наименование процесса, спонтанно идущего в управляемой системе», а, во-первых, «наименование ориентира – ценности и рамки, принадлежащих управленческой надстройке, и, во-вторых, наименование процесса, возникающего в результате деятельности управленцев, руководствующихся таким ориентиром. Причем этот процесс идет одновременно как в управляемой, так и в управляющей подсистемах. Иными словами, управление развитием – это особый случай управления деятельностью, выделяемый не по особенностям объекта, а по особенностям ориентации управленцев» [Там же: 38]. В этой связи М. Рац говорит о необходимости выстраивания особого типа «политики развития», в рамках которой развитие, по сути, и становится смыслом и содержанием управления.

Итак, управление развитием нетождественно управлению изменениями или процессами. Специфичность управления развитием связана с тем, что управление особым образом «включается» в детерминацию развития, например, как предполагает М. Рац, в виде ценности-ориентира. Фактически это означает, что мы имеем дело не только с особой формой управления, но и с особой формой развития. В таком случае необходимо вести речь не о развитии того или иного процесса или ситуации, а собственно о ситуации развития. В определенном смысле управление

развитием – это само развитие, но на принципиально ином, ранее не доступном уровне его детерминации.

Принципиально иной уровень детерминации развития означает резкое возрастание адаптирующей мощи управления. Первоначально в традициях кибернетики, сыгравшей ключевую роль в формировании представлений об управлении, было принято рассматривать процесс управления как приведение системы в такое состояние, которое преимущественно детерминируется внешней средой. Однако многие исследователи проблем управления обществом, например Г. А. Антонюк, справедливо отмечали, что рассмотрение в качестве цели управления приведения системы в соответствие со средой недостаточно учитывает особенности управления общественным развитием. «Общество и его подсистемы, главными компонентами которых являются субъекты человеческой деятельности, – это не только адаптивные, но и адаптирующие организмы, активно преобразующие окружающую среду...» [Антонюк 1986: 18–19]. Эта преобразующая, средообразующая, а не только лишь адаптивная природа управления – одна из основ управления развитием.

В этой связи следует также считать ошибкой редукцию проблемы управления развитием к проблеме принятия решений, то есть выбора оптимальных траекторий развития. Последнее – лишь частная задача оптимизации. Оптимизировать – значит выбирать наилучшие варианты из множества возможных. Управление же развитием связано в первую очередь с определением самих границ возможного (и неизбежным выходом за существующие границы), построением соответствующих проектов и их реализацией.

Это обстоятельство, однако, не отменяет объективно-исторического характера общественного развития. Дело в том, что само становление управления развитием, как пишет В. Н. Южаков, тесно связано с освоением самодетерминации развития, с изучением, учетом, использованием и формированием эффекта его самоорганизации [Южаков 1988]. Речь идет, если можно так выразиться, об овладении «стихий» развития подобно тому, как человек в ходе истории, постепенно овладевая природными явлениями, учится добиваться необходимых ему эффектов, порождая при этом принципиально новые формы бытия (техническую, виртуальную). То, что Южаков называет самодетерминацией развития, Г. П. Щедровицкий называл самодвижением. При этом он отмечал, что «управление возможно только в отношении объектов, имеющих самодвижение. Пока этого самодвижения нет, ставить такую задачу или цель – управление – не имеет смысла» [Путеводитель... 2004: 123]. Но это также означает, что задача управления развитием может включать в себя необходимость инициации самодвижения, инициации самих процессов развития. Таким образом, управляя развитием, человек способен запускать процессы развития в тех областях и сферах, где они объективно (без его участия) возникнуть не могли.

Весьма любопытное понимание характера и содержания того, что же все-таки следует называть управлением развитием, демонстрирует Ю. Громыко. Он также уделяет особое внимание инициации развития и использованию его эффектов. «Развитие, – пишет Громыко, – осуществляется в форме взрывного действия. Поэтому управление развитием – это прежде всего управление результатами взрыва, удержание параметров процесса в определенных рамках и освоение получаемых эффектов. Управляет развитием тот, кто создает способы употребления эффектов

развития. Сам процесс развития может быть разделен на три стадии: подготовка развития-взрыва, собственно взрыв и управление эффектами развития после взрывного скачка. Важнейший момент управления взрывом – инициация самого взрывного скачка, или перехода в новое состояние» [Громыко 2008: 104]. В описанном Громыко механизме управления развитием можно усмотреть приверженность инженерному и кибернетическому подходам к пониманию управления. Проблема управления развитием сводится здесь к проблеме контроля, который является лишь одним из измерений или модусов управления. И все же, несмотря на то, что описанный механизм заведомо не охватывает всей полноты управления, он вполне реален, работоспособен и может рассматриваться в качестве частной модели управления развитием. Важно и то, что данный механизм дает элементарное представление о возможности различения стадий в управлении развитием.

Продолжая характеристику управления развитием как уникальной формы управления и развития, следует также учесть еще два важнейших момента: во-первых, принципиально особый тип связности субъекта и объекта в управлении развитием, а во-вторых, крайне сложное сочетание искусственных и естественных компонент в управлении развитием.

Одно из перспективнейших направлений исследования проблем управления связано сегодня с так называемой концепцией рефлексивного управления, основоположником которой является В. А. Лефевр. И указанным двум моментам в этой концепции уделено особое внимание. По-видимому, именно в этой области следует ожидать прорыва в понимании природы и механизмов управления общественным развитием.

Становление современных представлений о рефлексивном управлении, как пишет В. Е. Лепский, по-прежнему связано с «преодолением ряда ограничений парадигмы “субъект-объект”» [Лепский 2009: 65] и характеризуется возрастанием роли субъектно-ориентированных подходов. Вместе с тем «принципиальные изменения в понимании рациональности в науках об управлении и организации, а в первую очередь изменяющийся статус субъекта в них», выводят на первый план проблемы соотношения искусственного и естественного [Там же: 38].

В концепции рефлексивного управления фактически снимается оппозиция типа «субъект – объект». Здесь приходится иметь дело с отношениями типа «субъект – субъект» и «субъект – полисубъектная система». Это, однако, не означает, что объекта управления не существует вовсе. Разумеется, он есть. Но существует он прежде всего в рефлексии субъекта, который сам формирует объект, преобразуя свои субъектные интенции (проектные установки) во вполне объектные формы деятельности.

В действительности необходимо понимать, что когда речь идет об управлении общественным развитием, то мы имеем дело, по сути, с безобъектной средой. Общество следует рассматривать здесь не иначе как (поли)субъектную рефлексивную структуру, в которой скрыта объективная тенденция к росту «сознательности» субъектов-участников. Во многом поэтому управление развитием методологически не может строиться на принципах реактивизма, бихевиоризма и т. п., так как развитие в таком случае с трудом вписывается в систему детерминистских связей типа «стимул – реакция». Это значит, что управление развитием нельзя трактовать как своего рода «подталкивание», стимулирование развития. Основ-

ным механизмом влияния субъектов друг на друга в этом случае становится не манипуляция мотивациями, не принуждение или пропаганда, а убеждение и образование. Поэтому культура управления развитием – это не только культура узкого класса управленцев и лиц, принимающих решения, но культура абсолютно всех, кто так или иначе может быть задействован в процессах общественного развития. Это обстоятельство дополнительно указывает на общечеловеческий, глобальный статус задач управления развитием.

Кроме того, управление развитием предполагает относительную целостность субъекта в процессе управления и развития. То есть субъект управления (он же – субъект развития) ставит задачи (управленческие задачи) прежде всего для самого себя, а не для кого-то еще.

Как пишет А. В. Авилов, управление – это «не только организация дела (актуализация востребованности и построение концептуального предприятия), то есть некоторая прелюдия, предпосылка к делу, но и само осуществление этого дела – осуществление деятельности концептуального предприятия» [Авилов 2003: 61]. Авилов, характеризуя предлагаемую им парадигму рефлексивного управления, отмечает, что «для осуществления управления руководителю необходимо вначале построить управленческую [то есть свою собственную] деятельность, а затем создать – посредством привлечения подчиненных лиц – адекватную ей объектную деятельность» [Там же].

Подводя итог краткому анализу управления (общественным) развитием, отметим еще раз, что эта проблема по-прежнему является недоосознанной и недосформулированной. Дело в том, что и само управление как отрасль деятельности, несмотря на колоссальные достижения человечества в технологиях, регуляции общественных отношений, сейчас находится в еще не вполне развитом состоянии, принимая подчас и вовсе архаичные формы. Мы только сейчас начинаем подбираться к уяснению сути управления, но все еще делаем это как-то на ощупь, не вполне осознанно и целенаправленно. Еще меньше, пожалуй, мы знаем о природе развития.

В этом отношении управление развитием приобретает особую значимость как творческий (во многом интуитивный) процесс и даже как особого рода духовная практика («духовная навигация», в терминах В. М. Розина). При этом основным содержанием управления развитием как творческого процесса становится конструирование «образа будущего». Об этом, например, отчетливо пишет С. Г. Кара-Мурза [2011: 5]. Вслед за Кара-Мурзой очень интересную характеристику управлению развитием как творческому конструированию будущего дает также А. Н. Окара [2011: 40–41]. «Основной вопрос проектирования будущего (в социально-философском преломлении)» связан для него «с построением субъектно ориентированного и проектно осознаваемого мира». А установка на «понимание будущего как креативно-творческого субъектного процесса» должна, согласно Окаре, «стать мейнстримом развития российского общества». Интересно, что содержанием управления развитием как творческого процесса становится не только решение задач управления развитием, но и сама постановка таких задач, их проектная формализация.

Л. Г. Голубкова и В. М. Розин отмечают, что «для решения проблем, которые сейчас переживают развитые страны, потребуются возврат к проектному типу планирования, но в ином масштабе» [Голубкова, Розин 2010: 127]. Что же касает-

ся России, то ей всегда был присущ мобилизационный тип развития. А в современном мире этому духу наиболее соответствует практика масштабной проектной и в основном коллективной деятельности, которая, в частности, позволила человечеству освоить атом и выйти в космическое пространство. Хочется надеяться, что именно отечественной социально-философской и философско-методологической мысли удастся сформировать мощное и прогрессивное философское движение, которое будет действительно способно вернуть человечество с траектории кризиса на траекторию развития. Осталось лишь верно сформулировать и осознать задачу – задачу управления развитием.

Литература

- Авилов А. В. Рефлексивное управление. Методологические основания. Монография. М. : ГУУ, 2003.
- Антонюк Г. А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Минск, 1986.
- Беляев В. А. Философия управления: между теорией менеджмента и философией культуры. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.
- Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–15.
- Голубкова Л. Г., Розин В. М. Философия управления: монография. Йошкар-Ола : Марийский гос. техн. ун-т, 2010.
- Громько Ю. Общество развития. Сценарий России для мира в 2030 году // De Futuro, или История будущего / под ред. Д. Андреева, В. Прозорова. М., 2008.
- Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.
- Кара-Мурза С. Г. Управление развитием: предвидение и проектирование будущего // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идеи, методы, институты). Материалы научного семинара. Вып. 9. М. : Научный эксперт, 2011. С. 5–28.
- Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М. : Когито-Центр, 2009.
- Окара А. Н. Воля к будущему как важнейший фактор жизнеспособности страны и народа // Управление развитием: от прогнозирования будущего к его конструированию (идеи, методы, институты). Материалы научного семинара. Вып. 9. М. : Научный эксперт, 2011. С. 40–41.
- Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии организации, руководства и управления: Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М. : Дело, 2004.
- Рац М. В. Управление и развитие // Диспозиции: сб. статей участников семинара «Управленческие и методологические практики». М., 2011. С. 30–55.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.
- Щедровицкий Г. П. ОРУ (2): Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 5. М., 2003.
- Южаков В. Н. Философско-методологические основания управления развитием как целостным процессом: автореф. ... д-ра филос. наук. М., 1988.

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПОТРЕБНОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Остхоф-Мюнникс Г.

доктор философии, профессор Университета Инсбрука (Австрия),
вице-президент Международной ассоциации профессоров философии.

E-mail: gabriele@muennix.de

В статье рассматриваются вопросы перестройки международных отношений в условиях глобализации, в результате чего роль суверенных государств должна существенно измениться. Анализируются перспективы создания мирового правительства, не подменяющего, а дополняющего управленческие функции правительств национальных государств.

Ключевые слова: мировое правительство, суверенитет, национальное государство, космополитизм, национализм.

The author considers reorganization of international relationships in the context of globalization which should involve considerable change of sovereign states' role. The perspectives of establishing a world government that will supplement rather than substitute managerial functions of the national states' governments are analyzed.

Keywords: world government, sovereignty, national state, cosmopolitanism, nationalism.

Независимость государств сейчас не настолько полна, насколько это было в недавнем прошлом. Учитывая сложность международных соглашений и договоренностей, большую силу влияния некоторых государств на другие, объем давления международных корпораций на государства, реальная власть многих стран по устройству внутренних дел и обеспечению безопасности и преимуществ на международной арене стала значительно меньше, чем была. Инвестиционные решения крупных корпораций оказывают большее влияние на небольшие национальные государства, чем даже гегемонические амбиции более могущественных соседних стран. Кроме того, в мире суверенных государств, преследующих свои собственные интересы, международным учреждениям необходимо координировать свои ответы на глобальные проблемы. Существует множество таких учреждений: от ООН до неправительственных организаций, финансовых учреждений, таких как МВФ и международные суды. Затрагивают ли подобные структуры суверенитет и автономию национальных государств – вопрос как практический, так и концептуальный. Являются ли они силой, посредством которой национальные государства могут выполнять свои задачи на мировой арене, но которая подчинена суверенной воле этих стран? Или же они – наднациональные структуры, которые ставят условия и создают правила, ограничивающие суверенитет государств, оказавшихся в орбите влияния этих структур? Но это также и нормативный вопрос. Станет ли мир более справедли-

вым, если он будет состоять из суверенных государств, или лучше, если суверенитет государств окажется снижен или вообще приглушен?

Учитывая внимание космополитичных мыслителей к правам человека и мировой справедливости, а также концентрацию их внимания на индивидуумах, мы видим тенденцию к занижению важности суверенитета национальных государств. Поскольку национальные правительства зачастую подавляют свои народы, нещадно эксплуатируют ресурсы страны ради прибылей членов правительства и приближенных к ним, а также влезают в государственный долг, выплатить который потомкам не по силам, выдвигается мнение, что национальные правительства должны быть оставлены в стороне, а защита прав человека и мировое правосудие должны осуществляться транснациональными учреждениями и глобальными формами демократии. Поскольку государства зачастую устраивают войны во имя национальных интересов, некоторые космополитичные мыслители полагают, что мир может быть поддержан, только если будет существовать мировое правительство, которое ограничит суверенитет национальных государств, олицетворяя собой глобальное правление закона, эффективно контролирующего все нации. Многие реалистически настроенные теоретики международных отношений, отсылая к Гоббсу, предлагают два варианта рассмотрения вопроса. Первый заключается в существовании мира, где применение силы осуществляется автономными, суверенными государствами, он является единственной опорой стабильности. Второй – в появлении всемогущего мирового правительства, которое могло бы поддерживать мир посредством своего исключительного права на применение силы к несuverенным государствам. Я же считаю, что космополитичные мыслители должны поддерживать третью, кантовскую позицию, согласно которой длительный мир во всем мире должен быть основан на открытых и публичных международных соглашениях, подписанных разумно действующими государствами.

Распространение идеи мирового правительства с возможностью силового навязывания международного права основано на гоббсианском политическом реализме, который постулирует, что лишь более могущественная сила может затушить непримиримые межнациональные конфликты. С этой точки зрения миру нужен Левиафан, чтобы его сохранять. Впрочем, как считал Кант, эта теория предполагает также, что в отсутствие силы, сдерживающей «Левиафана», такое мировое правительство само становится подавляющим гегемоном, действующим в интересах тех политических и коммерческих групп, которые могут оказывать на него влияние. Тогда будет казаться, что мировое правление, сфокусированное вокруг учреждений глобальной юрисдикции, будет политически опасно. Базовый либеральный принцип, устанавливающий, что права человека защищены оптимальным образом, когда правительство построено по принципу разделения властей, реализован в существующем мире лучше, нежели был бы в мире с единым правительством. В соответствии с этим большая часть космополитичных мыслителей продолжает поддерживать идею национального государства как формы правления.

Еще один довод в пользу этой позиции – необходимость национального государства как административного подразделения. Подобно тому, как совет местного самоуправления отвечает за обеспечение определенного набора услуг в городе, а законодательный орган штата или провинции ответственен за управление большей территорией, национальное государство несет ответственность за управление

еще большей территорией и поддержание должных отношений с другими государствами. Как только вы пересекаете государственную границу, вы попадаете под иную юрисдикцию. На одной стороне границы вы находитесь под юрисдикцией государства А, на другой – под юрисдикцией государства Б. Хотя мы можем представить себе ситуацию, когда глобальная структура осуществляет исполнение глобальной системы законов, но это создаст столько проблем, что подобное будет непрактично. Национальное государство делегирует поддержание городских парков муниципальным советам, а поддержание школ и больниц – правительствам провинций/округов. Различные государства могут по-разному разрешать подобные вопросы, но тем не менее ситуация, когда центральная власть берет на себя заботу обо всех вопросах, которые могла бы решать власть на местах, крайне необычна. Тем не менее правовая или конституционная ответственность присуща национальному государству, так как именно в конституции или правовой системе прописано, какой уровень власти за что отвечает. Эта ответственность не дается государству свыше, например мировым правительством, это следствие государственного суверенитета. Именно вследствие суверенитета и обязанностей государство управляет своей территорией и создает законы, действующие на ней и только на ней. Более того, именно вследствие вышеупомянутого суверенитета и обязанностей, которые его сопровождают, государство может заключать соглашения и договора с другими структурами, дабы выполнить обязанности и представлять интересы своих граждан.

Фундаментальная причина необходимости государства заключается в том, что что-то должно учреждать юрисдикцию над определенным населением на конкретной территории. Эта юрисдикция должна признаваться другими структурами, государствами и коммерческими корпорациями, которые собираются иметь дело с кем-либо или чем-либо на этой территории. Именно учрежденные государством законы позволяют существовать потокам денег, населения и товаров, которые составляют суть глобализации. Более того, решения, которые оказывают влияние на «большой» мир, могут быть приняты в контексте внутреннего политического противостояния и дебатов. Даже если иностранная сила (или многонациональная корпорация) способна оказать влияние на бедное и слабое государство, она обязана это делать через закон и чиновничий аппарат, действующие в данном государстве. Можно повлиять на структуру и правоприменение этих законов, но если их игнорировать, действие становится неправомерным и может быть расценено как вторжение.

В соответствии с вышеизложенным, если большинство граждан государств по всему миру пожелают перейти к новой форме глобального правления, именно государства должны будут войти в необходимые соглашения и отдать соответствующий объем власти глобальной структуре. И даже после этого государства не исчезнут. Они станут просто одним из уровней правительства, подобно муниципальным советам или областным правительствам. Эти новые государства лишатся определенных прерогатив суверенитета, но у них останутся соответствующие формы правовой власти над своими территориями. Преимущество такой ситуации может заключаться в том, что у граждан будет меньше причин быть привязанными к своим государствам со своего рода бездумным рвением национализма, но административная необходимость иметь определяемые территорией юрисдикции не исчезнет. В самом деле, то, что мы в итоге получим, будет своего рода

кантианской федерацией государств. Любая федерация государств, управляется она вооруженной властью или же держится только на совместных соглашениях, будет означать некоторое снижение суверенных прав национального государства. Государство сниженного суверенитета также едва ли будет склонно агрессивно преследовать свои интересы по отношению к соседям. Такое государство будет идеологически объединено не замкнутым национализмом, а чувством мирового гражданства, которое согласуется с космополитическим идеалом.

Учитывая, что национальное государство будет продолжать свое существование в форме сниженного суверенитета, более космополитичная форма патриотизма тоже будет продолжать существовать. Людям нужно определенное чувство принадлежности к своему сообществу. Если люди гордятся своим городом, страной, в которой они живут, они будут связывать себя с национальным государством, которому принадлежит конституционное право устраивать их жизнь. Результатом этого процесса является гражданская солидарность, не разделяемая с другими государствами. Но это необходимо отличать от национализма, который осуждают космополиты. Я описываю это как политический патриотизм.

Перевод к. ф. н. А. В. Волобуева.

ГЛОБАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТОЯТ ПЕРЕД АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ?*

Ближковский П.

директор по экономическим и региональным проблемам
Генерального секретариата Совета Европейского союза.

E-mail: petr.blizkovsky@consilium.europa.eu

Прантл Й.

старший научный сотрудник Центра Азии
и глобализации Школы государственного управления имени Ли Куан Ю
Национального университета Сингапура.

E-mail: jprantl@nus.edu.sg

В статье обсуждаются актуальные проблемы глобального управления в сфере экономики. На материалах международной конференции, посвященной вопросам экономического развития Азиатского региона, предпринимается попытка сделать обобщения в мировом масштабе, а также ставится задача лучше понять кратко- и долгосрочные последствия европейского долгового кризиса для региональной экономической интеграции в Азии.

Ключевые слова: глобальный, экономическое управление, Азия, Европа, Запад, Восток, кризис.

The urgent problems of global economic government are discussed in the article. Based on the international conference on global economic governance in Asia, an attempt to summarize world experience is made. The objective of the article is better understanding of short- and long-term consequences of European sovereign debt crisis for the regional economic integration in Asia.

Keywords: global, economic governance, Asia, Europe, the West, the East, crisis.

Введение

Вопрос о том, как оценивать глобальное экономическое управление в XXI в., следует обсуждать в контексте споров о будущем западного либерального порядка. Этот возглавляемый США порядок вызывает все больше сомнений по причине разрыва между резко возросшими географическими, функциональными и нормативными устремлениями международного общества и недостатком средств для их реализации. Политические вызовы стали особенно очевидными на фоне недавнего глобального финансового кризиса, отметившего окончание так называемого

* Мнения, выраженные в этой статье, принадлежат лично авторам и не отражают позицию Генерального секретариата Совета Европейского союза.

Вашингтонского консенсуса и поднявшего вопрос о базовых принципах будущего глобального управления.

Потенциал и ограничения коллективных действий по предотвращению катастрофы в случаях, когда терпят неудачу либо финансовые институты, либо суверенные должники, были высвечены недавним международным финансово-экономическим кризисом. МВФ существует отчасти для того, чтобы выполнять эту функцию, и в настоящее время он пытается возродить мысль, что государства должны использовать этот институт, чтобы объединять свои резервы на международном уровне. Однако в то же самое время многие государства стараются использовать региональные и субрегиональные соглашения. Эти параллельные соглашения еще должны стать объектом полноценного сравнительного исследования, позволяющего узнать, какие стратегические решения о сотрудничестве принимают правительства в разных регионах (включая сотрудничество с региональными или международными фондами), и их последствия для глобального сотрудничества.

Азиатско-европейский пилотный проект (АЕПП) в Школе государственного управления имени Ли Куан Ю отвечает на эти вопросы. Он сужает фокус чрезмерно широкого дискурса глобального управления, рассматривая специфическую проблему коллективного действия, а именно – европейский долговой кризис. В то время как долговой кризис сам по себе можно рассматривать как региональную проблему Европейского союза, его последствия глобальны, учитывая сложную взаимозависимость нашей международной экономики. Существует высокий риск, что европейские проблемы распространятся на Азию. Как подчеркнул недавно МВФ, в случае усиления европейского кризиса экономический рост Китая упадет почти наполовину. Этот кризис отражает парадокс, характерный для глобального управления в XXI в.: мы все больше полагаемся на правительство государства, на региональные и глобальные институты, в то время как их способность действовать значительно уменьшилась. В то время как региональная интеграция в послевоенной Европе продемонстрировала потенциал объединения суверенных государств с целью уменьшения стоимости перевозок и максимизации «выгоды Парето», европейский долговой кризис начала XXI в. отражает ограничения коллективного способа решения проблем схожими демократическими государствами.

Какой ответ может дать Азия на насущные требования более тесного сотрудничества и более глубокой интеграции, обусловленные все возрастающими межрегиональной торговлей и инвестициями? Учитывая, что способности азиатских региональных форумов решать проблемы все еще относительно слабо развиты, в этой части мира особенно сильна необходимость начать широкую дискуссию о том, как усилить коллективные действия. Например, недавнее учреждение Многогосторонней инициативы Чианг Май (МИЧМ) преследует цель обеспечить посредством формальных соглашений об объединении резервов, взвешенной системы голосования по расходованию фондов и усиленных возможностей контроля эффективный региональный механизм чрезвычайной ликвидности для экономик стран группы «АСЕАН + 3» на случай валютных кризисов. Однако региональная МИЧМ, очевидно, встроена в глобальные институты, такие как МВФ. Является ли глобально-региональная связка международных институтов более многообе-

щающей в плане достижения финансовой стабильности за счет избегания опасностей и ловушек региональных механизмов контроля и принуждения?

19–20 ноября 2012 г. ученые из стран Азии (Индии, Китая, Сингапура, Малайзии, Японии) и Европы (в том числе из России) встретились на конференции «Глобальное экономическое регулирование в Азии». Целью этой конференции было лучше понять кратко- и долгосрочные последствия европейского долгового кризиса для региональной экономической интеграции в Азии. Конференция затрагивала фундаментальные вопросы о структуре глобального управления, которые можно рассматривать только в междисциплинарной перспективе: например, возникает ли поствашигтонский консенсус по достижению лучшей координации глобальной и региональной экономической политики; является ли «либеральная демократия» лучшей формой государственного управления для обеспечения таких глобальных общественных благ, как финансовая стабильность; интересы и стратегии новых государств-лидеров по сохранению глобальной финансовой стабильности; вопрос лидерства (или его отсутствия).

В данной статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, которые были подняты на конференции.

Пять опор глобального экономического управления

На повестке дня стояло пять основных вопросов. Ниже представлены ключевые моменты по каждому из них.

1. Принципы и правила игры

Дискуссия развернулась вокруг вопроса, является ли либеральная экономическая модель, основанная на Вашингтонском консенсусе, прогрессивной или необходима некая «азиатская система» с более активным участием государственного сектора. Консенсуса по данному вопросу достичь не удалось. В то же время ключевым для обеих сторон оказалось определение понятия «общественное благо». Вероятно, этот вопрос должен стать отправной точкой для дальнейшего развития глобального экономического управления. Данное понятие можно рассматривать с экономической точки зрения, как это часто делается на Западе, или в более широком, политическом смысле, как предлагают некоторые азиатские ученые.

2. Структура и организация

Ключевой вопрос – роль и задачи существующих международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, ВТО и т. д. Участники конференции полагают, что возникла парадоксальная ситуация: глобализация расширяется, а роль международных институтов уменьшается. Экономический кризис в Юго-Восточной Азии и на Западе понизил роль международных организаций, как экономических, так и торговых. Регионы, попавшие в затруднительное положение, стараются находить решение на региональном уровне и не стремятся к более тесному сотрудничеству с международными организациями.

Еще одна проблема – распределение полномочий в рамках международных институтов. Время от времени эксперты призывают перераспределить голоса и полномочия в международных организациях в пользу стран с развивающейся экономикой.

Наконец, существует проблема «обособленности» международных экономических институтов. В настоящее время одна организация занимается экономиче-

ской помощью, другая – торговлей, третья – содействует развитию и т. д. Однако для слаженного экономического управления, по всей видимости, потребуется горизонтальный подход, который кроме всего прочего будет предусматривать взаимодействие специфических политических областей.

3. Привлечение заинтересованных сторон

Ключевой вопрос – роль государства в глобализованном мире. Какова роль государства на Западе и на Востоке? Может ли государство на Западе управлять и регулировать деятельность всех субъектов? Ответ отрицательный. Пример бухгалтерских стандартов и Базельских соглашений показывает, что государство готово делегировать свои полномочия негосударственным участникам, и это работает. Другой пример – правила, регулирующие Интернет. Какова роль государства в таких азиатских экономиках, как Китай? Каким должно быть разделение труда между частными, полугосударственными и государственными субъектами?

4. Управление и процессы

Международная экономическая организационная структура была создана Западом. Азиатские коллеги часто говорят: «Мы в этом не участвовали, это не наше дело». И здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Поскольку существующая система управления создана Западом, а экономическая мощь неуклонно перемещается с Запада на Восток, то можно было бы ожидать, что Восток будет стремиться к созданию новой системы управления и деятельности или к коррекции уже существующих. Однако азиатские представители постоянно говорят: «Пожалуйста, не особо рассчитывайте на нас в глобальном регулировании, решайте свои проблемы сами». Западные ученые предположили, что у китайских властей или представителей АСЕАН есть некий список пожеланий. Запад как бы говорит: «Покажите нам свой список», но ответ всегда один и тот же: «Никакого списка не существует – это не наше дело, не наш мир». Помимо всего прочего, причиной недопонимания между Востоком и Западом могут быть смысловые и культурные особенности. Кроме того, необходимо различать управление и административно-правовое регулирование.

5. Обновление

Хотя все понимают, что глобализованному миру нужны более отлаженные механизмы экономического регулирования, какие-то новшества можно внести в уже существующие структуры. В Азии, где главная цель – сохранить мир и политическую стабильность в регионе, в условиях переходного периода на первый план выходят три ключевых принципа: обеспечение общего блага, легитимность и доверие. Для обновления необходим технологический подход, близкий к кибернетической теории с ее количественными параметрами и обратными связями. Однако для этого необходимы лидеры. В современном многополярном мире кандидатов на эту роль немного: Запад продолжает выдвигать своих, но Восток не проявляет к этому особого интереса. Возникает проблема «любителей дармовщины».

В ходе дискуссии был затронут вопрос и о том, должен ли процесс обновления идти сверху вниз или снизу вверх. В условиях отсутствия лидера последний вариант кажется более перспективным.

В заключение первой части хотим отметить, что проблема глобального экономического регулирования вызывает споры между учеными Востока и Запада. Успех в этой сфере будет зависеть от легитимности, доверия, использования еди-

ной терминологии, а также от тех импульсов, которые будут посылать политические лидеры.

Позиция Азии в данной дискуссии

В данной дискуссии с азиатской точки зрения следует рассмотреть три важных вопроса:

а) Ощущение неэффективности принятия решений в ЕС

Китай особенно обеспокоен опасностями и ловушками принятия решений в ЕС, которое считает неэффективным. В то же время, как сформулировал один из выдающихся китайских участников конференции, «лидеры ЕС выглядят более националистичными, чем когда-либо», что значительно противоречит «идее европейской интеграции, которой были преданы европейские лидеры старшего поколения». Это дополняется разнонаправленными посланиями, которые Пекин получает на индивидуальных двусторонних переговорах с представителями соответствующих европейских столиц (Берлина, Лондона и Парижа) и которые оказывают пагубное воздействие на ситуацию. Ощущение разъединенности Европы поощряет среди китайского руководства тенденцию эксплуатировать различия между странами – членами ЕС.

б) Ограниченное разделение ответственности

Несмотря на потенциально отрицательные последствия европейского долгового кризиса для региона, азиатские страны не стремятся брать на себя больше коллективной ответственности за некоторые ключевые проблемы глобальной финансовой системы. Хотя восточноазиатские страны, возможно, хотели бы усилить глобальное управление, чтобы стабилизировать глобальную экономику и минимизировать риски в Евроне, в то же время «эти страны хотят и ослабить глобальное управление, если оно осуществляется в форме более прямого или более настойчивого регулирования в таких областях, как ребалансирование и суверенные фонды благосостояния, доходя до самого сердца национальных экономических систем», как это кратко сформулировал один участник конференции из Юго-Восточной Азии.

в) Резкое противопоставление восточноазиатского регионализма глобализму ни к чему не приведет

Экономическая регионализация в Восточной Азии «оказалась исключительно открытой и ориентированной вовне», по словам другого южноазиатского участника. «Эта функциональная характеристика сильно ограничивает перспективы проекта “закрытого” регионализма». Соответственно любые изменения на региональном уровне будут глубоко взаимосвязаны с реформами управления на глобальном уровне.

Позиция Европы в данной дискуссии

Если посмотреть вопрос глобального экономического управления с точки зрения Европы, можно сделать три замечания.

1. Европе следует навести у себя порядок

Европейский союз во многом переживает переломный момент. Реальная экономика требует дальнейших структурных изменений. В некоторых странах необходимо поставить под контроль государственные финансы. Необходимо улуч-

шить управление в банковской, налоговой и экономической сферах. В настоящий момент ЕС делает успехи во всех этих областях, так что кризис можно считать оздоровительным фактором для Европы.

2. Политика расширения внешних контактов

Экономический кризис и организация коллективного суверенитета стран-членов ЕС забирают у Европейского союза, пожалуй, слишком много сил. В результате одним из последствий кризиса стала сосредоточенность ЕС на внутренних делах. Реакция же других региональных организаций, которые прошли через кризис, была иной. Например, АСЕАН после экономического кризиса конца 1990-х гг. стала широко сотрудничать со странами Тихоокеанского бассейна. Европейский союз имеет уникальную возможность стать инициатором распространения демократической модели в более крупных регионах, например в странах, недавно переживших «арабскую весну», на Балканах или западных странах бывшего Советского Союза. В сфере экономического управления есть возможности для «увеличения присутствия Европейского союза в целом и уменьшения числа отдельных европейских стран на различных форумах».

3. Вклад в глобальное экономическое управление

Европейский союз – это уникальный исторический проект. ЕС со своим нормативным подходом, основанном на четких правилах игры и коллективном суверенитете, может служить лабораторией мирового масштаба. Но лаборатория не означает модель. Европейский союз может предложить свой опыт по преодолению узких, национальных и отраслевых интересов и сохранению потенциала для дальнейшего развития. Кроме того, Европейский союз может предложить список того, что «надо» и того, что «не надо» делать, и представить его для всеобщего обсуждения.

Заключение

Научный диалог по проблемам глобального экономического управления оказался плодотворным. Совершенно очевидно, что необходимо продолжать работать и стремиться к взаимопониманию в этой области. Это помогло бы разрешить еще один парадокс современного мира, когда управление явлениями мирового масштаба может и не стать глобальным.

*Перевод с английского К. А. Уховой
и д. полит. н. А. В. Митрофановой.*

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ

Косиченко А. Г.

д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник
Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан.
E-mail: anatkosichenko@mail.ru

Религия находится в совершенно особых отношениях с глобализмом и глобализацией. Она сопротивляется унифицирующему влиянию глобализации более чем любой другой сегмент современного мира. Сущностью религии является спасение души для вечной жизни, отсюда для религии важен всякий человек с его специфическим личностным содержанием. Глобализация же унифицирует все, в том числе и человека. Поэтому глобализм и религия представляют собой две идейно-мировоззренческие системы, противостоящих друг другу. Сохраняя свое содержание, хотя и деформируясь под влиянием глобализации, религия обладает возможностью позитивного переустройства мира, в том числе возможностью снижения уровня вызовов и угроз современности.

Ключевые слова: глобализация, религия, глобализм, конфессия, христианство, ислам, мировоззрение, культура, цивилизация.

Religion has very special relations with globalism and globalization. It impedes globalization's uniforming impact more than any other segment of the modern world. The kernel of religion is salvation for eternal life, hence any man or woman with its specific personal identity is important for religion. Globalization uniforms everything, including people. That is why globalization and religions represent two opposing ideological systems. Preserving its meaning, though transforming under globalization's impact, religion has the potential to positively reconstruct the world and the capacity to diminish modern challenges and risks.

Keywords: globalization, religion, globalism, confession, Christianity, Islam, worldview, culture, civilization.

Проблематика глобализации уже длительное время находится в сфере повышенного интереса мирового экспертного сообщества. Уже очень многое сказано в связи и по поводу глобализации и глобализма. Имеется немало работ, посвященных взаимоотношению глобализации и религии. Но все же именно эта тема, на наш взгляд, нуждается в пристальном анализе: тому мы видим целый ряд при-

Век глобализации 1/2013 47–58

чин. *Во-первых*, религия оказывает мощное сопротивление унифицирующим процессам глобализации и особенно глобализму как идейной основе глобализации, поэтому следует обратить особое внимание на этот феномен: почему религия слабо поддается унификации, в то время как все остальные измерения экономической, социально-политической и культурной сфер в очень значительной степени подвержены нивелирующему влиянию глобализации. *Во-вторых*, как стало ясно, религия не просто слабо поддается унификации, но сущностно противостоит ей: последовательно осуществленная унификация в религиозной сфере с неизбежностью ведет к «объединению» религий, к конструированию единой религии, а затем и к устранению религии как таковой. Понятно, что религии не могут встать на этот путь. *В-третьих*, сегодня религия является единственной реальной альтернативой глобализму и на концептуальном, и на практическом уровне. Поэтому ни один сегмент современного мира не испытывает такого мощного давления глобализации, как религия.

При общности критического отношения к глобализации различные религии все же относятся к глобализму и глобализации по-разному. Известно, что все религии занимаются миссионерством, поэтому им, казалось бы, нужны глобализационные процессы – предполагается, что таким образом религии могут расширять свое присутствие по всему миру. Но глобализм не включает религиозные ценности в «перечень» распространяемых в процессе глобализации. Поэтому религии не выигрывают от глобализации. Глобализация – не форма распространения религии. Знакомство с религиями – да, глобализация предоставляет возможность широкого ознакомления человечества с самыми разными религиозными верованиями. Но, как очевидно, знакомство с религиями – это одно, а расширение ареала исповедывания той или иной религии – это другое. Конечно, имеется вполне определенный потенциал расширения числа адептов религий вследствие знакомства с религией. Так сказать, узнал – понравилось – принял. Но потенциал этот невысок.

Есть и еще один аспект распространения религий «посредством глобализации». Известно, например, что ислам усилил свои позиции в мире вследствие глобализации. Он стал более известен, его принимают граждане ряда европейских стран – это явление последнего времени, его побаиваются, но и уважают за религиозное постоянство мусульман. И глобализация многое «сделала», чтобы ислам расширил свой ареал. Исламский мир по многим позициям оказывает сопротивление глобализации, усматривая в ней экспансию западной цивилизации и западных ценностей. Поэтому мировое сообщество стало внимательно относиться к исламу, сделав его предметом анализа и исследований.

Но, повторим, в целом религии не «выигрывают» от глобализации. Более того, имеется концептуальное противостояние глобализма и религии. Религия спасает души для вечной жизни, и в этом процессе важен каждый человек, а глобализм все унифицирует – человек во всем его личностном богатстве ей не нужен, он мешает ее победному шествию, и чем он глубже развит, тем опаснее для глобализма. Глобализация потому и носит такое именование, что глобализирует все и вся. Все процессы и события, все движения и отношения – все приобретает глобальный характер: только так глобализация может поддерживать собственный глобальный тренд. Все то, что остается за пределами глобальных процессов, все

уникальное, частное, глубоко личностное «отстает от жизни» и обречено на исчезновение. Всякому человеку, который хотя бы в минимальной степени наделен интуицией, ясно, что мир удерживается своим многообразием. Многообразие – сущностное условие единства и целостности мира. Многообразие, а не унификация делает мир единым. Если мы сотрем многообразие, мы уничтожим мир. Поэтому всеохватное стремление глобализации к унификации губительно. Но именно унификация и является доминирующей формой глобализации. Таким нехитрым приемом глобализм – как идеология глобализации – вынуждает все и вся становиться строительным материалом для глобализации: хочешь существовать, остаться в горизонте бытия – встраивайся в глобальные процессы, находи себе в них место, веди себя активно в порождении новых глобальных форм развития, участвуй в гонке.

Религия не может «преуспеть» в глобализации. Как говорилось, уникальность человеческой души (предмета религии) с точки зрения глобализма – нонсенс. Религиозные ценности – рудимент для глобализма. Религиозные лидеры (за редким исключением) согласно логике глобализма спекулируют на духовных исканиях человека. Религия – тормоз на пути прогресса человечества: таково доминирующее отношение глобализма к религии. Конечно, глобализм не высказывает своего отношения к религии столь ясно и отчетливо, но оно именно таково.

Глобализация во многом ответственна за искажение образа религии в глазах мирового сообщества. Она значительно усилила процессы политизации религии. А в условиях очень жесткой геополитики современности политизация религии ведет к возникновению религиозно мотивированного экстремизма и терроризма – крайне негативных явлений, к которым религия не имеет никакого отношения, но парадоксальным образом оказалась за них в ответе.

Глобализм имеет в качестве своего идейного основания крайне примитивную философию. Последняя предполагает наличие общих для всех людей ценностей, лежащих в горизонте потребительского отношения к миру. Бесспорно, такие ценности имеются, но у них значительно более скромное место в совокупном бытии человека и человечества. И когда это скромное место делают единственно значимым для современного человека, то очевидной становится подмена сущности человека в ее бесконечном многообразии, примитивное и плоское его понимание.

Есть и еще один аспект проблемы, который мы хотели бы рассмотреть в данной статье. Внимание к глобализации как к центральному и всеобъемлющему процессу современности в последние год-два заметно снизилось в экспертной среде, не в последнюю очередь из-за, казалось бы, локальных, но пугающе всеобщих в перспективе событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, а также из-за становящейся все более очевидной растущей нестабильности на всех уровнях мирового развития. Можно видеть, что глобализация как бы сегментируется на ряд значимых, но уже не глобальных (в прежнем понимании глобализации) процессов, не описываемых в терминах глобализма. Или, во всяком случае, процессов если и относящихся к глобализации, то новых для «классической» проблематики глобализации. Глобализация как бы дополняется регионализацией и локализацией. Абстрактно общее в проблематике глобализации конкретизируется на локальном уровне. Нередко проблемы осознаются только на локальном уровне их проявления. Тогда, казалось бы, причем здесь глобализация? Но кто сказал, что глобальное всегда только явно глобальное и что глобализация отсутствует в

«мелочах», в локальном проявлении глобального? Ведь глобализация реально протекает именно на «местном» уровне, и лишь анализ позволяет увидеть общее, глобальное за явленной спецификой локального. Поэтому сегодня надо углубить понимание глобального, глобализма и глобализации – это будет отвечать и задачам исследования процессов глобализации, и реалиям сегодняшнего дня.

К примеру, заметная радикализация ислама, имеющая место по всему миру, – это что? Это аспект глобализации или ответ на глобализацию как ее воспринимает «исламский мир»? Или другой процесс – нарастание финансовой анархии в мировом масштабе: это запланированная «операция» или «самопроизвольный» (термин-то какой) процесс? Агрессивный либерализм, ярко проявившийся в России в последние месяцы (особенно в отношении Русской православной церкви), – это не глобальный ли процесс, целью которого является устранение последних барьеров на пути к господству либерального мироощущения? Из всего этого вырастает вопрос: не диверсифицировалась ли глобализация как единый процесс по ряду направлений, особо важных для успеха глобализма как новейшей парадигмы мирового развития?

И всюду, где актуализируются те или иные направления глобализации, она встречает осознанное или неосознанное, но от этого не менее четкое сопротивление религии. Причем сопротивление религии даже не как традиционной духовной системы – это сопротивление можно преодолеть, наращивая давление: традиционные системы сминаются при высоком давлении на них. Религия демонстрирует сопротивление глобализму на сущностных для себя уровнях, таковы вера в Бога как Создателя и Зажидителя мира; богоподобность человека, не позволяющая ему превращаться в существо, только потребляющее материальные блага и не видящее ничего за пределами этого потребления; свобода и ответственность, которые заповеданы верующим и которые они пытаются реализовывать в жизни. По этим линиям, а также и по иным религия принципиально противостоит глобализму, и противостояние это неустранимо. Причем религия противостоит глобализму вне зависимости от позиций, занимаемых по данным вопросам лидерами конфессий. Лидеры могут идти на компромисс вследствие политкорректности, политической конъюнктуры, элитарной солидарности, экономических предпочтений и еще по многим соображениям. И нередко именно такое поведение лидеров конфессий мы и наблюдаем. Оно, безусловно, сказывается на позиции конфессий по тем или иным вопросам в связи с глобализацией и частными формами ее проявления. Но вне зависимости от позиций лидеров конфессий религия противостоит глобализму просто в силу истинной сущности религии – быть средством воссоединения с Богом. Воссоединения не с глобализацией, а с Богом, и в этом все дело.

Казалось бы, религия, которая не менее глобализации стремится к объединению людей на основах единоверия, должна была бы с пониманием относиться к процессам глобализации, к ее целям и задачам, если и не поддерживать ее, то терпимо сосуществовать с ней, по крайней мере не вступать с глобализмом в противостояние. Но религия противостоит глобализму. Здесь сталкиваются две не сводимых друг к другу системы мировоззрения. Религия ясно говорит о том, что единство всего сущего имеет исток в Боге, что от Него все произошло, в Нем основание всего, Он конечная цель всего. То есть если вокруг религии некая форма глобализации и может сложиться, то «глобализирующим» ядром при этом высту-

пает Бог. В тех же процессах, которые мы сегодня именуем глобализацией, Бог вообще «выведен за скобки», так как глобализм, основанный на либерализме, отторгает идею Бога как подрывающую основы либерализма.

Либерализм и «косность» религии

Конкретные подтверждения этого принципиального противостояния двух отмеченных мировоззренческих систем легко увидеть почти в любых фактах и событиях современности. Например, либерализм поддерживает право женщин на аборт (это действительно естественное право в системе либерализма). А мировые религии против аборт, усматривая в них страшный грех – убийство. Согласно либеральному мировоззрению ничто не мешает женщине стать священником – почему бы и нет, коль скоро женщины и мужчины равны в правах. И либеральное христианство – протестантизм – разрешает женское священство. Католицизм, православие и ислам относятся к женскому священству как к абсурду. На схожих позициях стоит и иудаизм, хотя в последнее время имеются факты женского раввината.

Согласно либерализму человек может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, переходить из одной религии в другую и т. д. Эти либеральные принципы в их проекции на религию закреплены в ряде международных документов и стали реальностью нашего времени. Но все мировые религии запрещают переход из религии в религию (в мягком варианте – не одобряют). За подобный переход грозит наказание: и в посмертной жизни, и, нередко, в здешней – широко известны факты смертных приговоров мусульманам, перешедшим в христианство (в Пакистане, ряде арабских стран и т. д.).

Религиозное мировоззрение в этом смысле можно рассматривать как тоталитарное. А глобализм предполагает отказ от тоталитаризма, открытое общество. Либерализм настаивает на относительности истины, на плюрализме, равенстве мировоззрений. А религия исходит из абсолютности заповедей, данных Богом, из абсолютности догматов, из ценностного монизма. Либерализм, сталкиваясь с религией, вступает в глубочайшее противоречие с самим собой: он обязан допускать существование религии (как одной из мировоззренческих систем), но он не может согласиться с абсолютностью и вечностью религиозных истин. Поэтому либерализм искажает сущность религии (искаженную религию он принимает и одобряет), он относится к религии как к исторически развивающемуся феномену, обязанному меняться в соответствии с новой реальностью и новыми запросами общества. Когда же религия не меняет своих догматических основ (а как она может их менять?), она подвергается жесткой критике со стороны либерализма за догматизм, «отсталость от жизни» (с этих позиций критикуются, например, ислам и православие).

Все мировые религии крайне скептически относятся к идеям собственного развития. Сила религии (если не рассматривать здесь глубинной сущности религии – спасение души для вечной жизни) – в ее приверженности традиции и догматам, лежащим в ее основании. Догматы религии способны на некоторое развитие (в основном на некоторую их актуализацию в связи с новейшими требованиями эпохи), но суть догматов неизменна. И это не связано с субъективным желанием верующих или лидеров конфессий. Истины религии носят абсолютный характер, они сохраняют свое значение на все времена, потому что их заповедал сам Бог

или его пророки. Поэтому религии не развиваются в том смысле, в каком развивается все остальное. Религии догматичны не потому, что они не хотят изменяться, они просто не могут этого сделать, не погрешив против своей сути.

Те религиозные системы, которые осуществили догматическую или вероисповедальную модернизацию, утратили связь со Священным Писанием (например, протестантизм утратил апостольскую преемственность и сегодня ставится под сомнение Римско-католической церковью и православными церквями в качестве религии спасения – подчеркивается, что в протестантизме нет благодати). Последовательное стремление протестантизма к соответствию духу времени привело к возникновению женского священства и епископата, к признанию однополых браков, разрешению аборт, допущению эвтаназии, хотя все это или не поощряется (как в случае с женским священством), или осуждается в Священном Писании (как в других приведенных нововведениях). Сегодня в ряде деноминаций христианства в угоду требованиям секуляризма и формального следования идеалам светских ценностей не принято именовать Бога в мужском роде (доминанта гендерного равенства), праздновать Рождество (празднуется зимнее, новогоднее дерево), нельзя преследовать за богохульство (последнее считается проявлением свободы), во многих европейских странах запрещено публичное ношение нательных крестов и т. д. Римско-католическая церковь двинулась было по пути некоторой модернизации для сохранения своего влияния в мире (на Втором Ватиканском соборе в 1962–1965 гг. были приняты декларации и конституции, в некоторой степени обновляющие практику Римско-католической церкви), но сегодня по многим позициям вернулась к прежней практике.

Особенно чутко относится к глобализации православие. Опыт реформирования других христианских конфессий, в ходе которого они скорее потеряли, чем обрели, убеждает православие в необходимости «стояния в вере», в верности традициям, в развитии без повреждения. Поэтому отношение к глобализации практически всех православных автокефальных церквей настороженное. Да и с позиции тысячелетней истории православия сам феномен глобализации пока еще не предельно значим для него.

Аналогично относится к обновлению своих основ и ислам. Хотя и утверждается, что в каждом новом столетии ислам обновляется (это следует из достоверных хадисов), но из контекста видно, что может обновляться «подача материала», а не сами истины. В исламе имеет место постоянное противостояние «фундаменталистов» и «реформаторов», и оба течения правы: надо и обновляться, и сохранять основы. Но «реформаторы» всегда чувствуют некоторую неловкость, так было и с джадидизмом, и с попытками Икбала, и тем более с непризнанными «сектантскими» течениями в исламе. Поэтому столь сильны позиции салафии и так охотно воспринимаются призывы возврата к «основам ислама». В этих призывах легко увидеть стремление к сохранению в неповрежденности истин ислама эпохи пророка Мухаммада.

Итак, мировые религии не могут модернизироваться без утраты своей сущности. Самое большее, на что они могут пойти, – это на некоторые новые постановки прежних проблем, коль скоро это требуется для донесения истин религии до современного человека. Религии могут развивать формы ответов на новые запросы и новые проблемы, с которыми сталкивается человечество, но абсолютность религиозной истины остается неизменной.

Либерализм нашел выход из отмеченного противоречия между необходимостью признания им права религии на существование и отрицанием абсолютности религиозных истин. Он породил свое понимание религии. Религия либерализма антропоцентрична: не Бог лежит в основе этой «религии», а человек. Это человек создал «представление о Боге», человек же меняет и переосмысливает это представление, подстраивает его под себя. «Бог» либерализма, при последовательном проведении либерального подхода к Богу, не кто иной, как сам человек. Но, конечно, окультуренный, образованный, обладающий полным набором прав человека, возвышенный в собственном мнении, гордящийся собой. Вера либерализма – это вера в человека. Вообще говоря, это не так уж и плохо. В человека надо верить, ибо он – образ Бога, Его любимое детище. Но религии настаивают на том, что верить надо в человека, осознающего свою неполноту, ограниченность, – тогда появляется возможность духовного возрастания человека, выстраивания им живой связи своей свободы и ответственности. Либерализм же призывает верить в человека, каков он есть, а современный человек очевидно немощен, поврежден грехом и нуждается в исправлении – верить в него, наличного, опрометчиво.

Возможности религии в глобальном переустройстве мира

Сегодня религия пользуется формально высоким авторитетом у политических лидеров современности, к ней прибегают, когда надо сказать нечто возвышенное, глубокомысленное, религиозные лидеры «на слуху», из семи миллиардов жителей Земли абсолютное большинство позиционирует себя верующими в Бога. Мнимопочтительные, мнимо-религиозные стереотипы, господствующие в общественном сознании большинства наших современников, создают впечатление религиозной насыщенности общественной и государственной жизни современного мира. В самом деле, можно видеть, что отношение к религии на всех уровнях более чем почтительное, свобода совести – центральный момент прав человека, каждый человек волен верить во все что угодно или не верить вовсе, абсолютное большинство стран мира носят светский характер, мировое сообщество отслеживает нарушения прав в религиозной сфере и посредством различных механизмов вынуждает страны-изгои исправлять положение – то есть, казалось бы, все прекрасно в сфере отношений религии и современного мира.

Однако религиозность по всему миру падает, вера превращается в маргинальность, грех господствует (европейские парламентарии выразили явное недоумение и растерянность, когда приснопамятный патриарх Московский и всея Руси Алексей II в октябре 2007 г. в ПАСЕ напомнил очевидные христианские истины, о которых напрочь забыл мнимо-христианский мир). Франция, Бельгия, Нидерланды в 2010 г., а за ними Италия, Испания и другие страны Старого Света запрещают ношение исламских символов в общественных местах (и не только из-за нарастающей исламофобии), в ряде стран Европы, как уже говорилось, запрещено носить нательный крест, около 20 000 храмовых помещений в Европе за последние 15 лет перепрофилированы: проданы или превращены в пивные, кинотеатры и иные развлекательные заведения. В 2009 г. Совет Европы расценил богохульство как проявление свободной воли человека, не относящееся к числу противозаконных действий. Европейские парламентарии с удовлетворением восприняли решение ряда протестантских церквей о допустимости женского священства и даже женского епископата (с начала XX в. женское священство разрешено и в

англиканской церкви, достаточно консервативной). Секуляризм, как фронтальное отступление от веры во всех формах, сегодня доминирует в западном мире. Западная цивилизация, исторически имевшая христианство в качестве своей духовной основы, сегодня отказывается от христианских оснований. Согласно многочисленным социологическим опросам, около половины европейцев считают, что христианские ценности по-прежнему значимы для Европы, но интересно, что признается внешняя для христианства значимость этих ценностей. Так, 48 % европейцев считают, что христианские ценности играют ключевую роль в «развитии диалога между различными культурами и религиями» и «солидарности с бедными». А собственно сакральное значение христианства в массовом европейском сознании утрачивается.

Подобные факты и ситуации можно множить и множить, но суть отношения к христианству в Европе одна – его вытесняют на периферию государственного и общественного бытия. Если же говорить о доминирующей форме участия религии в построении нового миропорядка, то она такова: максимальное устранение позитивных возможностей религии из этого процесса. Если она и втягивается в процессы выстраивания нового миропорядка, то только в негативных проявлениях: косности, агрессивности, угрозы единству человечества, идеологии экстремизма и терроризма. Позитивные возможности религии – а они огромны – игнорируются.

Итак, роль религии в западной цивилизации, многое определяющей в общепланетарном масштабе, невелика и предельно извращена. О каких позитивных возможностях религии можно говорить в таких условиях? Можно поставить вопрос и следующим образом: почему религия не проявляет своих позитивных возможностей в деле переустройства мира на принципах справедливости, гуманизма, нравственности и иных высоких измерений, с которыми по определению религия и соотносится? Почему, если религия мощная сила – а она, безусловно, мощная сила, – религия не «пробьется» в жестокий мир реальности и не изменит его к лучшему? Конечно, это не является достаточно убедительным аргументом в свете поставленных вопросов, но не следует забывать о том, что формы активного воздействия религии на мир весьма специфичны и отличны от активности других агентов такого воздействия. Религия облагораживает мир, меняя самого человека, его мировоззрение, поведение, систему его ценностей. А уже потом таким образом изменившийся человек обретает способность улучшать мир посредством изменения доминирующего типа жизнедеятельности.

Крупные мировые религиозные лидеры, такие как папа римский Бенедикт XVI, ряд православных патриархов, например Московский и всея Руси Кирилл, в некотором отношении далай-лама и еще ряд религиозных лидеров делают попытки повысить позитивную роль религии в современном мире. Все они выступают единым фронтом в отношении актуальности для мира религиозных ценностей, необходимости диалога религий, удержания хотя бы минимального уровня нравственности, без чего, по их мнению, мир постоянно будут потрясать кризисы – экономические и политические. Но, как указывалось выше, доминирующее отношение мировой элиты к религии является скорее настроенным или потребительским, нежели доверительным.

Итак, религии нелегко на деле проявить свои позитивные возможности в тех условиях, которые очерчены нами ранее. Но даже в этих практически антирели-

гиозных условиях религия способна многое сделать, например, для снижения уровня вызовов и угроз современности. Рассмотрим эти возможности. Очень значительной на сегодня угрозой является агрессивность мировой политики. Эта угроза практически неустранима никакими иными средствами, кроме религиозных. Почему? Да потому, что всякое политическое противодействие агрессивности мировой политики будет только способствовать росту этой агрессивности, что мы повсеместно и наблюдаем. Религия же способна «растворять» агрессивность, смягчать ее, потому что в ее арсенале имеется единственное средство против агрессии – не отвечать злом на зло, но отвечать добром. Можно сказать, это прекраснотушие, это абстрактно: так легко говорить, но что следует делать конкретно? В том-то и дело, что нет одного совета на все случаи проявления агрессии, всякий конкретный случай требует своего специфического ответа. Но общий принцип указать можно. Не надо поддаваться агрессии, не надо реагировать предсказуемым образом – такая реакция заложена в дальнейшее развитие событий по запланированному сценарию. А надо выйти из ситуации, разрешая ее с более высоких позиций, нежели ожидается. Религия – одна из немногих сфер, которая сама, будучи высокой, может подсказать конкретное содержание этих более высоких позиций. Религия знает, как можно, уступая в неважном, сохранять значимое и ценное.

Многие из современных угроз порождаются противостоянием интересов государств, сообществ, народов, этносов, идей и т. д., то есть в основе многих угроз лежит противостояние. Но противостояние – устаревший способ «настаивания на своем». Значительно более эффективно сегодня «поддаться, чтобы победить» – в хорошем смысле этой сентенции. Имеется правило, плохо известное современным людям, погрязшим в низменности желаний и намерений. И суть этого правила такова: надо всем пожертвовать, чтобы все иметь. Потерявший душу свою за Истину обретет ее, а сохранивший ее потеряет все – таково это правило в свободном изложении. И опять-таки, этот ответ религии может показаться абстрактным, но он предельно конкретен для тех, кто понимает. В современном мире, который уже близок к отчаянию в попытках хотя бы немного оздоровить мировую политику и экономику, не следует игнорировать возможности, которые предоставляет такой, казалось бы, «слабый» игрок на мировой арене, как религия. В немощи творится сила, как указывает Библия, и это абсолютная правда.

Стало общим местом среди основных причин текущего глобального финансово-экономического кризиса называть отсутствие социального партнерства, справедливости и нравственности в мировой экономической системе современности. Напомним, что римско-католическая церковь уже не первое десятилетие настаивает на развитии социального партнерства владельцев предприятий и наемных работников. Идеи социальной ориентированности бизнеса нередко присутствуют в энцикликах понтификов¹. А эти идеи, безусловно, обладают нравственным зарядом.

В последнее время и Русская православная церковь стала много говорить о необходимости нравственного оздоровления экономики. Так, в 2004 г. на Все-

¹ Папа римский Бенедикт XVI в своей очередной энциклике – окружном послании католикам – возложил вину за глобальный финансовый кризис на алчность и эгоизм. Послание, которое вышло в свет в 2009 г. накануне саммита «Большой восьмерки» в Италии, было призвано напомнить людям, в первую очередь мировым лидерам и банкирам, об их моральном долге [см.: Бенедикт XVI 2009].

мирном русском народном соборе, где во многом тон задает Русская православная церковь, был принят очень характерный и интересный для нашей темы документ – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании», в котором регламентировались нравственные правила развития экономики. Эти принципы и правила опираются на религиозные заповеди в их применении к экономической сфере человеческого бытия. Но пока эти инициативы не получили широкого распространения и реализации. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в течение 2009–2011 гг. многократно обращал внимание на истинные причины текущего финансового кризиса. Он подчеркивал, что кризис имеет причиной отказ от нравственных ценностей. Экономика стала развиваться в отрыве от ее человеческого содержания, огромное развитие получили операции в сфере спекулятивного капитала, инвестиции в реальный сектор экономики сократились. Так что экономика является сегодня сферой столкновения различных парадигм ее дальнейшего развития.

Об этом же говорят и поместные православные церкви. «Пропасть между богатыми и бедными драматически разрастается вследствие экономического кризиса, который является результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью» [Послание... 2008].

Мировые религиозные лидеры начиная с 2005 г. принимают на своих встречах программные документы, нацеленные на духовное оздоровление современной экономики и политики. Эти документы они неоднократно передавали лидерам «Восьмерки» накануне заседаний последней. Но крупнейшие мировые политики не принимают этих советов, что достаточно симптоматично: сами политики могут прибегать к религиозной риторике, но позволить религии активно влиять на политику, делая ее более гуманной, мировая политическая элита не может.

Вместе с тем в США и Евросоюзе растет осознание возможностей религии. Президенты США, к примеру, всегда прибегали к религиозной риторике в обосновании своей внутренней и внешней политики. Но особо преуспел в этом Джордж Буш-младший. Вот как характеризует ситуацию вокруг религиозной аргументации политики администрации США времен Буша-младшего бывший госсекретарь США М. Олбрайт. Напоминая о постоянной ссылке Буша-младшего в его решениях на волю Божью, М. Олбрайт пишет: «Разумеется, проблема не в том, что администрация Буша старается обосновать свое право на лидерство (в мире. – А. К.) моральными критериями. Фактически это делали все президенты. Беда в том, что используемая при этом риторика слишком уж смахивает на попытку оправдать политику США с помощью исключительно религиозной терминологии, а это все равно что махать красным флагом перед разъяренным быком» [Олбрайт 2007: 191]. И далее: «Президент Буш гордится тем, что в своих суждениях и выводах о том, что верно, а что неверно, он руководствуется в том числе и религиозными ценностями, а также своим пониманием того, что хочет и чего не хочет Господь» [Там же: 192–193]. Надо иметь совершенно особые отношения с Богом, чтобы говорить в политике от его имени, и вряд ли США обладают здесь преимущественным правом. Но для раскрытия нашей темы – возможности рели-

гии в глобальном переустройстве мира – пример с использованием Бушем-младшим религии в политике чрезвычайно показателен. США делают спорадические попытки улучшить отношения с исламским миром – это прослеживается как тенденция. Достаточно обратиться к анализу речи Б. Обамы в Каире в 2009 г., чтобы убедиться в наличии таких устремлений. Правда, сам исламский мир отнесся к этой речи критично, подчеркнув, что мусульмане поверят не словам США, но их делам.

Европейский союз так же, как и США, пытается выстроить более продуктивные отношения с основными мировыми религиями (попытки эти лежат опять-таки во внешней для религии форме). Вот характерное сообщение информационных агентств: «Руководство Евросоюза заявило о готовности к более тесному диалогу с религиозными организациями, в том числе в решении социальных проблем. Как заявили ответственные чиновники Евросоюза, 17-я статья Лиссабонского договора признает “специфический вклад” религий в жизнь общества, поэтому регулярный диалог с Церквями становится законодательным обязательством для ЕС» [Руководство... 2010]. «Церкви и религиозные сообщества несут активное социальное служение в странах – членах ЕС, и если Евросоюз хочет эффективно бороться с бедностью и социальной незащищенностью, то существенно важно извлечь пользу из их многолетнего и всеохватывающего опыта», – сказал в свою очередь президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу [Там же]. Со своей стороны, президент Евросоюза Херман Ван Ромпёй указал на необходимость учета инициатив Церквей в социальной сфере. По его мнению, проблема борьбы с бедностью – «проблема восстановления достоинства человеческой личности, поэтому культурные и этические вопросы должны особо приниматься во внимание» [Там же].

Роль религии исключительна и в связи с тем, что религиозные ценности лежат в основании культур и цивилизаций. И когда мы сегодня вполне оправданно говорим о диалоге культур и цивилизаций как о единственной альтернативе хаосу и нестабильности современного мира, то следует помнить, что в диалог вступают не какие-то абстрактные идеи, связанные с культурами и цивилизациями, но именно эти основополагающие ценности религий. Поэтому межрелигиозный диалог является стержнем диалога культур и цивилизаций. Активная позиция религий в данном диалоге – еще один значительный вклад религии в снижение напряженности современного мира.

Глубокий смысл религии для человеческого сообщества состоит в том, что всякий истинный прогресс возможен только при целевой установке на нечто более высокое. Только имея в виду нечто идеальное, можно прогрессивно развиваться. Религия, вводя Бога в человеческие отношения, задает более высокую планку этих отношений. Поэтому современный мир просто не имеет иного выхода из почти безвыходной ситуации, в которой он оказался, нежели возвращение к Богу. Человек, этнические сообщества, государства – все они исчерпали свои возможности построения «светлого будущего» на своей естественной, безбожной основе, чему доказательство – современный глобальный кризис мировых отношений.

Есть, впрочем, одно условие для реализации всех этих возможностей религии. Оно небольшое, но трудное для исполнения. Для того чтобы снизить уровень угроз в современном мире, опираясь на возможности религии, надо снизить уро-

вень греховности человека и общества. Об этом все более громко говорят лидеры разных религий. Все яснее слышен голос мусульманских и православных богословов, обращающих внимание мирового сообщества на необходимость одухотворения концепции прав человека, на повышение нравственного содержания этих прав, так как греховный человек свободу превращает в рабство и возможности употребляет во зло. Греховный человек не может распорядиться своими правами достойно, ибо не знает ни достоинства, ни истинной свободы. Поэтому, как это ни покажется банальным, но устранение мировых угроз начинается с работы каждого человека над собой, с духовного возрождения человека. Ведь проблемы современного мира, многие из которых кажутся сегодня абсолютно неразрешимыми, порождены в конечном итоге человеком (кто же еще все творит на Земле?), человеком уже настолько изолгавшимся, что он и сам себе не верит. Проблемы эти достигли такого уровня сложности и неразрешимости, что иначе как предельным напряжением сил уже не могут быть решены. Но предельные основания – это область религии, следовательно, только ею эти проблемы и разрешимы. Поэтому, мысля чисто рационально, необходимо обращение к религии, как бы непривычно для рационального сознания это ни звучало. В конце концов, что теряет заплутавший мир, обращаясь к возможностям религии: ведь иные средства практически исчерпаны? Давайте же обратимся к этим возможностям, тем более что, как показывает исторический опыт (который, правда, ничему не учит человека), в предельно трудных условиях именно религиозная реальность становится определяющей.

Литература

Бенедикт XVI, Верховный Понтифик. Энциклика *Caritas in Veritate*. М.: НО Изд-во Францисканцев.

Олбрайт М. Религия и мировая политика. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.

Послание Предстоятелей Православных Церквей. Фанар. 12 октября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/27880.htm>

Руководство Евросоюза заявило о готовности к более тесному диалогу с религиозными организациями [Электронный ресурс] : Православие и мир. 2010. 21 июля. URL: <http://www.pravmir.ru/rukovodstvo-evrosoyuza-zayavilo-o-gotovnosti-k-bolee-tesnomu-dialogu-s-religioznymi-organizacijami/>

ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Леонова О. Г.

д. полит. н., профессор факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: politolga@gmail.com

Статья посвящена анализу глобальной регионализации как феномена развития глобального мира. Автор исследует данное понятие в контексте политической глобалистики и рассматривает пространство глобального мира как трехуровневую структуру. Причины глобальной регионализации тесно связаны с необходимостью субъектов глобального мира встроиться в складывающуюся иерархию глобального мира. Глобальная регионализация имеет свои характерные черты и носит комплексный характер. Это объективный процесс, который является, с одной стороны, неотъемлемой составной частью процесса глобализации, с другой – следствием глобализации. В целом глобальная регионализация показывает складывающуюся новую форму структуризации глобального мира.

Ключевые слова: *глобальная регионализация, глобальный регионализм, макрорегион, структура глобального мира, иерархия глобального мира.*

The article analyzes global regionalization as a phenomenon of the global world development. The author investigates this definition in the context of Political Globalistics and interprets the global world environment as a three-level structure. The cause of global regionalization is closely connected with the necessity of the global world's subjects to build-in into hierarchy of the forming global world. Global regionalization has specific features and a complex character. Global regionalization is an objective process. On the one hand, it is a constituent part of globalization process, on the other hand, it is the consequence of globalization. On the whole, global regionalization indicates a new form of structurization of the global world.

Keywords: *global regionalization, global regionalism, macroregion, structure of the global world, hierarchy of the global world.*

В последнее время в научной литературе все чаще встречаются термины «глобальный регионализм» и «глобальная регионализация», которые рассматриваются как регионализация международных отношений. Поскольку эти феномены появились в процессе глобализации, актуальным является рассмотрение их именно в данном контексте.

В процессе глобализации сегодня происходит создание региональных союзов государств, имеющих схожие интересы, объединение ресурсов которых позволяет им более эффективно достигать своих целей.

Под термином «глобальная регионализация» следует понимать регионализацию (фрагментацию, сегментацию) пространства глобального мира, который на практике представляет собой трехуровневую структуру – совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие «регион» выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира.

Процессы регионализации, о которых сегодня уже много написано, происходят не только на субуровне (внутри государств), но и на макроуровне, то есть на уровне планетарном.

Данные процессы, происходящие на макроуровне, приводят к «такой конфигурации международных отношений, в рамках которых основное взаимодействие протекает между различными региональными группировками, а не между отдельными крупными державами или коалициями государств, географически отдаленных друг от друга» [Троицкий 2009: 36–37]. Результатом этих процессов является изменение Вестфальской системы мира, трансформация геополитической, геостратегической и геоэкономической структуры глобального мира и складывание новых центров глобальной экономики и политики.

В основе теоретико-методологической основы анализа глобальной регионализации находится понятие «регион». В современной науке нет общепринятого определения категории «регион». Трактовка данного понятия зависит от подхода к его анализу и интерпретации. Его содержание зависит от того, какой конкретный срез жизни в регионе актуализируется той или иной наукой. Термин «регион» имеет много значений, трактовок, определений. Так, существуют экономическая, культурологическая, геополитическая, политологическая, философская, административно-правовая и другие трактовки этого понятия.

В «Политической энциклопедии» регион определяется как «самостоятельная пространственно-географическая, административно-территориальная, институционально-политическая, экономическая, социальная, историко-культурная, этническая и демографическая величина» [Политическая... 1999: 333–334]. Данная трактовка предельно открыта по своему содержанию, и под это определение попадают такие разные по своим масштабам ареалы, как Вологодская область в России, США, Западная Европа, Юго-Восточная Азия.

В энциклопедии «Глобалистика» даются следующие определения понятия «регион»: «1) пространство, ограниченное физико-географическими, административными или какими-либо другими рубежами; 2) крупное территориальное образование, охватывающее несколько стран, или значительная административная часть одной страны, отличающиеся от других территорий совокупностью естественных и (или) исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей...» [Глобалистика... 2003: 882].

Ю. А. Абрамов, В. И. Куйбарь предлагают такое определение понятия «регион»: «Регион следует понимать как общенаучную категорию, обозначающую конкретно-историческую целостность, обладающую свойством ресурсной... технологической и этнокультурной самодостаточности для расширенного социального воспроизводства» [Абрамов, Куйбарь 2008: 249].

Данное определение, так же как и формулировка в энциклопедии «Глобалистика», методологически открыто. Это позволяет понимать под данной категорией регионы любого уровня (субрегионы, макрорегионы) и трактовать то или иное государство тоже как регион, как структурообразующую единицу и элемент трех-

уровневой системы глобального мира. С данных позиций регионом являются такие разнородные по масштабу и качественным характеристикам структурообразующие единицы, как Бавария, Андалузия, Фландрия, Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Европа, Латинская Америка и т. д.

Таким образом, термин «регион» используется для обозначения:

- внутригосударственной административной единицы (Уэльс, Корсика, Флорида) и понимается как субрегион внутри государства;
- для обозначения группы государств (АТР, Североамериканский регион, Европейский регион и т. д.) и понимается как макрорегион;
- понятие «регион» отождествляется с понятием «государство», которое в соответствии с данной логикой можно определить как мезорегион.

Если субрегион как социально-территориальный, экономико-территориальный и политико-территориальный феномен исследован уже достаточно глубоко, то сущность и роль региональных макросистем в эволюции современных глобальных процессов еще недостаточно изучена.

Макрорегион, как правило, имеет ряд однородных характеристик: общие наднациональные органы управления (Европейский союз, СНГ); социокультурные или языковые границы (страны Британского содружества, Североатлантическое сообщество, арабский мир, восточнославянский ареал и др.); конфессиональное единство (исламский мир, христианская цивилизация); общая социально-экономическая модель развития (либеральная, континентальная, средиземноморская, скандинавская и т. д.).

Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений, передачей части государственных функций либо на международный, либо на субнациональный уровень.

Глобальная регионализация имеет свои объективные причины, главная из которых – необходимость встроиться в складывающуюся иерархию политических субъектов глобального мира.

Данная иерархия политических субъектов представлена следующими уровнями: центры силы, претенденты на центры силы, экономические, политические, военные и цивилизационные полюса, региональные державы. Каждый из них имеет свои параметры [Леонова 2010: 39–43], наличие или отсутствие которых позволяет определить их место в данной иерархии.

Центр силы глобального мира – это понятие, объединяющее параметры полюсов многополярного мира. Центр силы можно определить как совокупность военных, экономических, политических, социокультурных (цивилизационных) ресурсов государства, наличие которых определяет его геостратегический, геоэкономический, геополитический и социокультурный потенциал и позволяет активно участвовать в управлении процессами глобального мира.

Отдельной стране этого добиться сложно, однако объединение с другими государствами своих экономических, политических и военных ресурсов дает возможность такому союзу (блоку) стать центром силы глобального мира. При доведении интеграционных процессов до своего логического завершения, то есть до формирования полноценного экономического, политического, военно-стратегического союза, данное образование, аккумулировавшее мощь и силу нескольких сопредельных государств, становится *центром силы* глобального мира. Одна-

ко пока на практике в связи со сложностью реализации данных условий центром силы удалось стать лишь Европейскому союзу.

Претенденты на центр силы – это страны, которые находятся в процессе объединения своих ресурсов и создания экономического, политического и военно-стратегического союза. К таким претендентам можно отнести многие региональные интеграционные объединения, такие как АСЕАН, АТЭС, МЕРКОСУР, ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), Южноафриканский таможенный союз и др., которые находятся пока, как правило, на этапе экономической интеграции.

«Мировая политика все в большей степени принимает черты соревнования между региональными объединениями, каждый из которых возглавляет глобальная или крупная региональная держава или центр силы», – пишет М. Троицкий [2009: 46].

Глобальная регионализация является, с одной стороны, неотъемлемой характеристикой глобализации, с другой – ее противоположной тенденцией.

Данная тенденция обусловлена интенсивными интеграционными процессами, которые идут во всем мире и в результате которых происходит объединение стран в региональные системы и складывание макрорегионов. В научной литературе все чаще встречаются термины «фрагментация мира», «территоризация мира», «блоковая стратегия».

Это отражает формирующуюся структуру глобального мира, который предстает как совокупность макрорегионов (полюсов, центров силы и макрорегиональных систем). Ведущие макрорегионы (Евросоюз, АТР, так называемый «Южный конус» и т. д.) совместно с мировой державой США являются основными двигателями глобализации, в разной степени втягивая в орбиту своего влияния остальные государства. На смену Вестфальской системе мира приходит макрорегиональная полицентричность или многоуровневая иерархическая структура.

Макрорегионы охватывают большие локальные пространства глобального мира и представляют третий уровень (макроуровень) системы глобального мира.

На макроуровне регион рассматривается как социально-экономическая и политическая целостность, формально выраженная (выступающая) как наднациональное и транснациональное образование.

Исходя из данного утверждения, можно констатировать, что в основании парадигмы глобального регионализма лежит представление о макрорегионе как об интегрированной социально-экономической, политической системе, обладающей геодивизионной целостностью, социокультурной близостью и скрепленной рядом наднациональных политических институтов.

Специфической чертой глобальной регионализации является то, что она не только связана с межгосударственным экономическим сотрудничеством или экономической интеграцией близлежащих стран, но и носит *комплексный* характер.

Глобальная регионализация включает политические, дипломатические, социокультурные (например, формирование общего образовательного пространства), экологические и информационные процессы и взаимодействия.

В контексте глобальной регионализации регионообразующими факторами выступают экономические, географические, исторические, этноконфессиональные, социокультурные, демографические, информационные и другие факторы.

Глобальная регионализация и глобальный регионализм не являются полностью тождественными понятиями.

Глобальная регионализация – это регионализация международных отношений, происходящая на глобальном уровне. Это процесс фрагментации мира, виртуального деления его на крупные самостоятельные экономические и политические сегменты и последующее встраивание их в глобальную иерархию.

Глобальный регионализм – это, с одной стороны, результат процесса глобальной регионализации, с другой – это политика взаимоотношений крупных межгосударственных объединений с глобальным миром и его акторами.

Теоретико-методологический подход к анализу феномена глобальной регионализации основан на представлении о макрорегионе как структурной единице системы глобального мира или как о подсистеме глобального политического пространства.

Макрорегион – это самостоятельный в экономическом, политическом, военно-стратегическом и социокультурном отношении структурный элемент глобального мира.

С одной стороны, макрорегион выступает структурообразующим элементом системы глобального мира как социоприродной целостности, с другой стороны, он является одной из подсистем глобального политического пространства.

Макрорегион как структурообразующий элемент системы глобального мира имеет три специфические черты.

Во-первых, макрорегион, являясь самостоятельной системой, не является закрытой системой. Его специфическое свойство – открытость. Это *открытая система*, способная обмениваться ресурсами, энергией и информацией с внешней средой. Макрорегионы активно обмениваются между собой и другими акторами глобального мира сырьем, товарами, людскими ресурсами, капиталами, технологиями, идеями и т. п. Особенно интенсивно происходит коммуникационно-информационный обмен макрорегиона с внешней средой.

Во-вторых, это неравновесная, то есть нестабильная, система, в которой постоянно происходит более быстрое или более медленное изменение ее основных параметров, в том числе состава, количества элементов, их качества, функций, конфигурации. Равновесие системы макрорегиона весьма зависимо от внешней среды. Мировой экономический кризис, особенно сильно повлиявший на ситуацию в Европейском союзе, еще раз подтвердил данный вывод.

В-третьих, макрорегионы – это динамично развивающиеся системы, в которых происходят эволюционные процессы разной степени динамики. Так, макрорегионы могут эволюционировать от зоны свободной торговли, таможенного союза до наднационального образования с общими органами управления. Изменяется и масштаб макрорегионов. Так, образованные как региональные группировки, они могут с течением времени приобретать все больше признаков глобальности. Примерами могут служить ЕС, НАТО, ОБСЕ, АТЭС. В процессе эволюции разной степени динамики находятся ШОС, МЕРКОСУР, ССАГПЗ, Южноафриканский таможенный союз и др.

Интеграционные процессы в макрорегионах протекают асинхронно. Так, экономическая интеграция практически всегда значительно опережает интеграцию политическую. Большинство макрорегиональных объединений образовались как результат прежде всего экономической интеграции, например Европейское объе-

динение угля и стали (впоследствии эволюционировавшее в Европейское экономическое сообщество, а позднее в ЕС), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др.

Экономическая интеграция, которую можно количественно измерить и выделить качественные параметры, достаточно изучена и описана как в зарубежной, так и в отечественной науке.

Экономическая интеграция обычно рассматривается как процесс создания некоего единого комплекса на уровне национальных *экономических* систем. Политическую интеграцию можно трактовать как процесс создания целостного комплекса на уровне национальных *политических* систем интегрируемых стран. На современном этапе процесс политической интеграции имеет свой предел. Таким пределом является угроза потери национального суверенитета стран, участвующих в интеграции, а также их желание сохранить определенную политическую автономию.

Существует известная *шкала* экономической интеграции, согласно которой ее последовательными уровнями являются: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз.

Построить соответствующую шкалу, которая бы определяла уровень политической интеграции, представляется невозможным, в том числе из-за отсутствия количественных показателей. Хотя практика эмпирических наблюдений за наиболее успешными интеграционными объединениями, то есть теми, которые перешли от экономической интеграции к политической (ЕС) или находятся на стадии такого перехода, позволяет выделить этапы их эволюции:

- взаимное информирование и согласование внутренней и внешней политики стран – членов интеграционного объединения;
- координация политики;
- создание системы региональной безопасности;
- формирование наднациональных органов (контроля, координации, а позднее – управления);
- принятие общей конституции.

Процесс глобальной регионализации имеет свои характерные черты.

1. Планируемый положительный результат для всех участников регионально-го объединения, возможность получения экономических и политических преференций от участия в макрорегиональном проекте.

2. Этот процесс не является стихийным, это заранее и четко планируемый процесс, организованный, требующий большой подготовительной работы и воспринимаемый его участниками как объективная необходимость.

3. Создание в результате самодостаточной, нестабильной и открытой системы.

4. Асинхронность экономической и политической интеграции.

5. Наличие регионального лидера, который инициирует интеграционные процессы и является их главным двигателем.

6. Историческая и этноконфессиональная общность не имеет большого значения, но может при определенных условиях тормозить интеграционные процессы или повышать их поступательную динамику.

7. Совпадение экономических моделей развития, политических систем и доминирующей системы ценностей повышает шансы на успех региональной интеграции.

Глобальная регионализация проявляется следующим образом.

Во-первых, интеграция локальных сообществ и соединение их в макрорегион. Основаниями для такой интеграции выступают как внутренние (экономическое партнерство, схожесть политической культуры и институтов, социокультурная близость, например, идентичная цивилизационная матрица), так и внешние факторы (общие ориентиры внешней политики, стратегии взаимодействия с глобальным миром и его акторами, решение задач макрорегиональной безопасности и др.).

Во-вторых, происходит локализация самодостаточного территориально-экономического, территориально-политического и территориально-социокультурного сообщества, границы которого достаточно четко очерчены и часто совпадают с границами конкретного государства. Данные образования можно обозначить как «функциональные регионы», то есть функционирующие как суверенные государства.

В-третьих, на базе интеграции и локализации возникает качественно новое геополитическое и геоэкономическое образование, члены которого (суверенные государства) передают часть своих функций на наднациональный уровень. Границы таких макрорегионов могут совпадать с границами геочивилизаций (например, ЕС). В данных образованиях наблюдается тенденция к замыканию торговых и инвестиционных потоков внутри системы, что способствует достижению еще большей самодостаточности, независимости от внешней среды, стабильности и безопасности.

Особенностью глобального регионализма является временная асинхронность формирования макрорегионов. Так, в Европейском союзе процесс развивается хотя и достаточно противоречиво, но тем не менее с прогрессивной динамикой. В других макрорегионах, например в Азиатско-Тихоокеанском, Евразийском или так называемом «Южном конусе», наблюдается отставание процессов интеграции, локализации и передачи функций государств и их составляющих на наднациональный уровень, и данная временная асинхронность проявляется весьма ярко.

В целом формирование и развитие пространства глобального мира сопровождается его дифференциацией, дроблением на макрорегионы, нарастанием нестабильности, грозящей перерастанием в макрорегиональные конфликты по главным геополитическим осям (Север – Юг, Запад – Восток).

Усиление макрорегиональной интеграции и локализации создает гибкие и эффективные механизмы адаптации данных сообществ к процессам глобализации.

Глобальная регионализация есть объективный мировой процесс, который следует рассматривать как неотъемлемую *составную часть* глобализации.

Глобализация привела к поискам противовесов и попыткам создания геополитического равновесия с помощью регионализации международных отношений. Современный глобальный мир не ограничивается реальным географическим пространством, он стал многомерным.

Глобальная регионализация является *следствием* глобализации, которая приводит к фрагментации мира на макрорегионы и формированию иерархической глобальной системы, состоящей из полюсов, центров силы, претендентов на центры силы и региональных систем глобального мира.

Таким образом, анализ социально-территориального пространства глобального мира и очертаний политической карты земного шара позволяет выявить феномен глобальной регионализации, который показывает складывающуюся новую форму структуризации глобального мира.

Литература

Абрамов Ю. А., Куйбарь В. И. Глобальная регионализация: к обоснованию понятия // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 242–250.

Леонова О. Г. Россия и мир в XXI веке // Россия и мир в XXI веке. Вып. 4. М. : Научный эксперт, 2010.

Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1999.

Троицкий М. Глобальный регионализм и внешняя политика России // Свободная мысль. 2009. № 11. С. 35–46.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М. : Проспект, 2011.

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ИСЛАМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ

Сеидова Г. Н.

к. ф. н., доцент, заслуженный учитель РД,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин
филиала Дагестанского государственного университета, г. Дербент.
E-mail: gseidova@rambler.ru

В статье анализируется характер восприятия и влияния различных аспектов объективного процесса глобализации в мусульманском мире на примере Исламской Республики Иран. Эта страна неизменно выступает в авангарде борьбы против негативных воздействий глобализации, однако готова к активной модернизации в экономической, технологической и информационно-коммуникативной сферах при условии сохранения собственного культурного и духовного наследия.

Ключевые слова: глобализация, локализация, исламские ценности, «глобальные игроки», диалог цивилизаций, восточные и западные культуры, религия.

The author analyzes different aspects of perception and influence of an objective process of globalization in the Moslem world on the bases of the Islamic Republic of Iran's experience. This state is permanently in the forefront of the struggle against globalization's negative impact, though it is ready for active modernization in economic, technological, information-communication spheres provided that its own cultural and spiritual heritage is preserved.

Keywords: globalization, localization, Islamic values, "global players", dialogue of civilizations, East and West cultures, religion.

Отдельные исследователи совершенно резонно полагают, что глобализацию как историко-культурное явление неверно считать спецификой исключительно современной эпохи. Действительно, мало у кого есть сомнения в том, что истоки глобализации (независимо от того, с какого момента ее отсчитывать) следует искать глубоко в истории [Гринин 2011]. В сегодняшнем пестром мире универсальные тенденции интеграции и дезинтеграции представлены парадигмами глобализации и постмодернизма [Пелипенко 2010].

Иран – одна из крупнейших и активно, динамично развивающихся стран на Ближнем Востоке. Выгодное географическое положение позволяет Ирану оказывать существенное влияние на ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Выход в океан через Персидский залив дает стране дополнительные преимущества. Все это позволяет российскому исследователю С. Б. Дружиловскому прийти к выво-

ду, что в мусульманском мире в авангарде борьбы против всемирного глобализма выступает Иран, противостоящий узурпации своих национальных приоритетов какой-либо внешней системой ценностей. Интерес к проблеме глобализации в иранском обществе настолько значителен, что в этой сфере появляются десятки новых имен и научных трудов. В частности, в Тегеранском университете функционирует исследовательский центр по проблемам глобализации, возглавляемый известным ученым Мохаммадом Нахавандияном, активным сторонником диалога цивилизаций [Дружиловский 2010].

Мусульманское общество никогда не скрывало, причем обоснованно, настороженного отношения к процессу глобализации. Тем не менее все понимают его неизбежность и неотвратимый характер. Выход один – сделать воздействие глобализации менее болезненным. Альтернативы глобализации пытаются проявлять в тенденциях регионализации, рассчитывая сдержать ее наиболее разрушительные последствия. Здесь принято основное внимание уделять принципам социальной справедливости, уважения самостоятельности и самобытности национально-культурных образований. Причем живучесть представления о «божественной справедливости» в исламе не является проявлением рецидивов религиозного прошлого, так как здесь извечно актуальна проблема воплощения божественной справедливости на земле без всяких скидок на десакрализацию, секуляризацию и прочее. Кораническое представление о божественной справедливости зиждется на понимании пребывания истины не над временем, а во времени [Насыров 2010].

Мусульмане-шииты из всех божественных атрибутов изначально выбрали именно *справедливость* как основополагающий принцип своей веры [Иманипур 2007]. Богослов Реза Остади дает этому такое обоснование: «Шииты считают справедливость своим вторым принципом религии... Мир, в котором мы с вами живем, своими основами опирается на справедливость и правосудие, и создатель этого мира справедливый судья, который повелевает рабам своим жить на этом свете по справедливости и избегать гнета и насилия» [Реза Остади 1993: 78–79]. Эти вопросы неоднократно обсуждались на международных форумах, проводимых Культурным представительством посольства Исламской Республики Иран совместно с различными научными центрами России. Главным их выводом является стремление утвердить такую консолидированную позицию, чтобы человечество стремилось к созданию социально справедливого, прогрессивного в экономическом и технологическом отношении мира, создаваемого путем диалога цивилизаций. Одна из таких конференций, прошедшая на базе РУДН, так и называлась: «Глобализация и справедливость».

В послании участникам круглого стола «Глобализация и справедливость в свете идей имама Хомейни» Посол ИРИ в РФ Голам-Реза Ансари отмечает: «...не только мир ислама, но и в целом мир Востока должен быть хорошо информирован о процессе глобализации... С другой стороны, процесс глобализации не должен быть заострен исключительно на вопросе получения выгоды; он не должен быть отделен от задач, связанных с моралью и духовностью, которые сегодня являются серьезной необходимостью для всего человечества» [Ансари 2007: 7]. По мнению некоторых российских исследователей, в частности профессора И. К. Лисеева, доминирующие ориентиры в деятельности современного Ирана, главной государственной религией которого является ислам, – признание благородства и ценности каждой личности, а также отрицание угнетения и чьей-либо

гегемонии. Ученый пишет: «Таким образом, начиная с идей имама Хомейни, и затем через всю идеологическую мысль Ирана, проходит идея о необходимости иной трактовки цивилизации, о внесении в ее понимание нового духа и ценностей, основанных на естественных и человеческих ценностях, отраженных в Исламе» [Лисеев 2010: 139].

Профессор А. Г. Пырин, делая обзор круглого стола «Философские идеи имама Хомейни в контексте евразийской концепции объединения народов», прошедшего в ИФ РАН и организованного МФО, Евразийской секцией РФО совместно с Культурным представительством посольства ИРИ в Москве, приводит высказывание профессора А. Н. Чумакова: «Иран вкладывает средства в развитие философии, т. к. она является проявлением духа нации. А это оружие страшнее ядерного. Нет ни одной страны мира, где бы так сотрудничали с российскими философами, как в Иране, хотя представительства РФО есть во многих странах. В Иране организуются философские конгрессы... Иран повернут к наукам, в том числе и гуманитарным» [Пырин 2010]. Показателен в этом плане и тот факт, что в энциклопедию «Глобалистика» представили свои статьи духовный лидер и тогдашний президент страны вместе с целым рядом ученых. На II международном конгрессе «Глобалистика – 2011: пути стратегической стабильности и проблема глобального управления» в МГУ 18–22 мая 2011 г. мы также имели возможность плодотворно общаться с иранскими исследователями глобальных процессов.

Президент Ирана С. М. Хатами во время выступления на «Саммите тысячелетия» в ООН провозгласил: «Глобализация не должна сводиться к созданию более обширных рынков сбыта и поглощению национальных культур одной господствующей культурой. Это станет возможным лишь тогда, когда общие подходы, интересы и законы, осуществляемые на основе равенства и справедливости, будут распространяться во всем мире во имя прогресса» [Хатами 2001: 72–73]. Главное и обоснованное требование мусульманского мира – перераспределение части мирового богатства, доходов ТНК и других корпоративных структур в пользу беднейшей части населения планеты. Жизнь настоятельно диктует необходимость ликвидации монополий «глобальных игроков» на ноу-хау и современное образование, высокие технологии, закрепление права отдельных наций и народов на самоопределение, свой язык, свою систему ценностей, культуру. Несомненно, что страны Запада отнюдь не спешат ни с кем делиться высокими технологиями, но при этом всячески навязывают свои идеологические клише и поведенческие нормы. Руководитель культурного представительства Посольства Ирана в Москве А. Э. Торкаман полагает, что глобализация является новой формой колониализма, в новейшее время выступающей под лозунгом глобализации экономики, но с неизменной целью всестороннего господства над странами Востока [Торкаман 2010].

Развитие информационно-коммуникативных систем серьезно влияет на систему образования и науки, но, однако, далеко не всегда со знаком плюс. Государства вынуждены считаться с фактом, что не в состоянии контролировать процесс производства и приема продукции западной индустрии развлечений, кинематографа, шоу-бизнеса, ориентированных на известные ценностно-смысловые маркеры потребительства и неумолимо засасывающих в свою воронку огромные массы людей. Но сегодня и на Востоке есть ясное осознание того, что бороться с этим посредством мер запретительного характера или изоляционизма невозмож-

но. Безусловно, в условиях, когда индустриально развитые страны всецело держат рычаги информационного воздействия в своих руках, а развивающиеся испытывают значительные трудности, говорить о пресловутом «свободном» обмене безнравственно и постыдно. Ведь не секрет, что Голливуд заполнил весь мир своей часто не лучшей продукцией, но зато зарубежные фильмы, допущенные к прокату в США, не дублируются, а лишь сопровождаются титрами. Естественно, избалованный американский зритель не очень-то будет стремиться их посмотреть. Чем не фильтр? Все это напоминает улицу с односторонним движением, направление которого выбирают «глобальные игроки».

Глобализация в духовной сфере, в сфере культуры становится одной из важнейших в мировом поступательном развитии. Конечно, при этом высвечиваются весьма существенные положительные моменты, связанные с расширением возможностей более масштабных культурных контактов, общения, сравнения и заимствования позитивного опыта, способствующего обогащению национальных культур и их способности вносить свой вклад в копилку общей культуры человечества. Вместе с тем неизбежно встает вопрос сохранения и защиты своеобразия традиционных культур, их творческого развития в результате соприкосновения с иными культурами. Ведь никак не уйти от понимания того, что две противоположные мировые тенденции – глобализация и локализация – при всей их взаимосвязанности способствуют усилению конфликтов, особенно на этнорелигиозной почве. Оживление чувства культурно-религиозной идентичности как ответ на опасность утраты культурной самобытности, культурной идентичности характерен для ряда локальных цивилизаций. Ислам противостоит вестернизации, пытается выработать собственную оригинальную модель глобализации, основанной на исконных религиозных и культурных традициях [Чистякова 2010]. Однако подчеркнем, что осознанное противостояние вестернизации отнюдь не означает отказа от явственно назревших модернизационных процессов.

Несмотря на то, что нельзя однозначно отождествлять процессы вестернизации и глобализации, для исламского мировосприятия характерен именно такой подход. Вестернизация воспринимается как экспансия претендующей на доминирование западной культуры на весь остальной мир, представленный культурами традиционного характера. Полагается, что принципом функционирования культур в современных условиях должно стать только их взаимодействие. Соответственно базовым принципом, на котором оно строится, должен стать диалог, основанный на плюрализме и партнерстве, признании равенства культур. Представители традиционных культур не могут не осознавать, что неизбежное усвоение новых форм – это момент саморазвития, поэтому никому не удастся избежать заимствований.

Трудно не согласиться, что по мере ускорения общественного развития нарастающая глобализация ведет к формированию единой общечеловеческой культуры и цивилизации, что несколько не должно отменять ни культурного разнообразия, ни специфических особенностей цивилизационного развития отдельных стран и регионов. Стремление унифицировать различные, не сводимые друг к другу культуры под общим знаменателем всемирного поступательного развития присуще универсалистской тенденции в культурологическом познании. Уникалистская же подчеркивает неповторимость локальных культур, усматривает в них несовместимые друг с другом единичные феномены. Порознь они показали свою

несостоятельность, неполноту. Для преодоления этих крайностей, в поисках золотой середины культурологической мысли XX в. пришлось сосредоточиться на сравнительно-типологическом изучении моделей культурной идентичности. И важным методологическим ключом в подобных исследованиях может выступить принцип разделения культур на восточные и западные.

Мусульманский мир ни в коей мере не стремится к изоляционизму, отказу от существенных положительных моментов, связанных с расширением возможностей более широких культурных контактов, общения, сравнения и заимствования позитивного опыта. Исследования различий восточных и западных культур дают возможность более глубоко проникать в процесс становления, развития и функционирования культуры. В специфике восточной культуры, ориентированной на саморазвитие человека и общества, в обращении к духовному миру человека – корни ее внутренней глубины и богатства. Исламские движения предполагают альтернативную модель современности, знаменующую не отказ от модернизации, а стремление строить современное общество, которое хотя и участвует в глобальной системе, но вдохновляется обладающей собственным самосознанием исламской культурой. Иранские исследователи четко выделяют в процессе глобализации экономико-технологическую компоненту и ищут механизмы подключения, которые отвечали бы их собственным национальным интересам и традициям [Баксанский, Лавринов 2010]. Позиции о том, что консенсус в мире возможен на основе идеи монотеизма, значимости духовной и моральной составляющей современного глобального развития, придерживаются представители мусульманского мира, в том числе лидер исламской революции в Иране имам Хомейни и нынешний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад. Имам Хомейни обращает внимание на опасность низкого статуса в глобализирующемся мире духовных и моральных ценностей. Утверждая приоритет морально-этической составляющей стороны человеческой жизни, находят общие точки соприкосновения позиции ислама и христианства [Веряскина 2010].

Наряду с процессами глобализации в сфере культуры имеет место более не-приметная, но от этого не менее важная поляризация мирового сообщества по принципу разделения культурных систем. Наряду с экономикой именно культура является одной из сложных сфер общественной жизни, в которой процесс глобализации проявляется наиболее ярко. Мир ислама поставлен перед необходимостью выбирать по принципу «наименьшего зла». В связи с вариативностью сценариев глобализации назревает насущная потребность выработки собственной ее модели путем формирования соответствующих жизненных ориентиров. В итоге складывается механизм функционирования глобальной цивилизации, в котором Запад выступает фактором изменчивости, а Восток – устойчивости. Подобный своеобразный «диполь» мог бы стать альтернативой однополярного мира с гегемонией известных «глобальных игроков». Восток, где бережно сохраняются сложившиеся религиозные устои, всегда предлагает духовные инициативы, ведь не случайно все мировые религии и многие культурные импульсы пришли именно оттуда [Амели 2005: 172].

Подчас складывается ощущение, что сравнение Востока и Запада в чем-то подобно сравнению искусства с наукой. Восток представляется созвучным с искусством, а Запад – с рациональной наукой. Восточный образ мышления уподобляется художественной деятельности потому, что там, как и в искусстве, индиви-

дуально-нравственный мир на первом плане. На Западе же одним из важных условий организации общества выступает совместная деятельность, взаимосвязь людей. Поэтому в условиях вестернизации отдельные этнические группы, народы, обладающие своеобразием, неповторимостью, как бы сплавляются в единой безликой конструкции [Халилов 2006]. Безусловно, это вызывает отторжение, протестные настроения в традиционной мусульманской среде. Несомненно, что Востоку в качестве топологической координаты извечно нужно соотнесение с религиозным фактором. Благодаря этому удастся определить историко-культурные регионы, обладающие собственной социокультурной идентичностью [Сеидова 2006]. Для нас это значимо тем, что в настоящее время в России происходят реформы во всех сферах жизни. Поэтому столь актуально изучение вопроса о соотношении восточной и западной культур и цивилизаций и месте России в их диалоге [Она же 2010в].

В недалеком историческом прошлом восточных обществ, до развития контактов с Западом, абсолютно господствовали религии, а накопление научных знаний осуществлялось исключительно в рамках религиозно-философских традиций. Поэтому судьбы науки оказались столь различны на Западе и Востоке. Для западных гуманистов и восточных гуманитариев общими были синкретизм знания и морали, постоянная обращенность к проблемам человеческого бытия. Но при этом научная мысль Запада всегда была устремлена вперед, и это проявлялось в ее повышенном внимании к естествознанию, фундаментальным исследованиям, что требовало соответствующего уровня теоретического мышления. Поэтому на Востоке наука до приобщения ее к «западному» научно-рациональному типу оставалась в рамках рецептурной практико-технологической деятельности. Там существовали лишь предписания, что делать и как делать, и знания об этом в незыблемом виде передавались из поколения в поколение. Поэтому-то здесь так и не возник вопрос об осмыслении в рамках методологической рефлексии всего того «научного» богатства, которое было накоплено в ходе тысячелетней рецептурно-утилитарной ученой деятельности. Исламская цивилизация наименее открыта для внешних воздействий, что обусловлено прежде всего особенностями религии, охватывающей все стороны жизни, включая экономику и политику. Мусульманский образ жизни не только традиционен, но и самоценен. И все же это традиционалистская активная цивилизация. Мы наблюдаем попытку традиционного мусульманского общества сохранять определенную меру устойчивости и стабильности при результативном усвоении нового без разрушительных последствий для своего развития [Она же 2010б].

Практика показывает, что воздействие глобализации на культурные аспекты общественной жизни носит весьма противоречивый характер. В идеале глобализация должна расширять ареал культурного общения, обмен новыми технологиями и достижениями в области науки и техники. В реальности же наблюдается разрушение основы, культурных устоев сложившихся обществ, их духовного наследия и уникальных черт, самобытности. Культура играет роль как бы иммунной системы общества. При ее размывании трудно противостоять неблагоприятным внешним воздействиям. В итоге – попытки глобального распространения западных норм, идеалов и ценностей во всем мире. Однако сегодня дискомфорт от западного вала пены чужой массовой культуры ощущают носители существующих в каждом сообществе региональных субкультур [Она же 2009в]. Но нельзя говорить

о полном неприятии процесса глобализации даже шиитскими богословами как наиболее консервативной частью иранского общества, которые являются выразителями мнений в шиитской среде, как нам видится из опыта личного общения. Они не без оснований полагают, что консолидация всех обществ, наций, стран, правительств в единую огромную целостность, то есть то, что сегодня называют глобализацией, – отнюдь не новое явление, восходящее к европейскому Возрождению, техническим достижениям или политическому опыту современного человека. Доктор философии, профессор Тегеранского университета Хасан Рахимпур Азгади пишет: «Ислам считает мир рациональным [основанным на разуме], а сам разум – мировым явлением. Поэтому взгляд ислама на глобализацию не является неким проявлением ностальгии по поводу вымирающих под влиянием модернизма традиций или реакционным сопротивлением науке и технологическому прогрессу, например, в сфере коммуникации... Нет оснований говорить о наличии коренных противоречий между исламом и глобализацией в смысле перестройки мировых взаимоотношений между людьми и между человеком и природой» [Азгади 2007: 87–88].

Сегодня как никогда актуальна задача сохранения и защиты ценностей и своеобразия традиционной культуры. Состояние современной культуры, глобальные процессы в обществе обнажают противоречивость исторического сознания. Налицо такая ситуация, что на понимание неизбежности социальной трансформации накладывается противоположная тенденция – внимание к традиции, к прошлому. Характерную для мусульман позицию выразил нынешний духовный лидер Ирана С. М. Хаменеи: «Тот процесс глобализации (т. е. завоевания мира), который сейчас изображают как историческое предопределение, можно назвать сатанинской глобализацией... Истинный правитель глобальной деревни (если правильно употреблять этот термин) – не человек, а его Создатель. Он – защитник прав человека, демократии и свободы на практике, а не просто в теории, и считает убийство даже одного индивида равным уничтожению всего человеческого рода» [Хаменеи 2006: 171]. Поводом для тревоги он считает следующее: «Навязываемый сегодня вариант глобализации уже стал причиной возникновения конфликтов во всемирном масштабе. И это не могло не вызвать естественного сопротивления народов. Глобализация (как естественный процесс универсализации жизнедеятельности народов планеты) и глобализация – миростроительство (как искусственно продвигаемый процесс) являются двумя разными процессами» [Ансари 2007: 11–12]. По мнению ряда иранских ученых, «... глобализация – это процесс, в рамках которого теряют свою независимость ценности, образ действий, обычаи и традиции, этничность и идентичность, национальность, а также местные и региональные правительства. К тому же сходит на нет многополярность мира в области политики, экономики и культуры и мир подталкивается к формированию единого направления движения и созданию единой культуры» [Эмамджомазде, Туйсаракани 2006: 129]. Глобальные тенденции, стремясь укорениться в недрах отдельных локальных культур, изнутри разрушают их безопасность и собственную устоявшуюся систему отношений. Подобную озабоченность разделяет еще один иранский философ – С. Х. Наср: «Современная эпоха, особенно в связи с процессами глобализации, породила также и проблему цивилизационной идентичности. Перед сообществами цивилизаций, особенно таких, как китайская, индийская, исламская, возникла реальная угроза уничтожения или, по крайней мере,

превращения в периферийные культурные группы всемирной цивилизации, выстроенной по образу и подобию западной цивилизации. Отсюда стремление данных сообществ отстоять в разных превращенных формах свою идентичность» [Наср 2009: 37]. Поэтому только сотрудничество в духовной сфере должно лечь в основу современного диалога цивилизаций и культурных взаимодействий [Сеидова 2009б].

Транснационализация культуры не должна рассматриваться как некий пространственно-временной процесс, результатом которого будет формирование «единой мировой культуры», поглотившей национальные культуры. Ведь культурное наследие человечества постоянно растет. Оно аккумулирует в себе и позитивный, и негативный опыты развития наряду с возможностями творческого усвоения накопленного ранее [Она же 2010а]. Изменения, происходящие в культурах под воздействием целого ряда внутренних и внешних причин, обусловленных глобализацией, несомненны. Но источники их весьма разнообразны. Попытки осмыслить суть этих трансформаций имеют не только познавательную, но и практическую значимость. Транснационализация культуры имеет множество аспектов и означает насыщение пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, соответствующим интеграционным тенденциям современного мира. Они предполагают не только и не столько социально-экономические и геополитические изменения, но прежде всего формирование нового типа транснациональной культуры, характерными особенностями которой являются коммерциализированность, унифицированность, подвижность, охватывающие все большие сегменты национальных культур и деформирующие их целостную структуру [Она же 2007].

Иранский исследователь С. Х. Хусейни [Ахлак], признавая, что глобализация связана со сферой экономики и коммуникаций, полагает обязательным базисом ее построения духовно-философское основание. Ученый пишет: «Почти однородный мир облегчает знакомства, дружбу и поиск сходства, но, безусловно, не облегчает индивидуального развития, реализации таланта и выработки идентичности, что порождает глубокие духовные, культурные и политические проблемы. Глобализация в культуре, политике и науке зависит от идеалов жизни человека... Новые идеи, наука и техника развиваются в направлении открытия и актуализации возможностей человека» [Хусейни 2006: 172].

Религии как консервативный феномен культуры этносов благодаря консерватизму содержат в себе тенденцию к самосохранению [Сеидова 2010г: 93–97]. В результате взаимодействий, неизбежно связанных с глобализационными воздействиями, все же не происходит смешивания религий, их гибридизации. Глобализация привносит в частную жизнь человека такие феномены, характер которых чужд конкретно-историческим особенностям отдельных этносов. В глобальном мире проблемы человечества приобретают общий характер, поэтому происходит расширение зоны социальной ответственности религий. Несмотря на различие оценок, приятие или попытка отторжения глобализации, существует единение в том, что глобализация в той или иной форме пришла всерьез и надолго. Этот феномен так явственно заявляет о себе, что при всем желании не может не восприниматься как объективная реальность. Глобализация, сопровождающаяся гомоген-

низацией условий жизни, вызывает отторжение в обществах с традиционным укладом [Иманипур 2007: 430–431]. Российские ученые И. И. Мазур и А. Н. Чумаков полагают: «Только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономических сферах» [Мазур, Чумаков 2006: 191]. Трудно не отдавать себе отчета в неизбежности происходящих глобальных изменений для дальнейшего существования человечества. Негативные последствия глобальных процессов в силу их глубинных, внутренне не решенных причин, обречены на экспоненциальный рост, которому будут сопутствовать скрытые и открытые противостояния малых цивилизаций и культур, стремящихся получить свое место под солнцем. Ведь имеющиеся две противоположные тенденции – сближения и одновременной конфронтации субъектов мирового сообщества – обуславливают волнообразность процесса глобализации.

Мусульманский Восток трезво оценивает, что мир стоит перед угрозой утраты единой общечеловеческой перспективы, раскола человеческого рода на «золотой миллиард» и все остальное человечество. Это способствует разрушению нашей планетарной цивилизации, которая не в силах бесконечно противостоять деструктивным явлениям. Понижение барьеров между суверенными государствами приводит к трансформации внутренних социальных отношений, разрушает культурные табу, что очень болезненно воспринимается в мусульманской среде. Здесь давно назрело понимание необходимости инноваций, модернизации как константы национальной жизни, развития современной системы образования, коммуникаций. Наши наблюдения в университетах Тегерана и Тебриза позволяют сделать вывод, что исламский мир, в частности Иран, не пытается уподобляться премудрому пескарю, прячущемуся от мира под корягу. Он с готовностью воспринимает то положительное, что дают процессы, генерирующие трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающие глобальную взаимозависимость [Сеидова 2009а].

Единый мир возник на базе качественно новых компьютерных технологий, породивших, в свою очередь, информационные технологии, существенно изменившие природу бизнеса. Распространение информационных технологий и глобализация в корне изменили дух сотрудничества между развитыми странами с их «информационной элитой» и развивающимися странами. От «преимуществ» глобализации последним достается лишь пена чуждой массовой культуры, размывание национальных барьеров в экономике, распространение и укоренение поведенческих стереотипов и манер общения людей, никак не связанных с их национальной и культурной принадлежностью.

Трудно отрицать всеобщую взаимозависимость как реалию глобализирующегося мира, но нужно придать этому явлению хотя бы более или менее человеческие черты. Ведь налицо и вторичные, производные проявления глобализации: с одной стороны, такие как интернет-связи и индивидуальные коммуникационные возможности, разнообразные формы международного культурного обмена и об-

щения, а с другой – международные антиглобалистские движения, организованная преступность и международный терроризм. Все это не может не создавать почву для новых конфликтов и противоречий, которые, в свою очередь, ставят пределы возможностям дальнейшей глобализации.

Глобализация и интернационализация составляют закономерные процессы в нынешнем мире. Восток готов к участию в формировании глобальной цивилизации нового типа. Но она должна обеспечивать процесс прогрессивных перемен на международной арене, выступать гарантом будущего человечества и активно участвовать в решении его коренных проблем. В качестве альтернативы технократически-информационной глобальной цивилизации с зияющей пропастью между «золотым миллиардом» и остальной частью человечества и должна формироваться эта новая цивилизация. И именно диалог цивилизаций способен стать рычагом сохранения мира и стимулом для создания универсальной модели оздоровления международной обстановки, исключающей односторонность, чей-либо диктат в политике, религии, культуре. Нынешнее столетие должно породить интегральный социокультурный строй, который будет утвержден в мире на основе диалога культур, цивилизаций, религий и определять мировоззрение нынешних и грядущих поколений. Только такая цивилизация способна разрешить как социально-классовые, так и глобальные проблемы, маячащие на горизонте человечества. Мир ислама демонстрирует всему человечеству, что у объективного процесса глобализации все же есть известные пределы, определяющиеся особенностями национального самосознания отдельных народов, которые в состоянии ограничивать неприемлемые для них разрушительные аспекты глобализации. Будем надеяться, что, обеспечивая широкое приобщение народов к мировой материальной и духовной культуре, она осуществит интеграцию и интернационализацию мирового сообщества.

Литература

Азгади Хасан Рахимпур. Справедливость и глобализация // Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, В. И. Юртаева. М., 2007.

Амели С. Р. Альтернативная глобализация и религиозная революция: всеобщая социология и исламская революция в Иране // Двадцать пять лет Исламской революции в Иране: сб. статей. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2005.

Ансари Г. Приветствие // Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, В. И. Юртаева. М. : РУДН, 2007. С. 11–12.

Баксанский О. Е., Лавринов Д. Г. Этнокультурная идентичность в условиях глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 47–75.

Веряскина В. П. Моральные интенции религиозного и политического завещания имама Хомейни в контексте глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 76–102.

Гринин Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. № 1. С. 80–94.

Дружиловский С. Б. О пределах воздействия процесса глобализации на развитие Исламской Республики Иран // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 114–127.

Иманипур М. Глобализация культуры // Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, В. И. Юртаева. М. : РУДН, 2007.

Лисеев И. К. Глобализация в контексте цивилизационных ориентаций Запада, Востока и России // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 128–144.

Мазур И. И., Чумаков А. Н. Глобалистика // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.

Навр С. Х. Исламское искусство и духовность. М. : ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2009.

Насыров И. Р. Исламская концепция справедливости в контексте глобализирующегося мира // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 145–156.

Реза Остади. Основные принципы религии для всех. Кум: Ахл-е бейт, 1993.

Пелипенко А. А. наброски к портрету современности // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции. М. : Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 70–74.

Пырин А. Г. Исламский мир и евразийство // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 157–168.

Сеидова Г. Н. Духовное взаимовлияние Ирана и Юга России (на примере распространения шиизма в Дербенте и его округе) // Материалы международной научной конференции «Россия – Иран: диалог культур». М. : ЛЕНАНД, 2006. С. 122–129.

Сеидова Г. Н. Догмат божественной справедливости «аль-адль» и вызовы глобализации // Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н. С. Кирабаева, В. И. Юртаева. М. : РУДН, 2007. С. 444–451.

Сеидова Г. Н. Культурные связи Ирана и Дагестана: история и современность. Кавказ сквозь призму культуры // Материалы международной научной конференции. 20–21 октября 2009 г. Тебриз, 2009а.

Сеидова Г. Н. К истории духовных контактов Азербайджана и Дербента. Баку – столица исламской культуры // Материалы международной научной конференции. 9–10 ноября 2009 г. Баку, 2009б. С. 59–61.

Сеидова Г. Н. Глобализация и традиционная мусульманская культура в Дагестане // Материалы международного научного конгресса «Глобалистика-2009. Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». 20–23 мая 2009 г. М., 2009в. Т. 1. С. 133–135.

Сеидова Г. Н. Культурная среда самого южного города России // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики. Материалы VIII Всероссийского научного симпозиума. 21–22 октября 2010 г. Новосибирск, 2010а. С. 121–125.

Сеидова Г. Н. Сценическое искусство в традициях шиитского ислама в Дербенте // Вопросы культурологии. 2010б. № 9. С. 35–38.

Сеидова Г. Н. Сохранение культурной самобытности России в условиях глобализации: региональный аспект // Обсерватория культуры. 2010в. № 5. С. 35–41.

Сеидова Г. Н. Межрелигиозный диалог как фактор взаимопонимания на пути к культуре мира и ненасилия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек в социокультурном пространстве современности». 15 апреля 2010 г. Курск, 2010г. С. 93–97.

Торкман А. Э. Ислам и глобализация // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И. К. Лисеев, Р. С. Сейфуллаев, А. А. Гезалов. М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 9–15.

Хаменеи С. М. Толкование глобализации в исламе // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.

Халилов С. Восток и Запад как модели общества. // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.

Хатами Сейид Мухаммад. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. М. : Гуманитарий, 2001.

Хусейни Сейид-Хассан. Глобализация и новый мир // Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.

Чистякова С. С. Вызовы глобализации: проблемы этноконфессиональной идентичности в современном мире // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции. М. : Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 128–131.

Эмамджомазде С. Д., Туйсаракани М. Культурный диалог между Ираном и Россией: путь к многосторонности в эпоху глобализации // Материалы международной научной конференции «Россия – Иран: диалог культур». М. : ЛЕНАНД, 2006.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ФЕМИНИЗАЦИИ МИГРАЦИИ

Илимбетова А. А.

аспирант кафедры народонаселения экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: akkosh@inbox.ru

Статья посвящена одному из наиболее серьезных последствий глобализации мировой экономики – увеличению числа и доли женщин среди международных мигрантов, пересекающих границы государств с целью трудоустройства в других странах. Этому процессу способствует развитие сферы общественных и частных услуг, являющихся сферой применения именно женского труда, но непривлекательных для местных жителей. Феминизация миграции имеет важные последствия как для стран приема, так и для стран происхождения мигрантов. Присутствие в миграционных потоках этой категории мигрантов требует пересмотра миграционной и социальной политики с учетом их особенностей и потребностей.

Ключевые слова: глобализация, феминизация миграции, женщины-мигранты, рынок труда, интеграция, миграционная политика.

The article covers one of the most serious consequences of the world globalization – increasing number and share of women among international migrants crossing state borders to find employment in another state. Development of public and private services sectors, using female labor, but unattractive to local residents, favors this process. Feminization of migration has serious consequences both for receiving and home countries of migrants. Existence of this category of migrants in the migratory flow requires revision of migration and social policy according to their peculiarities and needs.

Keywords: globalization, feminization of migration, female migrants, labour market, integration, migration policy.

Процесс глобализации мира ведет к его превращению в единый механизм путем формирования мирового рынка товаров, услуг и информации. Каждая страна мира обладает каким-либо ресурсом – природным, трудовым, финансовым, но редко обладание всеми этими ключевыми ресурсами присуще одной стране. Это формирует взаимозависимость одних стран от других. Наиболее развитые страны, несмотря на наличие огромного инвестиционного, экономического потенциала, чаще всего испытывают недостаток рабочей силы для реализации этого потенциала. И наоборот, менее развитые страны испытывают дефицит капитала, но избыток трудовых ресурсов. Необходимость объединения этих ресурсов в процессе производства открыла возможности для миллионов людей пересекать границы государств и находить применение своему труду, зарабатывая деньги и накапливая человеческий капитал. Таким образом, процесс формирования глобаль-

ной экономики привел в движение население всего мира и на сегодняшний день ни одна страна не остается в стороне от миграции как социального процесса.

В. А. Ионцев отмечает следующие характерные черты новой миграционной ситуации, формированию которой способствовали глобализационные процессы в мире [Ионцев 1999: 182]:

- беспрецедентное расширение масштабов международной миграции и формирование своеобразной «нации мигрантов»;
- расширение географии международных миграций, вовлечение в орбиту мировых миграций практически всех стран и территорий мира;
- изменение структуры миграционных потоков в соответствии с потребностями глобализирующегося рынка труда;
- определяющее значение экономической и прежде всего трудовой миграции;
- неуклонный рост и структурную «непреодолимость» нелегальной иммиграции;
- рост масштабов и расширение географии вынужденных миграций;
- увеличение значимости международной миграции населения в демографическом развитии мира, и прежде всего принимающих стран;
- двойственный характер миграционной политики, противоречие между национальным и транснациональным регулированием миграционных потоков.

В 2010 г., по данным ООН, в мире насчитывалось 214 млн человек, проживающих вне государства своего рождения, против 155 млн человек в 1990 г. [United National... 2011]. Абсолютная численность международных мигрантов растет в странах обоих полюсов экономического развития (см. таблицу). Но для большей части мигрантов основным центром притяжения остаются все-таки развитые страны.

Таблица

Распределение международных мигрантов между развитыми и развивающимися странами мира. 1960–2005 гг.

Годы	Мир в целом		Развитые страны мира		Развивающиеся страны мира	
	Численность международных мигрантов	%	Численность международных мигрантов	%	Численность международных мигрантов	%
1990	155 518 065	100,0	82 354 728	53,0	84 282 517	47,0
1995	165 968 778	100,0	94 123 386	56,7	84 566 549	43,3
2000	178 498 563	100,0	104 433 692	58,5	84 948 379	41,5
2005	195 245 404	100,0	117 187 935	60,0	88 965 967	40,0
2010	213 943 812	100,0	127 711 471	59,7	97 763 645	40,3

Источник: Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: [сайт]. URL: <http://esa.un.org/migration/p2k0data.asp>

Глобализация изменила не только количественную, но и качественную характеристику международной миграции. В этом процессе проявилось одно из негативных последствий глобализации, когда она, способствуя ускорению экономического развития одних стран, усугубляет социальные и экономические проблемы

в других странах, повышая в них безработицу, разрушая традиционные торговые связи и укрепляя тем самым ловушку бедности. В такой ситуации международные миграции становятся основной стратегией выживания и для мужчин, и для женщин.

В 1990-е гг. XX в. рост численности женщин среди международных мигрантов стал глобальным процессом в мировом масштабе, имеющим неоднозначные последствия для социально-экономического развития и стран происхождения, и стран приема таких работников. Если в 1960 г. доля женщин среди международных мигрантов в среднем в мире составляла 47 %, то к 2010 г. она возросла до 49 %, и составила 104 млн человек [United Nations... 2011]. Хотя в процентном соотношении доля женщин за полвека выросла незначительно, структура этих потоков претерпела кардинальное изменение и сейчас носит принципиально иной характер, нежели раньше. Традиционно переезды женщин были связаны с замужеством, переездом вместе с мужем, воссоединением с семьей. В условиях формирования глобальной экономики мировой рынок предъявляет больший спрос на женский труд, поэтому женщины составляют все более значительную часть в потоках международных трудовых мигрантов в качестве активных работников, а не пассивных членов семьи мигранта. Это изменило и модели миграции: становится все больше замужних и незамужних женщин, мигрирующих самостоятельно в поисках работы и реализации своих личных целей.

Процесс феминизации миграционных потоков в разных уголках мира шел неравномерно. Среди принимающих стран в Северной Америке (США и Канаде) уже в 1930 г. женщин стало больше, чем мужчин-мигрантов, в европейских государствах и Океании численность женщин-мигрантов преобладает над численностью мужчин с начала 2000-х гг. (см. рис.).

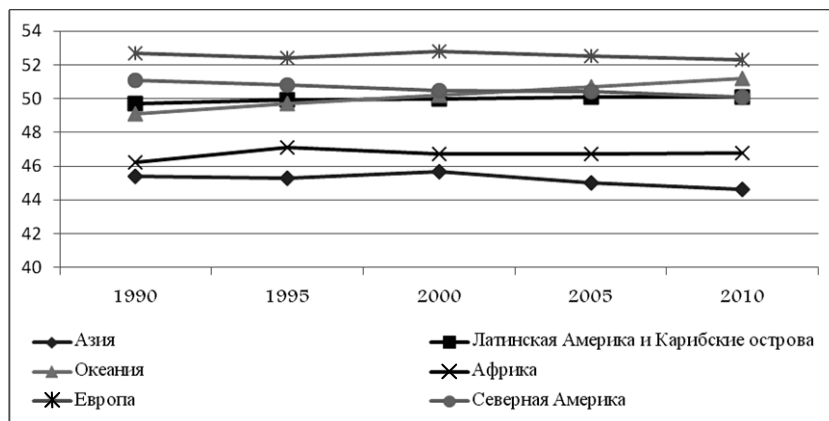

Рис. Доля женщин среди международных мигрантов 1990–2010 гг., в %

Источник: United Nations... 2011.

Из Латинской Америки начиная с 1990-х гг. мигрирует больше женщин, чем мужчин, и наиболее выражена феминизация миграции в потоках из Центральной и Южной Америки в Испанию, в которых женщины достигают 70–75 % от общего потока. Азиатские государства по среднему показателю уступают развитым

странам по степени феминизации миграции. Здесь она держится на уровне 45 % уже на протяжении 30 лет. Характерной чертой миграции женщин в этом регионе является их перемещение на небольшие расстояния, в соседние государства Восточной Азии и Ближнего Востока. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона крайне разнородны по уровню экономического развития. Здесь есть государства, принимающие трудовых мигрантов, есть страны исхода, а есть и те, кто выступает в роли и принимающей, и отправляющей стороны. Например, из Филиппин, Индонезии, Шри-Ланки миграционные потоки более чем на 60 % состоят из женщин. Лидерами по доле женщин-мигрантов среди работающих в стране иностранцев являются Япония и Сингапур, в которых до 55 % трудовых мигрантов – женщины. Малайзия также выделяется значительной долей женщин среди работающих в стране мигрантов (их 45 %), а также тем, что не только принимает, но и является страной исхода для квалифицированных работников, выезжающих в соседний Сингапур, Японию и Тайвань [Ивахнюк 2005: 60].

Формирование миграционных потоков, расширение его масштабов и возможные последствия для социально-экономического развития стран происхождения и пребывания основаны на трех ключевых факторах [Руководство... 2006: 23]:

- «притягивающем» действии демографических изменений (прежде всего нарастающего старения населения) и потребностей рынка труда в развитых странах;
- «выталкивающим» действии демографических изменений в развивающихся странах и усиливающимся неравенстве доходов и возможностей между развивающимися и развитыми странами, а также увеличивающемся разрыве между наиболее динамично развивающимися странами и остальным развивающимся миром;
- установившихся миграционных сетях, основанных на семейных, культурных и исторических связях.

Несомненно, одной из главных причин, побуждающих к росту миграционной активности, является возможность трудоустроиться в странах, в которых формируются ниши использования преимущественно мигрантского труда. Как отметил генеральный директор МОТ Хуан Сомавия, «самый большой недостаток глобализации – это неспособность создавать рабочие места там, где живут люди» [Globalization... 2009: 6]. Глобализация значительно расширяет возможности накопления человеческого капитала и экономического развития, но она же и усиливает экономическую взаимозависимость, ставит под вопрос существование мелких производств, на которых строилась экономика развивающихся стран раньше, и выдвигает на первый план деятельность транснациональных компаний, применяющих трудосберегающие технологии. Те, кто по своим профессиональным характеристикам не может трудоустроиться на крупных предприятиях, если сфера услуг недостаточно развита, вынужден мигрировать в те страны, где существует потребность в низкоквалифицированном труде. Те, кто обладает высокой квалификацией, тоже предпочитают мигрировать, но уже для того, чтобы получить за свою квалификацию большее денежное вознаграждение, чем могут предложить в родной стране. Показатели естественного движения населения в развитых странах мира падают ниже уровня простого воспроизводства. В то же время динамично развивающаяся экономика требует все больше рабочих рук. При этом имеет место потребность и в высококвалифицированных работниках (инженерах, IT-специалистах, медицинских работниках и др.), и в низкоквалифицированной

рабочей силе для тех форм занятости, которые непривлекательны для местного населения. Менее развитые страны могут предложить практически неограниченное количество рабочей силы, но в большинстве случаев не такой квалификации, которая нужна развитой, инновационной экономике. В то же время официальная миграционная политика стран приема направлена на привлечение квалифицированных специалистов, для чего им предоставляют различные преференции, и создает всевозможные ограничения для неквалифицированных работников, не признавая в них потребностей производства [Абзалова 2005: 149–152; Ивахнюк 2005: 170–191].

Несмотря на то, что принимающие страны стали таковыми в разные периоды времени, совокупность секторов экономики, использующих преимущественно мигрантский труд, складывается в примерно одинаковом перечне в большинстве из них. Женщины-мигранты чаще всего задействованы в сфере частного домашнего и общественного обслуживания, здравоохранении и социальной помощи, в отелях и офисах, образовательной сфере, торговле. Привлечение женщин-мигрантов на работу в определенные сектора экономики обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Во-первых, возрастающим уровнем вовлечения коренных жительниц развитых стран в передовые, наиболее доходные отрасли экономики. В таком случае низкоквалифицированные рабочие места без требований к образованию, социальных гарантий и перспектив карьерного роста становятся непривлекательными для местных жителей. Во-вторых, демографический кризис ведет к общему старению населения страны и старению рабочей силы. В такой ситуации привлечение иностранных работников, в том числе женщин, служит цели восполнения дефицита рабочей силы на национальном рынке труда. В-третьих, ограниченное количество доступных общественных учреждений по уходу за детьми и престарелыми также является стимулом к привлечению к уходу за детьми и пожилыми людьми нянь, сиделок, помощников по хозяйству, большинство которых – иностранки. Четвертой причиной можно назвать увеличение в населении экономически развитых стран доли представителей среднего класса, что повышает спрос платежеспособного населения на частные услуги. Таким образом, совокупность демографических и социально-экономических факторов приводит к необходимости привлечения рабочей силы извне.

Глобализация стала толчком к развитию мировой индустрии развлечений и секса, в которых задействованы преимущественно женщины. Это вторая после частных услуг на дому сфера наиболее масштабного привлечения женщин-мигрантов, характеризуемая как маргинальная или рискованная занятость. Она включает в себя непосредственно секс-услуги и околосексуальную занятость (стриптиз-шоу, консумация, массаж и т. п.) [Тюрюканова 2000: 66]. Гораздо теснее по сравнению с другими формами занятости сфера развлечений связана с нелегальной миграцией, криминальными структурами и реже носит добровольный характер.

Вовлечение женщин в трудовую миграцию связано не только с экономическими факторами. Формирование глобального мира сократило расстояния между странами и континентами за счет развития высокоскоростного транспорта. Теперь перемещения через государственные границы стали более быстрыми и дешевыми, что тоже вносит свой вклад в развитие миграционного движения. Определенную роль в росте миграционной активности и мужчин, и женщин играет развитие

коммуникаций и СМИ. Как отмечается в Докладе ООН 2005 г., «сравнительно недорогая информационно-коммуникационная технология позволяет людям без особых трудностей поддерживать связь через границы, а средства массовой коммуникации и рекламные кампании расширяют осведомленность о “современных” моделях жизни в крупнейших городских центрах мира» [Социально... 2005]. Это повышает уровень знаний женщин о целом ряде новых возможностей, открывающихся перед ними как внутри, так и за пределами их стран.

Конкретную информацию о путях миграции, легализации или наоборот избегания этих процедур, возможностях трудоустройства и аренды жилья потенциальные мигранты получают через миграционные сети – устойчивые связи между выходцами из одной страны/местности, призванные обеспечивать мигрантов информационными, материальными ресурсами, сопровождающие процесс миграции с момента принятия решения о поездке на заработки и весь период трудовой деятельности соотечественника в стране пребывания. В увеличении доли женщин среди трудовых мигрантов роль миграционных сетей является одной из решающих. Наличие знакомых, друзей и родственников, которые гарантируют помощь в переезде, найме жилья, оформлении документов и устройстве на работу, является главным залогом успешной поездки на заработки. В силу слабости и неэффективности многих официальных миграционных институтов в странах происхождения и назначения мигрантов на первый план выходят именно миграционные сети, заменяющие собой данные институты.

В деятельности миграционных сетей можно отметить как положительные, так и отрицательные моменты. Положительная сторона в том, что общение с соотечественниками помогает мигранту легче адаптироваться в чужой стране, особенно если уровень знания языка низкий, дает мигранту определенные социальные гарантии и поддержку, которую он не может получить с помощью официальных государственных органов. Однако нахождение среди своих соотечественников освобождает человека от необходимости изучения языка и интеграции в принимающее сообщество, а в некоторых случаях способствует нелегальной занятости и втягиванию в криминальную деятельность. В итоге это может привести к дискриминации, уязвимому положению, лишает возможности получить квалифицированную помощь через официальные миграционные институты принимающего государства. В случае женской миграции приверженность помощи социальных сетей и подверженность опасностям, порождаемым ими, проявляется наиболее ярко в силу зависимого положения многих мигрирующих женщин, нелегального пребывания в стране или нестабильной занятости.

Одним из «выталкивающих» факторов миграции является также гендерное неравенство, сохраняющееся в менее развитых странах, откуда выезжают женщины в поисках лучшей доли. Ограничение доступа к образованию, социальным услугам, достойным рабочим местам, ограничение гражданских прав женщин, преимущество семейных ценностей над индивидуальными создают значительные ограничения для самореализации женщин в родной стране. Поэтому одно из объяснений увеличения интенсивности женской трудовой миграции в том, что «женщины перемещаются для того, чтобы избежать злоупотреблений и дискриминации и получить доступ к социальным, экономическим и политическим возможностям местного и международного уровней» [Там же].

Рассматривая вопрос о положительных результатах международной миграции, часто останавливаются только на выгодах, получаемых странами пребывания, и роли денежных переводов мигрантов, то есть экономических выгодах стран исхода, упуская из виду положительные социальные последствия от проживания женщины в совершенно ином обществе с другим уровнем жизни, ценностями и идеалами. Положительные результаты женской трудовой миграции можно обнаружить как на уровне личностных приобретений женщины, так и на уровне общины и страны выезда в целом.

По результатам анализа международной миграции специалистами МОМ выяснилось, что женщины переводят в страны происхождения большую долю своих доходов, притом что зарабатывают меньше, чем мужчины-мигранты [Народонаселение... 2006: 20]. Например, в Докладе ООН по миграции приводятся результаты исследования мигрантских домохозяйств Филиппин, в которых 77 % переводов были отправлены женщинами, 90 % этих женщин работали помощниками по домохозяйству или имели отношение к домашнему сервису [Migration... 2010: 28]. Денежные переводы в основном покрывают повседневные расходы на еду, одежду, отдых, воду, электричество, образование детей и других членов семьи. Девять из десяти респондентов, опрошенных на Филиппинах, не имеют возможности делать сбережения или инвестиции в бизнес из денежных переводов члена семьи. Также наблюдается влияние миграционных установок на денежные переводы. Так, мигранты, которые планируют вернуться на родину, в большей степени склонны отправлять денежные переводы, чем те, кто намерен остаться в стране пребывания. А установка на возвратную миграцию чаще встречается именно среди женщин-мигрантов.

Что касается пользы для личностного роста и развития, нужно сказать, что, выезжая в более развитые в экономическом и правовом отношении страны, женщины оказываются в обществе большего равенства и больших возможностей. Говоря о связи между целями развития, сформулированными в Декларации тысячелетия, и международной миграцией, ООН отмечает, что «миграция может способствовать реализации цели 3 – поощрению равенства мужчин и женщин и расширению прав и возможностей женщин, – хотя она может являться для женщин-мигрантов и фактором риска» [Народонаселение... 2006: 16]. Вовлекаясь в активную трудовую деятельность, особенно в чужой стране, женщины приобретают возможность самостоятельно принимать решения, использовать заработанные деньги по собственному усмотрению и предпринимать усилия по реализации своих планов и жизненных стратегий. Поэтому наряду с денежными переводами эксперты ЮНФПА вводят понятие «социального перевода» [Там же: 97], под ним понимаются навыки, опыт, идеи, знания, которые тоже вносят вклад в социально-экономическое развитие и содействуют уравниванию мужчин и женщин в правах и возможностях. Находясь на территории более развитого государства, женщина начинает активно перенимать навыки и технологии, которыми пользуются женщины в свободном и демократичном обществе. Например, «использование различных методов планирования семьи позволяет женщинам-мигрантам регулировать свою фертильность, в то время как их соотечественницы на родине часто лишены такой возможности» [Там же: 16]. Навыки использования средств контрацепции и понимание возможности управления репродуктивной функцией не остаются приобретением лишь женщин, имеющих опыт миграции, а через соци-

альные каналы транслируются и в отправляющее общество, являясь предпосылкой развития контрацептивной культуры в традиционных обществах. Также именно женщины-мигранты чаще всего информируют свои семьи и общины на родине о том важном значении, которое имеют образование и надлежащие практические методы охраны здоровья. Денежные переводы женщин формируют новое понятие роли женщины в обществе, способствуют укреплению прав и свобод женщин, остающихся в своей стране.

Миграция сопряжена со множеством рисков, и не все женщины получают в процессе миграции желаемые результаты. Но в случае успеха «посредством миграции некоторым женщинам удастся освободить себя от традиционного патриархального гнета и вступить в жизнь, в которой они могут пользоваться правами и возможностями для того, чтобы самостоятельно распоряжаться своей жизнью и становиться более самодостаточными» [Социально... 2005].

Социально-экономическое неблагополучие стран выхода, толкающее женщин за пределы родных территорий, и гендерное неравенство в традиционном обществе приводят к тому, что у большинства мигрирующих женщин нет образования, достаточного знания языков и профессиональных навыков. Сфера приложения женского труда в мировой экономике обширна, но в подавляющем большинстве случаев ограничивается тяжелой, низкоквалифицированной работой. Особой сферой труда является работа в домашнем хозяйстве. Здесь женщина более подвержена дискриминации, насилию, произволу со стороны хозяев. Случаи жестокого обращения с домашними работниками отмечаются повсеместно во многих городах и странах мира – от Вашингтона и Лондона до Сингапура, в странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива [Доклад... 2009: 83]. Этому благоприятствует то, что сферы развлечений и домашних услуг, в которых женский труд наиболее распространен, не попадают в поле зрения трудового законодательства. В результате эти женщины оказываются в зависимости от добросовестности работодателя в вопросах выплаты заработной платы и оплаты отпуска и больничных, получении легального статуса и элементарном уважительном отношении к себе как к личности.

Но стоит отметить, что работа в домашнем хозяйстве при благоприятном стечении обстоятельств может иметь ряд преимуществ над другими сферами занятости. Вот что пишут специалисты ЮНФПА об условиях труда и жизни домашнего персонала развитых стран, в которые мигрируют женщины из Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна: «Помимо заработной платы, в несколько раз превышающей размер заработной платы, которую они получали дома, международные домашние работники также получают индивидуальные и социальные льготы, включая лучшие возможности в плане образования и здравоохранения для своих детей, подарки, дополнительные выплаты наличными деньгами, которые они могут отправлять своим родственникам, оставшимся дома, и возможность путешествовать со своими работодателями» [Народонаселение... 2006: 35].

Миграция населения не вызвала бы такого интереса со стороны политиков, исследователей и обычных граждан, если бы не была столь сложным и противоречивым процессом. Имея ряд несомненных плюсов и позитивных результатов для развития принимающих и отправляющих стран, она ведет и к ряду негативных последствий. Чем масштабнее население страны вовлечено в миграционные процессы, тем острее проявляются его последствия. Тревогу вызывает трансфор-

мация института семьи и брака в странах происхождения в результате долгого отсутствия одного или обоих членов супружеской пары. Миграция способствует повышению материального благосостояния семей, но сохранение семьи и воспитание детей затрудняются отсутствием одного или обоих родителей. Проблема детей, оставленных мигрантами в стране происхождения, на попечении бабушек и/или дедушек, родственников и даже соседей, является своеобразным новым видом сиротства.

Можно назвать как минимум три причины, по которым матери вынуждены оставлять детей дома. Во-первых, содержание детей в стране пребывания обходится слишком дорого, учитывая минимальные доходы женщин-мигрантов. Во-вторых, многие страны не предоставляют социального обеспечения детям, и у них нет возможности получать образование и медицинские услуги в стране работы матери. В-третьих, женщины боятся привозить детей в чужую страну, где не могут быть уверены даже в своей безопасности. Несмотря на заботу со стороны родных и регулярный приток денег, оставшиеся без родительского попечения дети не получают воспитания в должном объеме. У них не вырабатывается навыков социальной интеграции, построения отношений с другими членами общества, накапливается психологическая напряженность и обида на родителей, не имеющих возможности находиться рядом с ними. Среди детей мигрантов формируется благоприятная среда для распространения таких негативных явлений, как алкоголизм, проституция, наркомания, опасность втягивания в преступные группировки [Child... 2008; Division... 2008; The United... 2011]. В отсутствие одного или обоих родителей дети вынуждены выполнять и сельскохозяйственную работу, и работу по дому (приготовление еды, уборка), не соответствующую их возрасту [Бучучану-Врабие 2010].

Долгосрочные выезды членов семьи негативно сказываются и на институте брака. К распаду семьи ведут случаи, когда супруги работают в разных сферах, а иногда в разных городах и странах; пропажа человека вследствие попадания в физическую или долговую кабалу на заработках; создание новой семьи в период нахождения на заработках. Развод также является одной из причин, вынуждающих женщин выезжать на заработки за границу, потому что после развода все заботы по материальному обеспечению детей ложатся на плечи женщины.

Сегрегация, дискриминация и правовая незащищенность характерны для женского труда. А когда речь идет об иностранках, их адаптация и интеграция осложняются этнокультурными различиями, разностью менталитета, религий и традиций. Разнообразие потоков миграции и рост в них доли женщин приводит к необходимости разработки интеграционных программ, которые должны быть частью миграционной политики страны. Несмотря на фактически временный характер трудовой миграции, на деле она может длиться несколько лет или превратиться в безвозвратную миграцию. При любом из этих вариантов работающий в чужой стране человек обязан иметь элементарные навыки общения, знания своих прав и возможностей, предоставленных законодательством, должен иметь доступ и быть интегрирован на рынок труда стран пребывания. Поэтому интеграционная политика в отношении женщин-мигрантов предполагает работу в трех направлениях: формирование политико-правового поля в отношении мигрантов, содействие социально-экономической интеграции иностранцев и налаживание диалога культур, религий и традиций. Политико-правовая интеграция предполагает рас-

ширение возможностей получения гражданства, защиту от дискриминации по половому или этнорелигиозному признаку, разработку программ воссоединения семьи. Социально-экономическая интеграция охватывает прежде всего трудовые отношения и направлена на обеспечение равного доступа мигрантов и коренного населения на рынок труда. Эта задача решается при помощи языковых курсов и курсов повышения квалификации, а также расширения каналов для легальной занятости [Киреева 2011].

Реализация интеграционных программ требует определенных материальных затрат, но игнорирование необходимости этих мер может в будущем привести к тем же результатам, которые мы видим на примере Франции или Соединенных Штатов, когда потомки иммигрантов, не интегрированные в принимающее общество, проживающие в периферийных районах и не имеющие шансов на социальную мобильность, устраивают акции протеста против сформировавшегося порядка.

Развитие миграционных процессов в России во многом повторяет те этапы, которые были пройдены другими странами приема мигрантов, в том числе и феминизацию миграционных потоков. Об этом говорят и ежедневные наблюдения обывателей, и выборочные обследования. Но в официальной статистике это явление не отражается. По данным Росстата, доля женщин-мигрантов, работающих в России (получив разрешение на работу), составляет 14–17 % ежегодно, по мнению же экспертов, проводящих выборочные исследования среди трудовых мигрантов, их доля не менее 25–30 % [Оценка... 2009: 23]. Эта разница в оценках – следствие особенностей занятости женщин-мигрантов в сферах, характеризующихся закрытостью, деятельностью вне правового поля. Ниши применения женского труда традиционны для женщин-мигрантов во всем мире, но в силу особенностей российского миграционного законодательства, ограниченности возможностей защиты своих человеческих и трудовых прав женщины-мигранты находятся в наиболее уязвимом положении и не попадают в поле зрения официальной статистики.

В российской экономике перечень ниш применения труда преимущественно женщин-мигрантов сходен с общемировыми. По результатам выборочного опроса иностранки задействованы в секторе общественных и частных услуг (42 %), торговле (33 %), в меньшей степени – в строительстве (8 %) и промышленности (5 %) [Женщины-мигранты... 2011: 28]. Сфера здравоохранения, в которой во многих странах мира идет замещение коренных жительниц медицинским персоналом из других, менее развитых стран, в России еще достаточно привлекательна для местных женщин, но работа санитарки и уборщицы все чаще остается уделом иностранок. Большинство приезжающих на работу в Россию женщин обладают какой-либо профессией – 62 % опрошенных имеют высшее, неоконченное высшее или среднеспециальное образование. Но в общей сложности чуть более половины имеют какой-либо опыт работы, что оказывает существенное влияние на конкурентоспособность мигрантов и их положение на рынке труда. В структуре стран выезда преобладают женщины из трех Центральноазиатских республик: Узбекистана (30,2 %), Таджикистана (9,9 %), Киргизии (13 %). Для женщин из Украины и Молдавии привлекательность России также существенна – 17,2 % и 9,3 % (соответственно) работающих в стране женщин-мигрантов являются гражданами этих государств [Там же: 11].

Задача максимизации положительных эффектов миграции и сведение до минимума ее отрицательных последствий возлагается на миграционную политику. При этом нужно подчеркнуть, что вопросы миграции должны быть поставлены перед правительствами стран не только приема, но также и происхождения, в том числе в части заключения межгосударственных соглашений о правовой и социальной защите своих граждан, выезжающих на заработки.

При формировании миграционной политики принимающих стран необходимо учитывать не только те экономические задачи, которые решаются при помощи привлечения иностранной рабочей силы, но и потребности самих мигрантов. Миграционная политика должна базироваться на общепринятых и повсеместно утвержденных базовых правовых нормах, принципах и стандартах [Таран 2007: 428]. Мигранты имеют равные с гражданами стран пребывания права человека, а также право на свободу от рабства, принудительного труда, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Эти права наднациональны и на них должно быть основано законодательство стран мира по отношению не только к своим гражданам, но и к иностранцам, находящимся на их территории. Женщины-мигранты должны быть признаны особой, наиболее уязвимой группой трудовых мигрантов, нуждающейся в юридической и социальной защите. Необходимость такого подхода к регулированию женской миграции показывают анализ их социально-демографических характеристик, трудовой деятельности и сложность последствий миграции этой социальной группы для стран происхождения и стран пребывания.

Разработка гендерно-чувствительной миграционной политики может быть основана на следующих мерах:

а) снижении зависимости женщин-мигрантов от работодателя, так как данная зависимость повышает уязвимость работника и может привести к жестокому обращению, сексуальным домогательствам и т. д. [Руководство... 2009: 47]. Например, по действующему в России законодательству разрешение на работу привязано к наличию официального трудового договора. Если женщинам-мигрантам приходится работать в плохих условиях труда, то перед ними встает выбор: срочно найти другого работодателя и оформлять новое разрешение на работу или переходить на нелегальное положение, так как потеря работы, для которой выдано разрешение, требует выезда из страны. В то же время нужно отметить, что еще в 1975 г. в Конвенции Международной организации труда № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения (1975 г., дополнительные положения) было сказано, что «при условии, что трудящийся-мигрант проживал на законных основаниях в стране с целью занятости, он не рассматривается как лицо, находящееся на незаконном или нарушающем правовые нормы положении только из-за простого факта потери своей занятости, которая сама по себе не влечет отмены вида на жительство или, в случае необходимости, его разрешения на право работы» (ст. 8, п. 1);

б) распространении действия правил на женщин-мигрантов как членов семьи и разрешении им на въезд в страну на тех же основаниях, что и мужчинам. Это расширяет каналы легализации женщин и увеличивает возможности доступа на рынок труда. В действующем миграционном законодательстве России понятие члена семьи мигранта применяется только по отношению к семье высококвалифицированных специалистов, в то время как в потоках трудовых мигрантов преобладают неквалифицированные работники.

Таким образом, процесс глобализации международной миграции стал ключевым фактором экономического развития как стран исхода, так и стран пребывания мигрантов. Формирование мирового рынка труда открыло возможности для накопления человеческого капитала и реализации профессионального потенциала в процессе работы практически в любом уголке планеты, а для мигрирующих женщин в дополнение к этому и возможность заниматься оплачиваемым трудом. Процесс динамичного развития экономики и формирования новых рабочих мест противоречив: с одной стороны, рост уровня жизни населения развитых стран в сочетании с сокращением в них численности населения, способного обеспечивать эти процессы рабочей силой, с другой – он является мощным стимулом для побуждения населения менее развитых стран к миграции. Развитие секторов женского труда – сферы сервиса и услуг, медицины, здравоохранения, непривлекательных для женщин-резидентов, стало предпосылкой для активного вовлечения женщин из менее развитых стран в трудовую миграцию. Конец XX в. ознаменовал окончательную смену парадигмального утверждения о высокой мобильности мужчин понятием «феминизации» миграционных процессов, означавшим все более масштабное вовлечение женщин в процессы международной миграции. От этого процесса не остались в стороне даже жительницы Азии и Востока, общество которых отличается традиционными взглядами на гендерные роли в семье и обществе. Причины и последствия усиления миграционной активности женщин требуют дальнейшего углубленного изучения, но даже уже имеющиеся данные говорят о наличии специфических причин, присущих для женской трудовой миграции, различной степени всякого рода рисков, которым подвергаются женщины в период работы за рубежом, многообразии последствий и результатов женской миграции как на уровне личностного роста, так и на уровне отправляющего общества в целом.

Литература

- Абзалова Л. Ф. Правовые аспекты иммиграционной политики в странах Европейского Союза // Политика народонаселения: настоящее и будущее. Четвертые Валентевские чтения. Кн. 2. М. : МАКС Пресс, 2005. С. 149–152.
- Бучучану-Врабие М. Трудовые мигранты из Молдавии и их дети // Демоскоп-Weekly. 2010. № 515–516 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/tema03.php>
- Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М. : Весь мир, 2009.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М. : МАКС Пресс, 2011. С. 10–11.
- Ивахнюк И. В. Международная трудовая миграция: уч. пособ. М. : ТЕИС, 2005.
- Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог МГУ, 1999.
- Киреева О. Международный опыт интеграции женщин-мигрантов // Демоскоп-Weekly. 2011. № 467–468 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/analit06.php>
- Народонаселение мира в 2006 году. Путь к воплощению надежды: Женщины и международная миграция // Фонд ООН в области народонаселения. 2006. С. 16–97.

Оценка нужд и потребностей женщин – трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия. ЮНИФЕМ – МОТ. Алматы, 2009.

Руководство по осуществлению гендерно чувствительной политики в области трудовой миграции. ОБСЕ. Вена, 2009.

Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. ОБСЕ – МОМ – МОТ. М. : МОМ, 2006.

Социально незащищенные группы населения: отдельные вопросы: анализ хода обеспечения гендерного равенства и социального развития: новые тенденции и проблемы // Комитет ООН по социальным вопросам. Вторая сессия. 1–3 ноября 2005 г., Бангкок [Электронный ресурс]. URL: http://www.unescap.org/esid/committee2005/Russian/CESI2_4R.pdf

Таран П. Управление миграцией: ключ к будущему России // Материалы международной конференции «Миграция и развитие». Пятое Валентеевские чтения. 13–15 сентября 2007 г. / под ред. проф. В. А. Ионцева: в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во МГУ, СП «Мысль», 2007.

Тюрюканова Е. В. Трудовая миграция женщин из России: легальные и нелегальные формы // Женщины и процесс социально-экономического развития в России и других странах СНГ. Б. м.: Информационно-аналитическое управление аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000.

Child Rights Information Center, UNICEF. The Situation of Children Left Behind by Migrating Partners. N. p., 2006.

Division of Policy and Practice. The Impact of Parental Deprivation on the Development of Children Left Behind by Moldovan Migrants Working Paper. N. p., 2008. October.

Globalization, International Labour Migration and Rights of Migrants Workers. Geneva : ILO, 2009.

Migration, Remittances, and Gender-responsive Local Development. Executive Summaries. UN-INSTRAW and UNDP. N. p., 2010.

The United Nations Children's Fund (UNICEF). Situation Analysis of Vulnerable, Excluded and Discriminated Children in Moldova. 2011. November.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2011). Trends in International Migrant Stock: Migrants by Age and Sex (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2011).

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

НАША СОВРЕМЕННОСТЬ: МОРАЛЬ – «ВЫМЕРШИЙ ЖИВОТНЫЙ ВИД»?

Дюрчик В.

доктор философии, доцент кафедры прикладной этики
факультета гуманитарных наук университета им. Матея Бела,
Банска-Быстрица, Словакия.
E-mail: vladko96@mail.ru

В современном обществе мы являемся свидетелями коллизии традиционных ценностных систем и новых ценностных ориентаций, которые порождены глобальным и мультикультурным миром. Глобализационные тенденции содействуют распространению так называемого потребительского образа жизни, что приводит к противоречию традиционных (христианских) и западных либеральных ценностей. Сфера их взаимодействия представляет собой пространство для размышлений и активного совместного участия в создании ценностей нашего изменяющегося мира. Этот мир является нашим общим; несмотря на различные мировые позиции, мировоззренческие, политические и экономические споры, мы все разделяем его общую судьбу, поэтому имеем право совместно участвовать в его формировании посредством взаимного общения и диалога. Коммуникация и диалог должны иметь приоритет в контактах между различными культурами и цивилизациями.

Ключевые слова: мораль, ценностные ориентации, традиционные ценности, либеральные ценности, коммуникация (общение) и диалог, общее благо.

We witness the collision of traditional value systems and new value orientations in the modern society caused by the global and multicultural world. Globalization tendencies promote spreading of so-called consumer way of life that involves the conflict of traditional (Christian) and West liberal values. The sphere of their interaction is a room for ideas and active joint participation in creating values for our changing world. This world is our common world. Despite different positions in the world, ideological, political and economic disputes all we share its common fate, and thus have a right to participate in his forming through communication and dialog. Communication and dialog should be prevailing forms of contacts between different cultures and civilizations.

Keyword: morality, value orientations, traditional values, liberal values, communication and dialog, common wealth.

Современный мир полон коренных (эпохальных) изменений. Все чаще мы наблюдаем коллизию старых и новых ценностных систем. Некоторые авторы от-

мечают, что происходит столкновение двух цивилизаций, когда одна цивилизация имеет глубокие корни в традициях, истории нашего общества, а другая привнесена извне – современная западная цивилизация в виде либеральной ценностной ориентации. Глобализационные тенденции содействуют этому тренду благодаря распространению и массовой пропаганде так называемого потребительского образа жизни. Этот тренд наступает тогда, когда сталкиваются исконные ценности, основанные на христианской морали, с западными либеральными ценностями. Мы считаем, что это вопрос, над которым следует серьезно задуматься, так как с ним связано наше будущее; это вопрос о том, из каких ценностей в дальнейшем должно исходить человечество, человек. «Ценности – это общепринятые представления и убеждения о целях, которых люди стараются достичь. Они представляют то, что в определенной культуре принимается как пригодное (хорошее) или неподходящее (плохое), или нежелательное. В развитии общества ценности могут меняться и на самом деле меняются. В различных обществах имеют место различные ценности» [Fobelová 2000: 15]. Значит, это вопрос современного меняющегося мира, которому трудно противостоять, но, с другой стороны, люди должны задумываться над такими проблемами и активно взаимодействовать при создании новых ценностей меняющегося мира. В наше время происходит огромное множество изменений, которые касаются в том числе и современной политической системы. Многие институты современного мира меняют свой вид. В качестве примера можно привести меняющееся отношение государства к народу. Это отношение вскрывает принципиальный вопрос – на чем должны основываться будущее государство, будущая государственность, в том числе Словакии. Народ, исходя из учения об обществе, должен подчиняться высшим ценностям и принципам. В жизни каждого человека существуют определенная связь и обстоятельства солидарности с родиной, отчизной, семьей, с общностями, к которым он себя относит. Мы согласны с мнением Бернхарда Сутора, что только «государство, которое исходит из крепкого самосознания народа, черпает из этого большую крепость и политическую силу. Никакое другое право ему из этого не принадлежит» [Sutor 1999: 159]. Надо решительно отвергнуть атаки в отношении народа и попытки его ликвидации. К достойному человеческому существованию, безусловно, относятся родина, родной язык, отечество, традиции, обычаи, культура, история, несмотря на то, что в современном словацком обществе они не имеют достаточного и надлежащего пространства для своего выражения. Подтверждают это слова мыслителей многих стран мира. Свидетельствует об этом торжественная речь кардинала Яна Хризостома Кореца в связи 15-летием возникновения Словацкой республики, произнесенная 2 января 2008 г. в словацком городе Мартине: «Патриотизм у нас не очень процветает. Патриотизм – это и самоотверженность. И она является сегодня редкостью. Преступно отождествляются понятия патриотизм и национализм. Это различные вещи. Любовь к родине, патриотизм связаны с понятием patria – отчизна. И она же связана с понятием pater – отец. Любовь к родине и народу принадлежит, следовательно, нашей жизни так же, как принадлежит любовь к родному дому и семье. Духовную ценность семьи и народа выражает четвертая заповедь Декалога. С помощью народа мы получили богатство языка, культуру, богатство духа – через школы и храмы. Каждый сознательный народ хочет завершить свои стремления в осуществлении государственности, иметь свой суверенитет» [Korec 2008]. «По этому пути шли европейские

народы, по этому пути должны идти сегодня и мы. Только народ с твердым самосознанием не имеет никакой причины быть закрытым. Если иметь в виду крепость целого, то мы должны осознать, что из слабых народов никогда не составить сильную унию» [см.: Sutor 1999: 160]. Поэтому всегда должно иметь место глубокое уважение к нашей государственности, к конституции, государственным символам и гимну, к народной культурной традиции, которая имеет глубокие корни в кирилло-мефодиевском наследии. Мы должны исходить из первоначальных традиций и ценностной ориентации, которая имеет место в нашем пространстве. Первоначальная ценностная ориентация является базовой христианской ценностью, которая благодаря своей общечеловеческой и социальной распространенности перерастает в широкое признание, имеющее перспективу для всего нашего общества, несмотря на различные вероисповедания и мировоззренческие позиции.

Современное общество не испытывает симпатии к вышеприведенным идеям. Поэтому, может быть, парадоксально звучат для нас слова некоторых людей пера, именно тех словацких писателей, исходящих из первоначальных ценностей, на которых возникла, до сих пор существует и должна существовать, по нашему мнению, и в будущем наша государственность. Как определенного рода предостережение можно расценивать слова известного словацкого писателя Ладислава Тяжкого, произнесенные им при получении степени почетного доктора в 2005 г. в городе Нитра в актовом зале Университета им. Константина Философа: «Как гражданин и писатель я живу во второй категории – именно в той социальной, народной и христианской категории, в которую меня поместили против моей воли народные критики и политики. Обычно одни и те же, которые находятся как в культуре, так и в политике, властвуют там. В первой категории находятся модные и хорошо оплачиваемые космополиты и глобалисты, для которых все народное (именно народ), социальное и христианское является реакционной, некультурной, националистической стариной» [Ľazký 2006: 50–52].

Надо ли на современном этапе, в условиях развитых демократий и глобализации, развивать у молодых людей уважение к своей родине, государственности, традициям, обычаям, истории и на этих основах (устоях) выстраивать систему новых ценностей и нравственности нашего меняющегося мира? Одним из путей достижения этих целей является развитие духовной культуры, в которой значительное место не только в прошлом, но и в будущем принадлежит искусству, включая искусство слова. Именно такую роль в истории нашего общества в прошлом играли писатели, которые в значительной степени объединяли, пробуждали сознание народа, являлись его совестью. Люди искусства должны действовать подобным образом и в наши дни. Интересными в этом смысле стали для нас слова известного американского актера и режиссера Роберта Редфорда, который называет мораль современного мира «вымершим животным видом». Американский Голливуд, по его мнению, «выбрасывает» (фабрикует) фильмы, успех которых основывается прежде всего на технических эффектах, а на задний план отступает самое главное, что также должно нести с собой киноискусство, а именно – человеческие отношения, взаимосвязь людей, то есть духовная область человека, которая является самой важной. Могут ли писатели стать совестью народа и в наши дни? Мы убеждены, что могут и даже должны, несмотря на возникающие препятствия. Писатели и в наше время несут ответственность за самобытность своего

народа, как это имело место в прошлом. Так, словацкий писатель Драгослав Махала подчеркивает, что «бульварные медиа развивают все формы измены», но в центре внимания должны быть «ценности верности (преданности) народу и государству» [Machala 2008: 1].

Среди выдающихся словацких писателей выделяется Ладислав Тяжкий, творчество которого морально поддерживает наше духовное сознание. Вопросы, которые сейчас особенно нас волнуют, – это вопросы о том, куда идет современный мир, Европа, Словакия. Ладислав Тяжкий предлагает нам следующие ответы: «Все народы, все человечество шагает в неизвестность – темноту, в которой рисуются опасные черты. Люди, как “злые дети”, медленно, но верно и сознательно подавляют, убивают (отравляют и ранят) свою кормилицу Землю. Мировое движение (экономическое движение, производство, торговля и прибыль), сопровождаемое терроризмом, оккупационными войнами, можно характеризовать отрицательно. Жадность, корысть глобального капитала приобретает катастрофические размеры. После окончания Второй мировой войны я наивно думал и хотел верить, что человечество стало умнее, скромнее, стало моральнее, приобрело разум и будет стараться избежать любой войны. Что я вижу с момента окончания войны и до сегодняшнего дня? Десятки войн! По существу, одну перманентную войну. Причина общеизвестна, и результат катастрофический. Повторим общеизвестные причины: грабить, красть и брать чужое в чужих странах, ничего не отдавая, объявляя оккупацию освобождением, диктатуру – демократией. Всех тех, кто это не признает, тех, которые выступают против этого, – отстранить, убить. В мире очень мало любви. В человечестве она почти иссякла. Вместо нее стреляют пушки, взрываются бомбы. Любовь победно вытесняется из человека ненавистью и страхом. И это представляет смертельную опасность для человечества. Наглость, бесцеремонность являются “достоинством” тех, кто движет миром и управляет им» [Tážký 2008: 1].

Ладислав Тяжкий не только констатирует, куда идет наше современное общество, но и предлагает возможные выходы. В обращении к словацкому народу четко звучат его слова: «...настойчиво прошу словацкий народ, чтобы он не только мог, но и хотел гордо носить свое имя, как все европейцы, уважая свою родину и язык, чтобы под словацким флагом защищал ее неприкосновенность и целостность, изучал ее историю, жил культурной, моральной, по-человечески достойной жизнью в братстве и взаимном уважении с остальными народами, именно со своими соседями. Чтобы его никогда не поработил другой народ, и он не тронул волоска другого народа. Чтобы он гордился умом и любовью, ловкостью, а не грубой силой и наглостью, чтобы он не был лишен духа и жил в достатке тела и богатстве духа, без грабежа, не оккупировал другое государство и не крал чужое богатство, богатство земли не использовал больше, чем другие, и не использовал во вред другим» [Idem 2006: 56].

Л. Тяжкий искренне желает, чтобы мы нашли самих себя, могли стать достойной и моральной частью целого, большого мирового сообщества. Мораль не должна стать «вымершим животным видом», о чем предупреждает нас Роберт Редфорд. В том же самом направлении мыслит Л. Тяжкий, когда в обращении к словакам говорит: «Иди, путник словацкий, иди в чужие края, но не опираясь на

меч, не будь высокомерным, не подтверждай мощь свою маршалским жезлом, устилающим путь человеческими черепами, шествуй по миру как дипломированный искусный дротарь (ремесленник, скрепляющий проволокой битую глиняную и фаянсовую посуду. – *В. Д.*) или умный “торговец маслами и мазями” солдат Гиппократ с сестрой Боженной («Божена» – современное словацкое оборудование для разминирования. – *В. Д.*), освобождающий дороги народам, находящимся под угрозой, с коробом дротаря на плечах, полным надежды и работы... посох нищего сломай у порога дома и сожги на костре истории. Иди, словак, иди с миром и лечи раны, урони слезу над несправедливостью для бедных, скреплай проволокой треснутую Землю и **моральный кувшин человечества** (выделено мною. – *В. Д.*)... В мире уважай своего брата человеческого и помогай ему в нищете. Пусть твои руки украшают мозоли, а не золотые кольца. Пусть твой взгляд будет приветливым, живым и умным взглядом ученого, художника, певца и спортсмена-победителя, грудь которого украшают золото, серебро и бронза. Пусть в мире не будет места мутному и пустому взгляду бездомного, отчаявшегося человека или преступника. Огненным бичом изгони из гаремов и преступных притонов, адских золотых столиц Европы порабощенных куртизанок словацких, матушек оскверненных, невест проданных, осрамленных и потерянных и пожелай им свободы, материнства и любви дома. Не позволяй порочить человека человеку» [см.: Ľažký 2006: 57].

Наше время, как и сам человек, должно руководствоваться совестью. «Совесть есть обличитель зла в душах, совесть есть защитник и посол, совесть есть очиститель и врачеватель души» [Ibid.: 69–70]. «Человеку, который имеет совесть, не становится легче жить, а наоборот, сложнее, совесть не содействует материальному богатству, наоборот, совестливый человек очень часто становится беднее в отношении материальных благ. С другой стороны, чистота совести приносит человеку покой, спокойный сон и широту души <...>. Ценности человеческой жизни мы должны находить в чистоте души и ласковом духе, который проявляется в покое и в доброй воле. Мы живем для того, чтобы жить достойной жизнью в семье, но в ни в коем случае не во вред другому» [Ibid.: 70–71].

Мы согласны с Ладиславом Тяжким и в том, что человеческие ценности достижимы и неуничтожимы. Они зависят от самого человека. От самих людей и человечества зависит, куда мы будем направляться. Мы можем закончить наше рассуждение оптимистическим заключением: все находится в твоих руках, человек, от тебя, человек, зависит наше будущее, будущее человечества.

Центральным вопросом, касающимся нового политического устройства современных развитых обществ, является вопрос демократического конституционного государства, связи демократии с нравственной зрелостью общества, вопрос о том, какими нравственными ценностями мы будем руководствоваться. Мы должны исходить из человеческого достоинства, которое является общим для всех, и правами, из этого происходящими. Наше общество должно исходить из обеспечения общего блага, должно находить все большее место для «обобществления (социализации)» государства [см.: Sutor 1999: 166].

Этическое обоснование любых форм демократии не должно обойти темы человеческих прав, демократия вне человеческих прав немыслима. «Для свободного

понимания и практики демократии самым главным является тесное соединение демократических идей с идеей человеческих прав» [Sutor 1999: 168].

Уважительное отношение к человеческой свободе и достоинству, к основным правам человека является основой сегодняшнего понимания демократии как таковой. Для нравственно-социальной практики это означает, что человеческие права всегда должны быть связаны с ответственностью, ответственностью отдельных лиц за общее благо, которое должно найти опору в институциях и законах. Люди имеют права и обязанности по отношению к себе и другим, и эту свободу должны развивать только в сосуществовании. Символом демократии нашего столетия должно быть гармоничное и справедливое человеческое сосуществование.

С другой стороны, надо осознать, что нельзя создавать видимость идеальности демократии. Мы должны видеть также ее слабые и теневые стороны, опасности. Некоторые авторы указывают на тот факт, что демократическое государство (вернее, демократические формы жизни) является причиной упадка. Современное лицо Европы характеризуется злоупотреблением наркотиками и сексуальными извращениями. Прикрываясь защитой свободы личности, западные демократии распространяют порнографию и всевозможные виды человеческих пороков.

Современная демократия ставит под угрозу исходящие из христианских заповедей исконные ценности нашего общества; другими словами, речь о соотношении демократии и христианства. Возможно ли сотрудничество демократии (демократического конституционного государства) и христианства (с его социальным учением)? Есть ли у современной Европы интерес снова соединить демократию и христианство? Папа Иоанн Павел II в энциклике «*Sentisimus annus*» обратил внимание на тот факт, что «демократия без принципов, как показывает история, очень легко превращается в открытый или в скрытый тоталитаризм» [Ján Pávol II 1992: 86]. Энциклика не обходит опасности «фанатизма и фундаментализма тех, которые во имя якобы научной или религиозной идеологии чувствуют себя уполномоченными навязывать другим людям свое понимание правды и добра» [Ibid.: 86].

Одним из слабых мест демократии, которую предлагает нам западный мир, является наличие свободы без ответственности. Такая свобода, характерная для демократий западного типа, пугает граждан Востока. Западная демократия, констатирует австрийский кардинал Ф. Кёниг, все чаще подчеркивает свободу и не обращает внимания на связанную со свободой ответственность, во имя демократической свободы на телевидении и во всех остальных медиа начинает преобладать порнография, возрастает жестокость, распространяются ложь и лицемерие. В связи с наркотиками, различного типа асоциальными группами, развалом семьи кажется, что христианская картина мира и человека в Западной Европе теряет влияние на демократическую систему общества*. Такую же картину мы видим и в современной Словакии, когда демократии угрожают групповые, партийные и экономические интересы. Это проявление упадка демократии – произвол и эгоизм, которые ослабляют основы демократической системы.

* Из лекции кардинала Ф. Кёнига в Экономическом университете Братиславы 13 ноября 1996 г.

Целями Словацкой республики как члена европейского сообщества являются: укрепление мира, бережное отношение к жизненной среде и ее охрана, укрепление сознания солидарности, сохранение универсальных и христианских ценностей для Европы, участие в решении всемирных проблем. В центр внимания должен попасть человек, мы должны отдать предпочтение этике, а не миру потребительского общества. Мы должны искать мосты между различными странами мира, включая мир христианства и ислама. Каждое отдельное государство должно иметь возможность сопоставлять свою политику с ожиданиями и реакциями других. Плюрализм (а мы не знаем, получится ли эксперимент по созданию плюралистического общества), который получает все большее распространение в мировом масштабе, ставит вопрос: сможет ли плюралистическое общество в достаточной мере обеспечить сохранение общих ценностных ориентаций? Смятение в ориентации и ценностях, которые сопровождают плюрализм, требуют вести поиск подходящих решений – диалога и договора, поиск взаимопонимания [Kovářová 2004: 13]. Похожее решение предлагает также известный политик и философ Мохаммад Хатами, экс-президент Исламской республики Иран, в труде «Ислам, диалог и гражданское общество», который подчеркивает, что должны быть созданы рамки для взаимной коммуникации. М. Хатами призывает «бережно относиться к традициям», говорит о том, что «они представляют собой суть социально-исторических достижений народа, играющих важную роль в сохранении единства общества». Отмечая богатство культуры и истории своей страны, лежащие в основе ее современного устройства, и полемизируя с идеологией западной цивилизации, ориентированной на прогресс и поступательное развитие, он пишет: «Перед нами стоят две цивилизации человечества, одна из них имеет глубокие корни в нашем обществе, другая привнесена извне и в какой-то степени навязана нам, а именно – современная цивилизация» [цит. по: Чумаков 2005: 309]. Хатами отстаивает традиционные ценности и принципы ислама, высказывается за диалог различных мировоззренческих позиций. Мы согласны с его позицией и в том, что все люди имеют право участвовать в этой деятельности, которая формирует мир завтрашнего дня, и ни одна нация не должна остаться в стороне из-за каких бы то ни было философских, религиозных, политических или экономических споров. «На пороге третьего тысячелетия, – утверждает Хатами, – у нашего мира и у всех нас одна общая судьба. Чтобы сделать эту судьбу счастливой и справедливой, единственно правильный путь действий – диалог между различными культурами и цивилизациями» [Там же]. Мы согласны с таким мнением и убеждены в том, что только взаимная коммуникация и диалог между различными элементами единого мира способны предотвратить столкновение противоположностей и взаимное непонимание, которые могут привести мир к новым тяжким и даже смертельным конфликтам всей человеческой цивилизации. Мы согласны с тем, что вместе с моралью как «вымершим видом» может погибнуть и человек, само человечество.

Литература

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2005.

Fobelová D. Kultúra v živote človeka. Banská Bystrica : Fakulta humanitných vied Univerzity Mateja Bela, 2000.

Ján Pavol II. Encyklika centesimus annus. Trnava, Spolok sv. Vojtecha, 1992.

Korec J. Ch. Prepis príhovoru jeho Em. Mons. Jána Chryzostoma kardinála Korca na oslavách 15. Výročia vzniku Slovenskej republiky dňa 2. januára 2008 v Martine [Электронный ресурс]. URL: www.matica.sk

Kovaľová D. Aplikované etiky II. Bioetika a medicínska etika. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, 2004.

Machala D. Tí čo milujeme Slovensko // Literárny týždenník. 2008. 16. 01.

Sutor B. Politická etika. Trnava : Dobrá kniha, 1999.

Ťažký L. Slovenský sen 2008 // Literárny týždenník. 2008. 16. 01.

Ťažký L. Spisovateľ, tvorba a čnosť. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa, 2006.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОСКВЫ КАК ГЛОБАЛЬНОГО МЕГАПОЛИСА

Сухарева Е. А.

аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: sukharevaekaterina.ru@gmail.com

В современных международных отношениях глобальные города являются не просто акторами мировой политики, но и выступают в качестве международных центров силы. Они сосредотачивают в себе обширную долю политических, экономических, интеллектуальных и культурных ресурсов страны. Позиционирование Москвы как глобального центра используется не в полной мере, и рост экономической мощи и влияния зачастую не только не сопровождается увеличением глобальной интегрированности, но и происходит на фоне ее снижения.

Ключевые слова: *глобальный город, глобальная урбосистема, мировой центр, мировой город, финансовый центр, бизнес-центр, позиционирование, политическое влияние.*

In the modern international relations global cities are not only the actors of the world politics, but also the international centres of power. They accumulate a vast share of political, economic, intellectual and cultural resources of the country. Positioning of Moscow as a global centre is underused. Thus very often the growth of economic power and influence are not only accompanied by the global integration increase, but also witnesses its decline.

Keywords: *global city, global urban system, world centre, world city, financial centre, business centre, positioning, political influence.*

В решении глобальных проблем человечества, в диалоге культур и цивилизаций возрастающая роль принадлежит городам, и прежде всего городам крупным, задающим тон развитию в своих странах, регионах и в мире в целом.

Еще в 60-е гг. прошлого столетия известный английский ученый, автор десятков трудов по проблематике городского развития сэр Питер Холл отмечал значение «сравнительно ограниченного круга мест» – мировых городов, по его определению, «в которых осуществляется непропорционально большая часть наиболее важных дел в мире» [Hall 1966: 122]. В городах живет уже больше половины человечества. К 2050 г. городское население должно составить около 6 млрд человек, или 2/3 всех живущих на земном шаре. В России уже сейчас в городах живет 3/4 ее населения. Каждый день более 100 тыс. человек перебираются в город, увеличивая не только его население, но и мощь как социально-политической единицы в национальном и мировом устройстве.

Что же такое «глобальный город»? Это субъект международных отношений, который выступает в качестве постиндустриального центра [Прокопенко 2009],

Век глобализации 1/2013 100–108

являющегося одной из ключевых составляющих мировой экономики; он выполняет широкий спектр финансовых, информационных и политико-управленческих функций.

Город становится «глобальным», если в нем сосредоточены три «базовые составляющие» [Geddes 1915: 67]:

- 1) развитая торговля (экономическая мощь);
- 2) потенциал политического влияния на остальные города мира;
- 3) высокий уровень концентрации населения.

В качестве субъектов международных отношений глобальные города выполняют три основные функции:

- 1) глобальные города – место расположения главных офисов транснациональных компаний;
- 2) глобальные города являются финансовыми центрами;
- 3) глобальные города представляют собой «связующее звено» между национальными/региональными экономиками и глобальной экономикой.

Рассмотрим положение Москвы в европейской системе глобальных городов.

На протяжении десятилетий крупные города Западной Европы конкурировали друг с другом на европейском и международном уровнях. В трудах Ханса Хайнриха Блотевогеля [Blotevogel 2008] подчеркивается, что на современном этапе развития международных отношений мы можем наблюдать процесс «реструктуризации» европейской городской системы, обусловленный ослаблением роли национальных государств. Капитал как фактор производства становится еще более мобильным, вследствие чего «смягчаются» государственные ограничения на его движение. Транснациональные/глобальные рынки нуждаются в центрах, в которых сосредоточиваются основные денежные потоки мирового хозяйства. Финансовые и передовые бизнес-услуги являются основой организации и управления глобальной экономической системой. Мировые столицы обладают высоким уровнем экономического развития и необходимой инфраструктурой для предоставления вышеупомянутых услуг. В научной литературе эти города еще называют «еврогородами» [Brade 2009: 57] (обладают относительной независимостью от национальных государств, выполняют организационно-управленческие функции). В результате либерализации и глобализации экономики произошли существенные социально-экономические перемены в инфраструктуре Москвы (которая стала бизнес-столицей западного образца), осуществляется быстрое развитие бизнес-услуг в центре города. Статус российской столицы изменился в рамках не только национальной, но и международной городских систем. Многие специалисты говорят о том, что Москва является не просто глобальным городом, а целой городской системой. В своей работе «Москва и Санкт-Петербург: закономерное развитие или стихийная трансформация городского пространства?» О. И. Вендина и К. Э. Аксенов дают краткое описание процессу «поляризации» городских структур в Москве, возникающему в результате трансформации урбосистемы. В частности, авторы подчеркивают отделение Москвы от национальной городской системы и ее интеграцию в мировую урбосистему. Они говорят о том, что в настоящее время в Москве разрушены традиционные пространственные иерархии, базирующиеся на радиально-концентрической модели, формировавшейся на протяжении нескольких веков. В столице России формируется глобальный центр, «возвышающийся» над остальным городским пространством и существующий

относительно независимо от города [Вендина, Аксенов 2009]. Другими словами, сегодня Москву условно можно разделить на две составные части: 1) «старая», традиционная Москва, то есть исторически сложившееся городское пространство; 2) «новая» Москва, глобальная урбосистема с развитой сетью финансовых и бизнес-услуг.

Проблема занятости населения

Многие специалисты утверждают, что Москва приближается к статусу полноценного глобального города, однако спешить с подобными выводами пока рано: столице еще не удалось достичь необходимого уровня «постиндустриальности». Так, например, согласно В. А. Колосову, текущее состояние бизнес-услуг и бизнес-инфраструктуры является одним из самых больших дефицитов, которые стоят на пути ускоренного экономического развития Москвы как бизнес-центра, а также интенсивной интеграции российской столицы в европейскую городскую систему. Несмотря на смещение промышленных и жилых функций из центра города в связи с процессом развития третичного сектора экономики в 1990-е гг., Москва «отстает в своем развитии» от других глобальных городов примерно на 15–20 лет [Колосов 2008]. Колосов опирается на так называемую «теорию модернизации»¹ и исходит из того, что Москва будет постоянно «догонять» полноценные глобальные города. Обратим внимание на рис. 1, на котором представлен процент занятости городского населения в третичном секторе экономики в Лондоне, Париже, Берлине, Мадриде и Москве (по состоянию на 2010 г.). Наибольший процент занятости населения (83 %) приходится на Лондон, в то время как в Париже и Берлине этот показатель практически идентичен (разница составляет около 0,9 %). Процент занятости в третичном секторе в Москве составляет 73 %, что на 5 % больше по сравнению с Мадридом. Как видно из графика, российская столица отстает от лидеров (разница составляет 7–10 %), однако это всего лишь статистика – она не доказывает ни отсталости Москвы в условиях модернизации, ни «структурного дефицита» ее экономики в целом.

Одним из основных «преобразований» Москвы стали долгосрочные экономические структурные изменения, которые охватывали процесс как экономического роста, так и спада. Структурные изменения проявились, с одной стороны, в дезинтеграции или фрагментации крупных предприятий, учреждений и бюрократических институтов, ранее функционировавших на основе централистской модели, и, с другой стороны, в быстром росте малого бизнеса, увеличении общей доли третичного сектора в ЧНП² и увеличении показателя занятости городского населения в сфере услуг.

Не представляется возможным сформулировать прогноз относительно дальнейших направлений структурных преобразований, опираясь только лишь на имеющиеся статистические данные о количественном росте третичного сектора экономики Москвы. Помимо непосредственного расширения третичного сектора важное значение для дальнейшего развития города имеют качественные изменения в секторе услуг.

¹ Возникла в 50–60-е гг. XX столетия в США и Великобритании. Основная идея – неизбежность перехода от одной стадии развития общества к другой, более высокой (от аграрной к индустриальной, от индустриальной – к постиндустриальной).

² Чистый национальный продукт – общий объем производства товаров и услуг, которые страна за определенный промежуток времени произвела и потребила во всех секторах своего национального хозяйства.

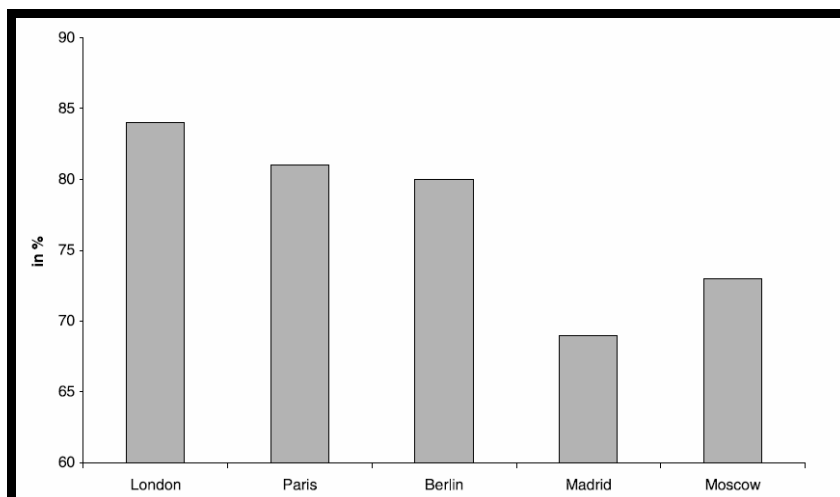

Рис. 1. Процент занятости городского населения в третичном секторе экономики в Лондоне, Париже, Берлине, Мадриде и Москве в 2010 г. (в %)

Источник: Burdack *et al.* 2010.

«Офисный рынок»

В Москве за последнее время ряд экономических отраслей испытал настоящий бум и характеризуется чрезвычайно динамичным развитием. Бизнес-услуги, в частности, привели к развитию международно ориентированной бизнес-инфраструктуры – широкой сети офисных центров, соответствующих «международным стандартам»³. Интенсивное офисное строительство – один из наиболее ярких примеров влияния международного бизнеса на российскую столицу. Появление в Москве крупных офисных комплексов в соответствии с международными моделями действительно позволяет говорить о новой «глобальной городской архитектуре» [Burdack *et al.* 2010] и расширении «глобальных» функций столицы. «Международный стандарт» накладывает отпечаток на функциональную структуру и архитектурные формы бизнес-центров. В центре Москвы возникают целые «офисные районы», новые бизнес-комплексы появляются и в других частях города. В результате география офисных построек расширяется, при этом помещения чрезвычайно дифференцированы по своим формам и функциям. Сюда относятся небольшие отремонтированные офисные помещения в зданиях «дворцового» типа, расположенные в престижных районах центра города; стеклянные «офисные дворцы» в районе Садового кольца и крупные офисные центры на территории бывших промышленных объектов. Увеличение общей площади офисных построек и рост спроса на данные помещения можно рассматривать как непосредственный показатель усиления степени экономической взаимозависимости Москвы

³ Фундаментально все офисные помещения в зависимости от «качества» делятся – в порядке ухудшения – на категории «А», «В», «С» и «D». Офисы класса «А» – самые высококачественные здания и помещения, расположены преимущественно в центральных районах города (для Москвы стандартом является Центральный административный округ), в относительно новых офисных комплексах с грамотными планировочными решениями, высоким качеством отделки и инженерии, автоматизированными системами жизнеобеспечения.

и ее международных партнеров. Сравним офисные площади в разных городах Европы (см. рис. 2).

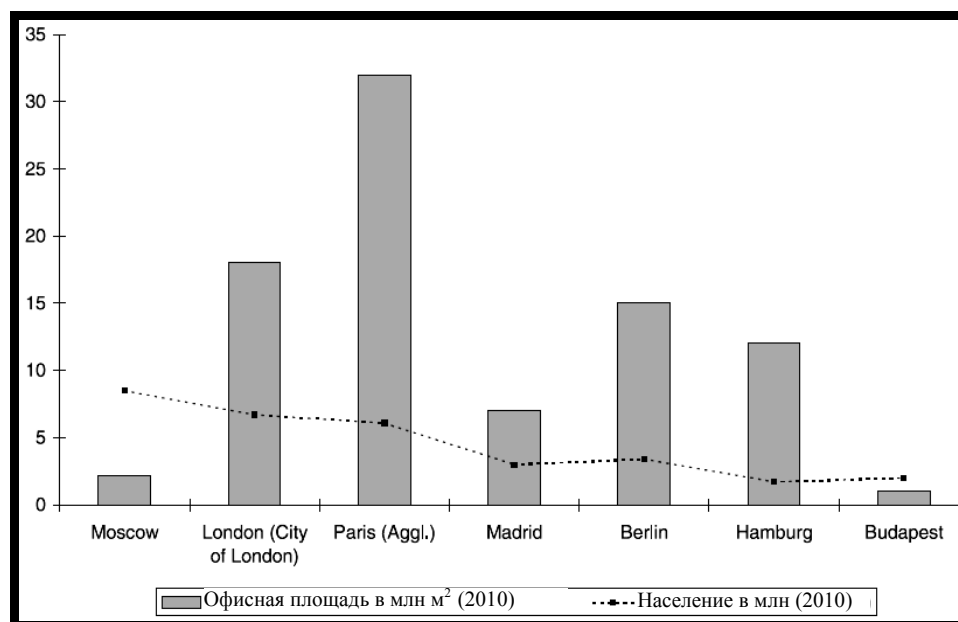

Рис. 2. Население и офисная площадь в Москве, Лондоне (Сити), Париже («Большой Париж»), Мадриде, Берлине, Гамбурге и Будапеште (2010 г.)

Источник: Jones Lang LaSalle 2010: 10.

Как видно из графика, наибольшая площадь офисных помещений приходится на Париж (32 млн м²); на втором месте по этому показателю – Лондонский Сити (18 млн кв. м²). Немецкие города Берлин и Гамбург – место расположения офисов крупных промышленных компаний, офисная площадь в них на 18 % меньше по сравнению с Парижем и на 10,8 % больше, чем в Москве. Действительно, в Москве активно развивается офисное строительство, однако, исходя из статистики, текущих темпов недостаточно, чтобы догнать ведущие европейские города. По сравнению с другими городами Европы Москва обладает относительно небольшим офисным пространством. Это объясняется, с одной стороны, тем, что российский рынок сравнительно недавно стал открытым для иностранного капитала. С другой стороны, формирование структуры третичного сектора происходит в очень сложных макроэкономических условиях (низкий уровень инвестиционных возможностей, неразвитость фондового рынка, отсутствие правовых гарантий и несовершенство системы налогообложения), что объясняется высокой степенью гибкости и в то же время нестабильностью третичного сектора экономики Москвы. Эта нестабильность в совокупности с недостаточным количеством капитала привела к снижению интереса и нерешительности со стороны частных инвесторов. Несмотря на это, застройщики признают, что при всей рискованности вложения инвестиций в центр Москвы это место приносит очень высокие доходы, что приводит к дальнейшему развитию третичного сектора экономики.

Ряд авторов (С. Ленц, В. А. Колосов) подчеркивают важную роль российских компаний, претендующих на роль транснациональных корпораций, в дальнейшей глобализации города. Крупнейшие российские нефтяные и газовые компании имеют в столице собственные штаб-квартиры, крупные офисные центры и жилые комплексы (например, «Газпром»). В отличие от Лондона или Парижа в Москве транснациональные корпорации почти не представлены (см. рис. 3). Лидеры по этому показателю – Париж и Лондон, а также ряд промышленных городов Германии (Франкфурт-на-Майне, Дюссельдорф и др.).

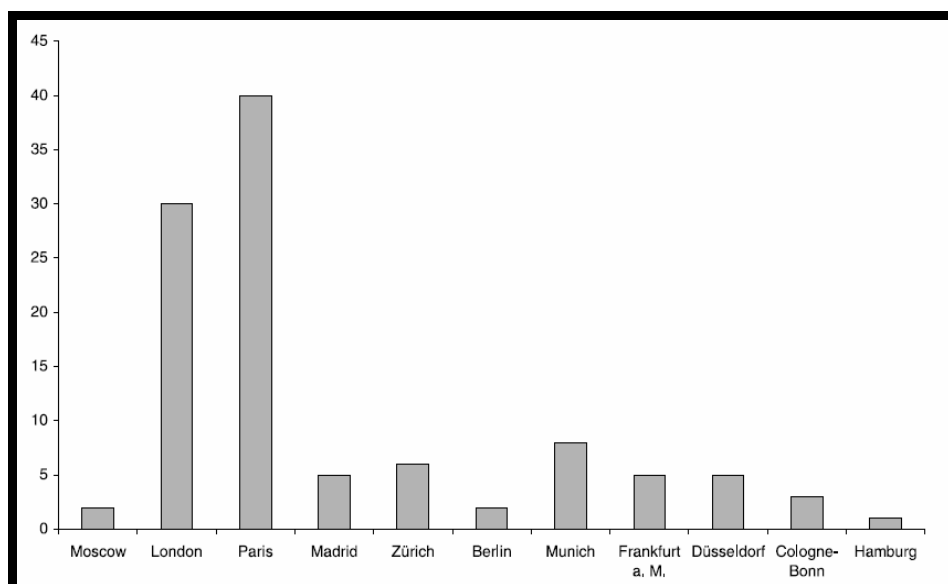

Рис. 3. Число ведущих глобальных компаний в Москве, Лондоне, Париже, Мадриде, Цюрихе, Берлине, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Дюссельдорфе, Кельне и Бонне, Гамбурге (2008 г.)

Источник: Lentz 2008: 110.

Сектор розничной торговли

Неразвитость и низкая степень дифференциации сектора розничной торговли являлись характерными чертами советских городов по сравнению с городами Западной Европы. После распада Советского Союза началось бурное развитие новых торговых структур и форм, ставших важным этапом трансформации городского пространства постсоветской Москвы [Lentz 2008: 122]. Процессы расширения и дифференциации в сфере розничной торговли протекали быстро не только в столице, но и в остальных частях страны; произошло «оживление» торговых площадей Москвы, на ее улицах появились дорогие магазины и бутики. Наиболее распространенными формами розничной торговли являются универсамы, торговые лавки, рынки и супермаркеты, в которых совершают покупки до 70 % московских семей [Jones Lang LaSalle 2010: 15]. Эти торговые точки расположены в местах наибольшего скопления городского населения – около метро, железнодорожных станций и транспортных узлов.

Развитие мелкой торговли обеспечило городское население самыми необходимыми товарами, что привело к постепенному накоплению столичного капитала. Приняв жесткую линию в отношении торговых рынков и ярмарок, местное самоуправление пытается регулировать «хаотическую» торговлю на рынках и постепенно перемещать ее в более «цивилизованные» формы – гипермаркеты и торговые комплексы.

Типовые формы розничной торговли в западных городах, например специализированные магазины и гипермаркеты, расположенные недалеко от автомагистралей и основных дорог на окраинах города, получают все более широкое распространение в Москве. Это связано с дальнейшей интернационализацией сектора розничной торговли (в Москве расширяется сеть международных супермаркетов). «Джонс Лэнг ЛаСаль» называет открытие торговых центров на окраинах города одной из наиболее значимых тенденций в 2000-х гг. [Jones Lang LaSalle 2010: 20]. Однако на окраинах города торговых площадей пока недостаточно (ниже среднего уровня в Европе и США). Развитие сектора розничной торговли в большей степени зависит от внутренних экономических факторов (по сравнению со сферой бизнес-услуг), в частности от местной и региональной покупательной способности населения.

Высокая доля розничной торговли (29 %), динамичный рост инвестиций в течение последних двух лет и растущая интернационализация сектора розничной торговли в Москве показывают, что до сих пор российская столица является единственным регионом в России, к которому инвесторы проявляют наибольший интерес и считают наиболее безопасным. Кроме того, Москва обладает более развитой транспортной инфраструктурой по сравнению с другими российскими регионами. Вполне вероятно, что пространственные модели розничной торговли в Москве в долгосрочной перспективе приблизятся к показателям Западной и Центральной Европы, но одновременно это приведет к усилению поляризации между Москвой и другими городами России.

Место Москвы в глобальной иерархии городов

Сегодня существует большое количество классификаций глобальных городов. В одном из исследований глобальной иерархии городов, основанной на оценке сектора бизнес-услуг, Москва классифицируется как «мировой город группы “бета”» (наравне с Брюсселем, Мадридом, Мехико, Сан-Франциско, Сан-Паулу, Сеулом, Сиднеем, Торонто и Цюрихом) [Beaverstock *et al* 2009: 445]. В данной работе особое внимание уделено международной взаимозависимости компаний в вышеупомянутых городах, предоставляющих передовые бизнес-услуги.

В других исследованиях [Vandermotten 2009: 119] Москву считают «потенциальным» или «зарождающимся» глобальным городом. Столица России может усилить свой «глобальный потенциал», поскольку:

- 1) является политическим и экономическим центром России;
- 2) обладает наиболее развитой системой транспорта;
- 3) обладает значительным демографическим потенциалом.

Однако по сравнению с другими европейскими городами Москва на данном этапе своего развития не может выступать в качестве полноценного глобального центра по ряду причин:

- 1) из-за структурного дефицита городского бюджета;
- 2) из-за неопределенности дальнейшего развития политической, макроэкономической и правовой сфер в России.

Действительно, Москва выполняет функции экономического управления и концентрации капитала в России, однако нельзя относить ее к глобальным городам только исходя из этого утверждения; в данном случае, по нашему мнению, необходимо разработать «глобальную» стратегию градостроительной политики, которая позволила бы ускорить развитие урбосистемы российской столицы.

Глобальные города полностью вовлечены в мировой рынок, и, по сути, основные денежные потоки распределяются именно между этими акторами международных отношений. Экономика России недостаточно интегрирована в мировую экономику, и международные связи Москвы развиваются очень медленно.

Высокий риск для инвестиций, отсутствие рынка капитала и неопределенность в отношении юридических и налоговых систем – вот те факторы, которые стоят на пути к увеличению объемов прямых инвестиций со стороны международных компаний. Интернационализация российской экономики в конце 90-х – начале 2000-х гг., как правило, характеризовалась распространением импортных товаров на российском рынке. Значительные объемы прямых иностранных инвестиций в целом ограничиваются определенными секторами экономики (инвестиции в недвижимость в Москве, в пищевую промышленность, а также в сферу добычи цветных металлов, нефти и газа).

Москва в ближайшей перспективе будет играть роль «связующего моста» между Центральной и Западной Европой и Россией. Реализации «шлюзовой» [Vandermotten 2009: 150] функции Москвы будут способствовать два основных фактора:

- 1) слабый уровень «горизонтальной» интеграции между российскими регионами;
- 2) отсутствие транспортных магистралей, связывающих отдаленные субъекты РФ с основными регионами Центральной и Западной Европы.

Наибольший интерес для европейских/международных инвесторов представляет именно российская столица, а не другие регионы России. Следовательно, существует опасность того, что процесс социальной и экономической поляризации «пространства» России будет продолжаться прежними темпами. Тем не менее в долгосрочной перспективе превращение Москвы в глобальный финансовый центр будет зависеть от экономического, инфраструктурного и социального развития России в целом, а также отдельных российских городов и регионов, которые обладают необходимыми полномочиями для установления экономических и иных отношений с регионами ближнего и дальнего зарубежья.

Глобализация города приводит к изменениям его урбосистемы. Это, несомненно, относится и к Москве. В российской столице все чаще появляются «глобальные интегрированные элементы» [Lentz 2008: 134] (зоны высокотехнологичных услуг, совместные предприятия, финансируемые за счет иностранных прямых инвестиций с целью выхода на национальный рынок, распространение «закрытых финансовых групп»), а также проявляются признаки социальной дезинтеграции (деградация отдельных жилых районов, увеличение числа заброшенных промышленных объектов, расширение нелегального бизнеса). Увеличение степени социальной фрагментации, поляризации и сегрегации тормозит про-

цесс интеграции Москвы в глобальную урбосистему, отсюда и возникает пресловутый статус «формирующегося», а не «полноценного» глобального города.

Глобальный город сегодня – мировой перекресток инвестиций и бизнес-коммуникаций с современной и разветвленной инфраструктурой. Обоснованность претензий российской столицы на роль мирового финансового центра подтверждается зарубежным экспертным сообществом. Так, в очередном ежегодном докладе «Обзор европейских городов» (European Cities Monitor) Москва вышла на передовые позиции по критерию «Европейская экспансия: города, которые могут ожидать наибольший приток компаний в ближайшие 5 лет»⁴. Однако в целом, несмотря на улучшение инвестиционного климата и структурные изменения экономики, Москва пока далека от превращения в глобальный финансовый и бизнес-центр.

Литература

Вендина О. И., Аксенов К. Э. Москва и Санкт-Петербург: закономерное развитие или стихийная трансформация городского пространства? // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5.

Колосов В. А. Создание новой предпринимательской среды в Москве // Известия Российской Академии наук. 2008. С. 95–109.

Прокопенко А. Е. Политические аспекты участия городов в международном сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.

Beaverstock J. V., Smith R. G., Taylor P. J. A roster of world cities. *Cities*. 2009. № 6. Pp. 445–458.

Blotevogel H. H. Gibt es in Deutschland Metropolen? Die Entwicklung des deutschen Stadtesystems und das Raumordnungskonzept der 'Europaischen Metropolregionen' // *Metropolen: Laboratorien der Moderne (Campus)* / Ed. D. Matejovski. Frankfurt a. M.; New York, 2008. S. 139–167.

Brade I. *Die Städte Russlands in Wandel*. Leipzig, 2009.

Burdack J., Herfert G., Rudolph R. *Neuere Entwicklungen in der Peripherie europaischer Metropolen*. Leipzig, 2010.

Geddes P. *Cities in evolution*. London, 1915.

Hall P. *The world cities*. London, 1966, p. 122.

Jones Lang LaSalle. *Moscow City Profile*. London, 2010.

Lentz S. *Cityentwicklung in Moskau*. Berlin, 2008.

Vandermotten Ch. *Villes d'Europe – cartographie comparative*. N. p., 2009.

⁴ См. подробнее: <http://www.europeancitiesmonitor.eu/>

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*

Селезнев П. С.

к. полит. н., директор по международному сотрудничеству ФГОБУ
ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ».

E-mail: sps@fa.ru

Статья посвящена исследованию вопроса мотивации «незападных» стран в пользу выбора и реализации конкретной стратегии инновационного развития (борьба за глобальное лидерство – Китай, преодоление бедности и технологической отсталости – Бразилия, Индия, Малайзия, выживание и успех в конкурентной среде – Южная Корея, Сингапур) и анализу последствий и результатов претворения выбранной стратегии в жизнь.

Ключевые слова: инновационная политика, стратегия инновационного развития, мотивация, «незападные» страны, глобальное лидерство, модернизация, авторитарный режим, традиция, конкуренция, снижение бедности.

The article examines the problem of motivating 'non-Western' countries to choose and implement the innovative development strategy (of the struggle for the global leadership in China, of war on poverty and overcoming technology development lag in Brazil, India, Malaysia, the strategy of survival and success in a competitive environment in South Korea and Singapore). The consequences and effects of the chosen strategy are also examined.

Keywords: innovation-oriented policy, strategy of innovative development, motivation, 'non-Western' states, global leadership, modernization, authoritarian regime, tradition, competition, poverty reduction.

С середины 2000-х гг. Россия обозначила свое стремление встать на инновационный путь, заявив амбициозные проекты развития и прогресса в политической и экономической сферах. Однако для проведения в жизнь проектов модернизации мало одного желания власти, мало даже создания необходимой инфраструктуры и выделения масштабных средств. **Определяющим является выбор руководством страны инновационной мотивации**, которая ляжет в основу стратегии реформаторского курса.

Заявка на реализацию инновационного проекта является прежде всего политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00357а.

глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепт прогресса и опережающего развития заложен в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально исходила из постулирования необходимости обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а Церковь являлась мощной политической силой. Тем не менее и христианские конфессии на Западе (католицизм, протестантизм) по своим морально-нравственным и политическим установкам существенно отличались от приоритетов других мировых религий, прежде всего восточных (включая православие). Дух «первенства» и «конкуренции» нашел свое отражение в протестантской этике, которая ориентировалась преимущественно на «посюстороннее» и рассматривала земную активность человека как его служение Богу. Соответственно за свои труды усердный получает благоволение свыше. Это отмечал один из родоначальников социологии и политологии Макс Вебер [1990], также подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные ученые. «Большинство постулатов и норм, лежащих в основе современной этической культуры хозяйствования, современного морального отношения к труду и коммерческой деятельности, уходит своими корнями в протестантскую этику. В период Реформации западноевропейские страны пережили важный духовный переворот, сущность которого состояла в новом осмыслении труда и богатства. Согласно представлениям идеологов Реформации Лютера и Кальвина, труд является не наказанием, а божественным призванием, предназначением человека. Цель труда – не искупление греха и не спасение от греха праздности, а приобретение и умножение богатства, накопление собственности, стремление к прибыли. Переосмысление роли труда наряду с установкой на максимальную прибыль, финансовый успех привели и к новой оценке роли собственности и богатства в жизни человека. В протестантской этике собственность важна как основа и фундамент свободы личности», – отмечалось в аналитическом исследовании под редакцией академика Г. Б. Клейнера [Стратегии... 2008: 38].

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижения глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными «мирами». При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся прежде всего на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются «вторичными», либо отвергаются в принципе. За «незападными» странами и народами признается лишь право на догоняющее развитие, причем по пути, проторенному ведущими странами Запада, и по уже «утвержденным» последним «лекалам». Первоначальный экономический снобизм Запада стал постепенно дополняться также идеями политического прогресса, и здесь опять же он претендовал на глобальное лидерство и статус законодателя мод. Все остальные варианты политического развития признавались как девиант-

ные и неистинные. Апогеем такого подхода стала концепция «демократического транзита», получившая распространение как в политической теории, так и на практике в 1980–1990-е гг. Она постулировала необходимость движения всего человечества в направлении западного (либерального) варианта демократии, при этом отрицая не только тоталитарные и авторитарные модели, но даже альтернативные формы демократического режима. Апогеем такой однозначной трактовки политического и социально-экономического прогресса стала теория американского ученого Ф. Фукуямы о «конце истории». В своей работе с аналогичным названием он объявлял либерально-демократический и рыночный путь единственно верным, фактически «венцом» истории человечества, а победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной.

Тем не менее начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для «незападных» стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Более того, не исключено, что мы стоим перед началом нового этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до начала новой Великой депрессии [Soros 2011], что с еще большей остротой поставит вопрос о поиске адекватной замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно с учетом того, что во многом именно «стратегия прогресса» позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, для населения *Соединенных Штатов принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство своей страны*. В теории данные настроения были отражены в 1990-е гг. известным американским политологом, бывшим исполнительным директором (с 1985 по 1991 г.) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции «униполярности» [Страус 1997]. Его точка зрения состоит в следующем: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий “униполь”. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя» [Там же: 78].

Что же касается европейских стран (прежде всего «локомотивов» интеграции ЕС), то они уже давно ориентированы на принцип «социального гедонизма», и для них глобальное лидерство (хотя бы в альянсе с США) давно является возможностью перманентного повышения уровня жизни своих граждан, что обеспечивает им и политическую стабильность. Однако и здесь понимают, что ставка на устаревшие нормы и концепции XVII–XX вв. чревата глобальным поражением и также предпринимают попытки найти выход из создавшегося «тупика» [Gvosdev 2011].

Однако последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений все активнее становятся *претензии (подкрепленные соответствующими инновационными достижениями) стран третьего мира на участие в прогрессивной повестке дня* современности. Причем это касается тех государств, которые совсем недавно «уверенно» принадлежали к мировой периферии и даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров – США и Европы. И хотя их *выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.*

Так, некоторым из «неофитов» переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в ужесточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является *Китай*, который, совершив инновационный рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и наступает на пятки Соединенным Штатам.

При этом КНР не только не снижает, но и стремится наращивать темпы инновационного развития. В частности, в 2006 г. китайское правительство приняло средне- и долгосрочный планы развития инновационной системы страны, сделав акцент на новых направлениях политики. Речь шла о сокращении затрат на импорт технологий, активизации переговоров на рынке технологий, стимулировании инновационной активности частных предприятий, значительном повышении доли расходов на НИОКР в процентах ВВП, о качественно новом уровне защиты интеллектуальной собственности [Инновационная... 2011: 48].

Обращает на себя внимание статусность и аппаратный вес государственных структур, которые управляют инновационной системой Китая на национальном уровне:

- управляющая группа по науке, технологии и образованию Госсовета КНР как ключевой орган, отвечающий за стратегические решения;
- ряд министерств и организаций, отвечающих за разработку и реализацию инновационной политики (Национальная комиссия по развитию и реформам, Китайская академия наук, Китайская академия инженерных наук, Министерство образования, Государственный комитет по интеллектуальной собственности, Национальный фонд естественных наук и отраслевые министерства, включая Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство сельского хозяйства);
- Министерство по науке и технологиям;
- ряд министерств и агентств, косвенно влияющих на разработку и реализацию инновационной политики (Министерство финансов, Министерство коммерции и Министерство человеческих ресурсов).

С учетом того, что КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект дает Пекину возможность не просто нарастить международный «вес» и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом презентовать «незападным» странам привлекатель-

ную модель достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившейся политической и экономической системы.

Немаловажным являлся и вопрос о стратегии и идеологии инновационного развития КНР. В результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы, с другой – сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма (*синьцюаньвэйчжуи*). Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, – это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью, и т. д. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение «статус кво», а динамичное развитие общества. В итоге будут созданы условия для демократических преобразований, но преобразований мирных, эволюционных. Китайские сторонники неоавторитаризма настаивали на том, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей модернизации, правда, модернизации не одномоментной, а поэтапной и разноплановой, в результате которой и будут созданы экономические, социальные и психологические предпосылки для демократии и свободы в Китае.

Еще одна мотивация инновационности связана со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социально-политическую стабильность прежде всего за счет преодоления «хронической» нищеты большинства населения. В частности, это касается Бразилии и Индии, где инновационные проекты в основном имеют социальную направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участия в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

За последние 20 лет в условиях развития предпринимательства в *Бразилии* было создано около 400 технопарков, в которых сконцентрировано 6300 организаций и фирм с 35 тыс. рабочих мест и ежегодным оборотом в 2,5 млрд долларов США. Активно стимулировала инновации принятая в 2007 г. правительством Бразилии и реализуемая с 2009 г. программа «Первая инновационная компания» (Prime) по поддержке фирм, занятых в области разработки инновационных технологий. Данная программа действует под эгидой Министерства науки и технологий (МСТ) и реализуется Агентством по финансированию исследований и проектов (Finer) в сотрудничестве с 25 крупными технопарками, расположенными на территории всей страны, целью которых является стимулирование развития бизнес-структур, занятых в сфере инновационных технологий. Такое бурное развитие позволило Бразилии в результате инновационного «рывка» с 2003 по 2010 г. сократить уровень бедности на 50 % [Краснов 2011]. А в августе 2011 г. президент Бразилии Дилма Руссефф представила «великие планы бразильской про-

мышленности», призванные помочь предприятиям страны стать более конкурентоспособными на мировом и внутреннем рынке. «Это крестовый поход в защиту промышленности Бразилии, которая действует на международном рынке, где конкуренция часто несправедливая и хищная», – заявила Руссефф, объявляя о принятом решении. «Мы должны срочно гарантировать адекватные налоговые и финансовые условия для стимулирования инвестиций, не вступая в протекционизм, – добавила она. – Бразилия имеет две задачи: преодолеть последствия сильного роста национальной валюты и повысить стоимость своей продукции» [Королева 2011].

При этом опять же можно отметить стремление руководства страны и идеологов реформ опираться на традиции. По мнению российского исследователя М. В. Кирчанова, «современная экономическая мысль в Бразилии не сводится исключительно к изучению современной экономики – монетарной политики, банковского сектора, агроэкономики, участия Бразилии в международной и региональной экономической интеграции. Особое внимание уделяется проблемам истории бразильской экономики. Исторический опыт и наследие воспринимаются современными бразильскими экономистами в качестве важных факторов функционирования национальной экономической модели. С другой стороны, для развития современной бразильской экономической теории характерен значительный интерес к классике, как национальной, так и зарубежной, в первую очередь – ближайших соседей по Южной Америке» [Кирчанов 2011].

Индия также традиционно относится к странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения. Такие реалии усугублялись и закреплялись еще жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством), с другой – на реализацию принципа «разделяй и властвуй» как в социальной, так и национальной политике. Все это привело к нищете подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного правящего класса.

Однако по мере государственного «созревания» Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций, активизации ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансировки. Как показывает мировая практика, странам третьего мира можно войти в мировую элиту только при условии инновационного рывка, в противном случае они обречены на бесперспективный «догоняющий» путь развития. «Лишь наука может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, беспросветных суеверий и обычаев, когда огромные ресурсы растрачиваются впустую, а богатую страну населяют умирающие от голода бедняки», – так говорил Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии [Неру 1989: 34].

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики страны к инновационному этапу, так и появлением необходимой «критической мас-

сы» образованных индийцев. Так, в 2004 г. численность населения Индии, имеющего высшее образование, достигла 53 млн человек (4,5 % населения). Страна, таким образом, получила необходимое число сравнительно обученной, хотя относительно бедной, молодежи, владеющей английским языком и имеющей возможность благодаря исторически сложившимся связям активно стажироваться в США и Великобритании. Кстати, это во многом определило инновационный профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в частности программного и бизнес-аутсорсинга и инжиниринга. В частности, в середине 2000-х гг. на долю Индии приходилось около 45 % рынка бизнес-аутсорсинга и около 65 % рынка IT-аутсорсинга.

Все это позволило руководству страны приступить к следующему этапу преобразований. Так, в 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали «дебюрократизацию» и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2 % ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР, как собственных, так и аутсорсинговых, и проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности [Михайлова 2011].

Организационная инфраструктура государственной поддержки и развития инноваций в Индии в 2000–2010-е гг. продолжала формироваться и в настоящее время представляет собой сложную систему. Так, она включает в себя центральные министерства, министерства при правительствах штатов, организации при муниципальных образованиях (институты, университеты, школы, обучающие центры), комитеты национального уровня и регионов, сеть юридических институтов, законотворческих организаций и пр. При этом справедливости ради следует отметить, что зачастую многие из этих учреждений дублируют функции друг друга и нередко мешают проведению в жизнь «централизованной линии».

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007–2012 гг.: государство запланировало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

В итоге на 2012 г. Индия занимала 8 место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8 % в год, а страна приобрела позитивную репутацию у венчурных инвесторов.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии.

Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка позволила стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. Так, хотя от кризиса серьезно пострадали рынки США и ЕС, в том числе автомобилестроение и IT, в Индии эти отрасли, напротив, продемонстрировали рост. Настоящей сенсацией стало то, что в самый пик кризиса в 2009 г. индийский автомобильный концерн Tata запустил в производство самый дешевый в мире автомобиль Nano, на который сразу поступило

120 тыс. заявок [Индия... 2012]. Кроме того, в условиях кризиса руководству страны удалось привлечь в местный автопром иностранные компании, которые заинтересованы в промышленной сборке своих моделей на территории Индии ввиду наличия здесь относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы.

Что же касается *Малайзии*, то здесь поддержка отечественного бизнеса и государственного сектора не подразумевала создания «тепличных» условий за счет импортных ограничений, что позволяло сохранять здоровую конкурентную среду. Кроме того, в Малайзии развитие государственного сектора выполняло целевую задачу – перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам.

Увеличение экономического потенциала позволило смягчить остроту многих социальных проблем. Доля населения, проживающего ниже черты бедности, снизилась с начала 1970-х к середине 1990-х гг. в городах – с 22 до 4,5 %, на селе – с 45 до 22 %.

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка, премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о разработке новой экономической модели (НЭМ), рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011–2020 гг. на уровне не ниже 6,5 % годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, – превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долларов (ныне – 7 тысяч). НЭМ предусматривает также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отрасли. Предусматривается также увеличение расходов на образование. Намечены меры по стимулированию предпринимательской активности. Сокращение бедности также является одним из приоритетов НЭМ, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7 %. Тем не менее НЭМ ставит задачу существенно снизить уровень бедности всех слоев населения независимо от этнической принадлежности [Поляков 2011].

Одновременно для Малайзии инновационный путь является возможностью укрепить свое влияние в исламском сообществе и даже в перспективе попытаться оспорить безоговорочное лидерство на данном направлении у монархий Персидского залива [Синецкий].

Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Например, это касается Южной Кореи и Сингапура. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической «моды» постепенно станет АТР. Но уже сейчас в данном регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. И в этих условиях самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками может позволить только инновационный скачок. В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация позволила резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и полити-

ческие позиции в АТР. Что же касается Южной Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии холодной войны с КНДР, и ее руководству для мобилизации поддержки населения требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели незападной инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно-демократических политических режимов. При этом в качестве «двигателя прогресса» чаще всего здесь выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как заказчиком, так и контролером подобных реформаций. Особенно это касается КНР, Российской Федерации, Сингапура и Южной Кореи, в меньшей степени – Индии и Бразилии.

В качестве примера такого достаточно эффективного государственно-частного партнерства можно привести Южную Корею, где процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к возникновению крупных финансово-промышленных групп (*чеболь*), которые сформировались на базе торговых фирм и включают компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно 50 групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны, среди них такие известные корпорации, как Hyundai, Samsung, Daewoo, LG. Отличительная особенность их успешного развития заключается в том, что они стремились не к краткосрочным прибылям, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. Это может служить прекрасным примером того, какую прибыль могут приносить вложения в наукоемкое производство. При этом правительство Южной Кореи играет доминирующую роль в экономике, осуществляет прямой и косвенный контроль во внешнеэкономических связях [Тулеев, Шатилов 2004: 166].

Одновременно привлекательным моментом «инновационной альтернативы» с точки зрения населения и руководства указанных государств является то обстоятельство, что **модернизация здесь не предполагает отказа от национальных традиций и «подгонки» под западные «стандарты качества»**. А, как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические «прорывы» (единственным исключением из данного «правила» является разве что Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние «национального характера»). Более того, такая зависимость от иностранного влияния зачастую ставит «адаптируемые» страны в подчиненное положение по отношению к «кураторам» и практически исключает возможность выбора ими самостоятельного пути развития.

Что же касается России, то здесь, как, впрочем, и в Китае, инициатива в деле инициирования и реализации инновационного проекта принадлежит правящей элите. Причем в основе ее тяги к инновационной модернизации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Так, с одной стороны, она вполне «эгоистично» заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой – она

понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Одним из важнейших стимулов, побуждающих российскую элиту стремиться к инновационному обновлению России, является ее желание «вписаться» в мировой истеблишмент на правах признанного «акционера», то есть стать равноправной участницей «глобального акционерного общества», пусть даже на правах «миноритария». Определенный рациональный смысл в этом стремлении присутствует – процессы глобализации диктуют необходимость тесного партнерства ведущих государств мира, а Россия начиная с 2000-х гг. претендует на восстановление статуса великой державы. Причем по мнению большей части отечественной правящей элиты достичь такого статуса она может лишь при активном взаимодействии с развитыми государствами мира, получив от них «пропуск» на мировой Олимп. Соответственно усилия российского истеблишмента в последнее десятилетие направлены на завоевание такого права. Однако при этом присутствует понимание того, что подобная интеграция возможна лишь в том случае, если российские политические и социально-экономические показатели будут сопоставимы с «сильными мира сего». Поэтому стремление в «глобальное акционерное общество» предполагает не столько ограничение своего суверенитета, сколько прагматичное и последовательное отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

Инновационная повестка дня, сформулированная и реализуемая властью РФ в 2007–2012 гг., также является своего рода заявкой на интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, тем самым Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой – хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

Построение в России органичной политико-экономической модели, основанной на знаниях, креативе и перспективном видении будущего, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала РФ в один из основных ресурсов устойчивого политического, социально-экономического и политического роста. И здесь надо отметить, что руководство РФ, оценив остроту вызовов XXI в. и технологическое отставание страны от ведущих государств мира, но при этом учитывая ее мощнейший экономический, демографический, культурный потенциал, сыграло на опережение. Был выдвинут лозунг не «Догнать и перегнать», но «Опередить», по крайней мере в тех сферах, где Россия может совершить серьезные прорывы.

Впервые поставленная президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.) цель по изменению структуры экономики России, приданию ей инновационного качества определила необходимость выполнения следующих ключевых задач.

Стимулирование роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций. Так, в Послании отмечалось: «...нам в целом нужна сегодня такая инновационная среда, которая поставит производство новых знаний “на поток”...» [Путин 2006].

Повышение ориентированности научных организаций на потребности реальной экономики. «...реализация совместных планов Правительства и Академии

наук по модернизации научной отрасли не будет формальной, а принесет реальные результаты, даст отечественной экономике перспективные научные разработки» [Путин 2006].

Развитие предпринимательской инициативы во всех секторах экономики и создание для этого необходимых условий. На заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию (20 июня 2006 г.), президентом России В. В. Путиным была поставлена задача разработать «...экономические стимулы, которые могут активизировать участие предпринимателей в технологической модернизации и тем самым помочь созданию самой среды, генерирующей знания и технологии» [Вступительное... 2006].

Курс на инновационное обновление страны был продолжен преемником В. В. Путина – президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, что нашло отражение в концепции четырех «И» – Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации [Красноярская... 2008] – и среди приоритетных задач Послания Федеральному Собранию (5 ноября 2008 г.) [Медведев 2008]:

– *формирование кадрового резерва, что позволит привлечь в органы государственного, муниципального управления, в бизнес наиболее талантливых, творчески мыслящих и профессиональных людей;*

– *возрождение российской образовательной системы;*

– *производство и экспорт знаний, новых технологий и передовой культуры, что означает достижение лидирующих позиций в науке, образовании, искусстве;*

– *реформирование государственного аппарата.*

Основу государственной политики при этом, по мнению Д. А. Медведева, должна составить идеология, в центре которой – человек, как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду. В итоге России предстоит решить задачу по формированию национальной инновационной системы, которая охватывала бы все разнообразие субъектов, входящих в эту систему, и ставила бы целью их активное участие в ней [Там же].

Внимание власти к концепту инновационного развития не стало чисто декларативным: были созданы «точки роста» в лице бизнес-инкубаторов, технопарков, особых экономических зон, госкорпораций («Роснано» и др.), инновационной площадки «Сколково», также продвижением инновационных проектов и их авторов займется Агентство стратегических инициатив, созданное в мае 2011 г. «Сухие» цифры таковы: сегодня в России действуют 24 особые экономические зоны, 13 наукоградов. В 12 регионах развиваются технопарки в сфере высоких технологий. В общей сложности в инфраструктуру технико-внедренческих зон (в дороги, производственные помещения, лаборатории) государство уже вложило порядка 28,3 млрд рублей. В текущем году на развитие всех особых экономических зон, технопарков и наукоградов из федерального бюджета выделяется более 17,5 млрд рублей.

Тем не менее задачи инновационной модернизации России до сих пор полностью не решены. В частности, по мнению первого проректора НИУ «Высшая школа экономики» Леонида Гохберга, «эффективная инновационная политика невозможна в сочетании с рядом элементов существующей политики». В качестве примеров «зон неэффективности» он назвал администрирование налоговых льгот,

таможенные барьеры, институт госзакупок и финансирование науки вне связи с результатами. Слабой стороной инноваций эксперты в области считают и несокордированность политики государства: например, снижение экспортной пошлины на сырую нефть убивает нефтепереработку и т. д. [Стратегия... 2011]

Также надо отметить, что до сих пор нет определенности с инновационной стратегией. В частности, непроясненным остается целый ряд «неэкономических» вопросов:

- какая мотивация будет лежать в основе инновационных преобразований;
- в какой пропорции в инновационном проекте будут представлены интересы государства, бизнеса, граждан;
- какие политические, мировоззренческие и культурные приоритеты лягут в основу российского инновационного курса;
- как оградить инновационные инициативы от различного рода международных и отечественных «издержек» (коррупция, ограничение на доступ к новейшим зарубежным технологиям, сопротивление инновационной повестке дня со стороны бюрократии и оппозиции и пр.)?

На наш взгляд, можно предложить следующие политические, имиджевые и GR-меры для оживления и оптимизации инновационной модернизации России.

Во-первых, Российскому государству следует определиться с мотивацией своего инновационного проекта. В этом плане неудачный выбор модели или конечной цели политических и социально-экономических реформ чреват поражением инициатив руководства страны. Однако еще более важным является последовательное и четкое проведение в жизнь инновационного замысла. Сейчас ситуация сродни той, о которой писал в свое время немецкий политолог К. Шмитт: главное – чтобы решения в принципе принимались. Это особенно важно, поскольку инновационный проект разрабатывался в благополучные «нулевые», а его реализация пришлось на кризисные и посткризисные годы, которые притормозили его исполнение. По крайней мере, в настоящее время в обществе исчез «инновационный драйв», который неизбежно должен сопровождать такого рода кардинальные преобразования. Это мы видим на примере практически всех «незападных» государств мира (Бразилия, Китай, Малайзия и др.). Ввиду того, что мы потеряли в свое время опору в лице великой страны, теперь инновационный энтузиазм еще более важен, поскольку лишь он позволит при эффективном руководстве правящих элит достичь высоких результатов политического и социально-экономического характера.

Во-вторых, изначально инициатива по инновационному развитию Российской Федерации исходила не «снизу», а «сверху». Более того, идея очередных реформ вне властной элиты встречала прохладное отношение и населения, и бизнес-сообщества. Так, граждане, с одной стороны, опасались очередной шоковой терапии и с недоверием относились к любым преобразовательным проектам власти, с другой – отвергали апгрейд в силу специфики отечественной политической культуры, в которой преобладает консервативный тренд. Кроме того, значительная часть населения психологически находилась еще в прошлом, XX в. и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем более существовать и действовать в их рамках.

Что же касается частного предпринимательства, то здесь также инновационный путь руководства страны был воспринят с настороженностью. После жесткой процедуры «равноудаления олигархов» предпринимательские слои вполне резонно не исключали того, что именно их назначат ответственными за инновационный подъем, обязав заниматься рискованными долгосрочными финансовыми инвестициями. Соответственно это породило своего рода инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

Поэтому основная часть нагрузки в деле продвижения инновационного проекта легла на плечи государства, вернее, заинтересованных элитных групп, имевших соответствующий профиль деятельности. Именно они стали главными инициаторами и лоббистами инновационных инициатив, а также основными бенефициарами по итогам его практического внедрения.

Однако на этапе развития инновационного проекта абсолютно необходимо искреннее подключение к нему предпринимательского корпуса и общественности, которые бы дали ему гражданский импульс. Кроме того, важно достижение национального консенсуса в отношении построения в России инновационного государства XXI в. Это достигается как через вовлечение заинтересованных сторон в модернизационные проекты (например, через создание при инновационных предприятиях общественных советов, широкое внедрение государственно-частного партнерства, выделение инновационных грантов и пр.), так и через проведение эффективной информационной политики в независимых СМИ и сети Интернет (в том числе в популярных социальных сетях).

В то же время подключение общества к инновационному проекту государства не означает обязательного проведения политической либерализации. Как показывает опыт «незападных» передовых стран, там достаточно жесткая и сильная государственная власть вполне уживается с инновационным развитием, более того, чаще всего именно государство выступает в качестве инициатора и менеджера преобразований. Это особенно актуально для России, где психология населения и даже значительной части элиты является нерыночной и недемократичной. Поэтому в плане выбора механизмов реализации инновационных реформ для нашей страны, судя по всему, ближе все-таки путь КНР и Сингапура, чем США и Евросоюза.

В-третьих, как показывает вышеприведенный анализ, по своей политической культуре Россия и ее население ближе скорее к восточному типу инновационного развития. А это значит, что в рамках продвижения профильных реформ необходимо учитывать мировоззренческий и морально-этический фактор, державный настрой большинства граждан, их этатистские и эгалитаристские приоритеты. Соответственно в этой связи более логичным представляется делать акцент в проведении инновационного проекта в жизнь не на «гедонистических» аспектах, а на патриотических лозунгах. Конечно, социальный пафос инновационной модернизации также мог бы сыграть мощную мобилизующую роль, однако проект кардинального обновления российской политики и экономики вряд ли даст быстрый материализованный эффект и излишнее внимание к социальным аспектам без конкретных оперативных результатов привело бы лишь к дискредитации как самого проекта, так и его инициаторов.

В-четвертых, для реализации инновационного проекта следует обеспечить жесткий контроль за освоением выделяемых средств, вести тотальную борьбу с коррупцией на федеральном и региональном уровнях, постараться минимизировать суммы «откатов», получаемых недобросовестными чиновниками на инновационном поле. Не исключено, что следует перевести такого рода преступления в разряд особо тяжких, поскольку они не только чаще всего связаны с хищениями государственных средств в особо крупных размерах, но и фактически наносят удар по политической и экономической стабильности России, парализуют стратегические инициативы власти. Особенно это актуально в настоящий момент, когда у руководства страны уже нет возможности выделять на инновационные проекты завышенные суммы с поправкой «на коррупцию», как это нередко делалось в 2000-е гг.

В-пятых, несмотря на определенные успехи в деле разработки инновационного законодательства, оно все-таки еще несовершенно и требует дальнейших усилий как со стороны власти, которая с точки зрения обеспечения стабильности заинтересована в модернизационном апгрейде РФ, так и со стороны лоббистов государственных и частных бизнес-структур, вовлеченных в сферу технологий будущего. Так, в действующем законодательстве пока отсутствуют такие понятия, как «инновационная политика», «национальная инновационная система», «инновация», «инновационная деятельность», а также «венчурный фонд» и «субъект малого инновационного предпринимательства в научно-технической сфере». Это в определенной мере сдерживает эффективность развития инновационной сферы в России и позволяет коммерческим структурам инвестировать государственные средства в проекты, лишь условно связанные с инновациями [В Совете... 2011]. Кроме того, современные правовые нормы не определяют особенностей осуществления инновационной деятельности за счет бюджетных средств в сфере обеспечения конкурентоспособности экономики, ее диверсификации, стимулирования инвестиционной деятельности и развития инноваций.

В ходе проверки Счетной палаты РФ выяснилось также, что государство не реализовало свою политику на уровне законодательства в части налогового стимулирования инновационной сферы, а малый и средний бизнес, работающий в этом направлении, так и не дождался от государства дополнительных льгот и преференций, что также сдерживает его развитие. Причем «все эти меры должны были предприниматься еще четыре года назад в рамках утвержденной правительственной стратегии развития науки и инноваций до 2015 года. Это программа направлена на формирование эффективной инновационной системы, обеспечивающей технологическую модернизацию экономики страны. Законодательное обеспечение инновационной сферы в этом документе обозначена как одна из приоритетных», – отметил аудитор СП А. Пискунов [Там же].

Тем не менее не исключено, что даже в случае совершенствования инновационного законодательства данные нормы «зависнут» с точки зрения практической реализации. С одной стороны, этому могут способствовать высокие цены на энергоресурсы, которые обычно заставляют руководство страны и элиту откладывать инновационное обновление «на потом». С другой стороны, инновационную политику могут сдерживать также проблемы, связанные с обозначившейся технологической и научно-исследовательской отсталостью российской экономики. В настоящий момент страна во многом живет еще советским инновационным «бага-

жом», который постепенно ветшает и исчерпывается. А зарубежные партнеры в условиях обострившейся глобальной конкуренции явно не спешат делиться с РФ своими новейшими разработками и технологиями.

Литература

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. (Социологическая мысль Запада.)

В Совете Федерации предлагают подправить законодательную базу в сфере инновационной деятельности. 2011. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru/news/2335868/>

Вступительное слово В. Путина на заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию 20 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=278967&soch=1>

Индия: научно-технологическое развитие и инновации // Политическое образование. 2012. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: www.lawinrussia.ru/node/119856

Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. С. 48.

Кирчанов М. В. Бразильская экономическая теория: между традициями и инновациями // Современные научные исследования и инновации. 2011. Июнь [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/903>

Королева А. Бразильская защита // Эксперт. 2011. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/>

Краснов А. Социальное неравенство в Бразилии достигло исторического минимума // РИА Новости. 2011. 4 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html>

Красноярская формула Дмитрия Медведева // Невское время. 2008. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nevskoevremya.spb.ru/strana/4060/krasnoyarskayaformuladmitriame/>

Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2008. 5 ноября. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/11/05/poslanie-kremlin.html>

Михайлова М. В. Республика Индия. Государственное и муниципальное управление зарубежных стран : [сайт]. URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html>

Неру Дж. Воспоминания. Исследования. М., 1989.

Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня.

Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372_type63374type82634_105546.shtml

Синецкий Н. С. Социокультурные аспекты принятия технологических инноваций на современном арабском Востоке [Электронный ресурс]. URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskij_N.S.pdf

Стратегии бизнеса: аналитический справочник / под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2008.

Стратегия-2020: Трудный путь к инновациям // РИА Новости. 2011. 7 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html>

Страус А. Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. С. 78–91.

Тулеев А. М., Шатилов С. В. Россия перед прыжком. М., 2004.

Gvosdev N. He Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. 2011. October 2.

Soros G. How to Stop a Second Great Depression. 2011. September 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false>

ВСТУПЛЕНИЕ В ВТО, ИЛИ «НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХИМЕРА» СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

Альпидовская М. Л.

д. э. н., профессор кафедры «Макроэкономика и макроэкономическое регулирование» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

E-mail: morskaya67@bk.ru

Двадцать лет прошло с тех пор, как после разрушения плановой экономики наша страна совершила затяжной прыжок, окунулась с головой со всеми вытекающими последствиями в экономику господствующей и руководящей «невидимой руки рынка». Очередное деяние либерально ориентированных элит – стремление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) – вызывало и поныне вызывает неоднозначную реакцию в российском обществе. Множество экспертов, подробно изучивших этот вопрос, пришли к выводу, что данный шаг принесет стране гораздо больше минусов, чем положительных результатов.

Ключевые слова: *Россия, ВТО, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, страны периферийного капитализма, неолиберальная модель, иностранные инвестиции.*

Twenty years has passed since planned economy was wrecked and our country made a 'delayed jump', plunged into economy dominated and supervised by 'the invisible hand of the market' with all that it implies. The next act of liberal-oriented elites – Russia's aspiration to enter into the Worldwide Trading Organization (WTO) – caused and still causes controversies in the Russian society. Many experts, having analyzed this matter in detail, have come to the conclusion, that this act will bring Russia rather negative, than positive results.

Keywords: *Russia, WTO, General Agreement on Tariffs and Trade, countries of peripheral capitalism, neoliberal model, foreign investments.*

Нахлынувший бурный поток темных вод либеральных реформ закономерно и постепенно затягивает в омут регресса некогда мощную экономику России. Бесконечная череда перманентных природных, климатических, техногенных, военных и политических катастроф – объективная характеристика последних 20 лет новейшей истории нашей страны. Найти ответы на данные вызовы современности достаточно сложно, если не сказать – невозможно, так как мы с кристальной отчетливостью понимаем, в каком обществе и в каком государстве живем. Во всех сферах человеческой жизнедеятельности властвуют коммерция, приватизация, воровство, пресловутая коррупция, безответственность и деградация... Либеральный период социально-экономической жизни России отмечен феноменом приватизации власти и всех структур жизнеобеспечения населения, которое уже трудно назвать народом. Утопическая либеральная идея лишила даже такую экономиче-

скую категорию, как собственность, ее сущности – собственности на *средства производства*, и превратила ее по содержанию в *средство воровства*.

Очередное деяние либерально ориентированных элит – стремление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) – вызывало (и поныне вызывает) неоднозначную реакцию в российском обществе. Множество экспертов, подробно изучивших этот вопрос, пришли к выводу, что данный шаг принесет стране гораздо больше минусов, чем положительных результатов. Встраивание России в мировую экономику на условиях членства в ВТО сделает нерентабельными и уничтожит многие отрасли национального хозяйства страны. Прежде всего пострадают отрасли, связанные с реальным производством. В итоге Россия превратится в импортера товаров и услуг, в свою очередь, специализируясь исключительно на экспорте энергоносителей и обслуживании систем их транспортировки.

Вопреки мнению российской общественности 10 июля 2012 г. Государственной Думой был принят Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» [Госдума включила...], одобрен 18 июля Советом Федерации [Завершен...] и 21 июля подписан президентом Владимиром Путиным [Подписан...]. Через 30 дней после извещения секретариата ВТО о ратификации Россия стала членом этой организации.

Ратифицированный Протокол (1665 печатных листов, 23150 условий вступления) не имел на момент ратификации и подписания официального перевода на государственный язык Российской Федерации. Он включает в себя перечень уступок и обязательств России по товарам, охватывающий более 11,5 тысяч тарифных линий, консолидирует результаты двусторонних и многосторонних переговоров по доступу на рынок товаров, включая обязательства по экспортным, импортным пошлинам, объемам поддержки сельского хозяйства, тарифным квотам, экспортным субсидиям в сельском хозяйстве¹. Перечень специфических обязательств России по услугам охватывает 117 из 150 секторов услуг, выделяемых в ВТО. В 39 секторах, таких как трубопроводный, железнодорожный, внутренний водный транспорт и др., Россия на себя обязательств не берет. После присоединения к ВТО в этих секторах могут применяться любые ограничения для иностранных поставщиков услуг вплоть до полного закрытия рынка при условии, что не будут нарушаться обязательства по предоставлению режима наибольшего благоприятствования [Госдума ратифицировала...]. Однако в этих секторах сферы услуг российской экономики никаких потерь и не ожидалось в связи с тем, что именно они, то есть вся система транспортировки энергоносителей, остаются одной из немногих отраслей специализации нашей страны.

Рассматривая экономику России как элемент в системе мировых экономических интересов, можно констатировать, что при наличии большого запаса природных, трудовых ресурсов и огромных территорий и учитывая пока еще сохранившийся с прошлых времен уровень научно-технического потенциала, Россия

¹ В правовую основу ВТО входят следующие основные соглашения: ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), ГАТС (Генеральное соглашение по торговле и услугам), ТРИПС (Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности), ТРИМС (Соглашение по инвестициям), АоА (Соглашение по сельскому хозяйству), СПС (Соглашение о санитарных и фитосанитарных мерах), ТВТ (Соглашение о технических препятствиях торговле), антидемпинговые меры, соглашения по финансовому рынку, соглашение по субсидиям.

является серьезным потенциальным конкурентом развитым странам – странам Запада, вследствие чего естественным, как и в любой конкурентной борьбе, является проведение ими (развитыми странами Запада) внешнеэкономической политики, способствующей недопущению возрождения производственного потенциала России. Отсутствие конкуренции со стороны реального сектора отечественной экономики позволяет транснациональным корпорациям в частности и западным экономикам в целом получать монопольно высокие прибыли. Россия же день за днем, год за годом лишается своей жизненной основы – производства и высококвалифицированного труда [Альпидовская, Свитич 2011].

И все убедительные «посулы» сторонников безоглядного вхождения в ВТО перманентно обрастают мифами и небывицами о России как о полноправном члене мирового торгового сообщества, который сможет не только подчиниться правилам этого самого сообщества, но и пользоваться ими, участвовать в разработке норм поведения на мировых рынках и т. д. и т. п. При этом министр экономического развития РФ Андрей Белоусов, говоря об условиях присоединения к ВТО, неоднократно подчеркивал, что «лучших условий, чем сегодня, мы практически не добьемся» [Госдума ратифицировала...].

Чем же выгодны данные условия, если всего лишь ратификация протокола повлечет необходимость уплаты единовременного взноса и ежегодных членских взносов РФ в ВТО? После ратификации протокола потребуется выделение в 2012 г. бюджетных ассигнований в размере 175–200 тысяч швейцарских франков на уплату единовременного взноса и 1,75 млн швейцарских франков на уплату ежегодного взноса за второе полугодие 2012 г. Одновременно, поскольку в настоящее время РФ имеет статус наблюдателя ВТО, в 2012 г. также необходимо внести взнос наблюдателя в полном объеме – 29,145 тысяч швейцарских франков [Там же]. Кроме того, по предварительным оценкам, реализация обязательств России, связанных с членством в ВТО, приведет к сокращению поступлений в федеральный бюджет из-за снижения ставок таможенных пошлин. Упомянувшийся выше глава Минэкономразвития РФ А. Белоусов честно признал² в своем выступлении перед представителями профильных комитетов Государственной Думы РФ, что прямые потери нашего бюджета от снижения импортных пошлин после присоединения России к ВТО составят в 2013 г. 188 млрд руб., а в 2014 г. – 257 млрд рублей [Потери...].

Далее, даже по самым оптимистично-консервативным оценкам, в результате вступления России в ВТО к 2020 г. сокращение трудовой занятости в стране составит более 2 млн человек. Темпы роста ВВП за этот же период потеряют 2,5 % в год. Прямые потери бюджета от снижения импортных пошлин составят к тому же сроку 300 млрд рублей в год, а консолидированный бюджет РФ будет терять в итоге 500 млрд рублей в год.

Также одной из следующих «преференций» России как страны – члена ВТО является столь заманчивое и вожаделенное право оспаривать действия других стран в суде ВТО... Однако на официальном сайте ВТО представлено множество документов, но с одной оговоркой: эти тексты не являются аутентичными. Аутентичные документы хранятся в Швейцарии. И это лишь одно из самых относи-

² Однако при этом А. Белоусов проявил осторожный оптимизм, заявив, что реальные потери будут существенно меньше вследствие роста торговли и, соответственно, повышения налогооблагаемой базы.

тельно безопасных ухищрений, призванных ограничить права и возможности не столь развитых экономически и богатых ресурсами стран воспользоваться механизмами разрешения споров в рамках ВТО.

Что же касается разрешения споров в рамках ВТО, то нормы организации не только имеют приоритет в отношении национальных правовых установлений (например, по охране труда, минимальной заработной плате, социальным и экологическим нормам), но и не учитывают международные нормы ООН. Известно, что меморандум ВТО от 19 марта 2001 г. постановляет, что национальные законы и регулирование стран можно отменить, если ВТО посчитает их «более обременительными, чем необходимо». Исходя из текста меморандума [WTO Secretariat 2003; 2001; Palast 2003: 188] суд ВТО, то есть комиссия по урегулированию споров, обладает правом вето на решения любого парламента или любого правительственного органа любой страны.

Из этого следует, что вступление в ВТО предполагает: как только российская национальная норма станет противоречить норме ВТО, как бы это ни соотносилось с национальными экономическими интересами, придется принимать все нормы ВТО. Таким образом, наиважнейшей проблемой комиссии по урегулированию споров является гарантия уверенности для транснационального капитала в том, что национальные правительства руководствовались интересами не своего населения, но исключительно экономическими интересами иностранных инвесторов и торговых корпораций.

В связи с вступлением в ВТО Россия прекращает обладать и решающим, и блокирующим правом голоса. Наша страна не только теряет часть своего суверенитета, поскольку правотворчество и свободное принятие решения будет основательно ограничено, но и становится бесправно подчиненной в вопросах, касающихся ведения ВТО.

Как отметил нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц, Суд ВТО и де-юре, и де-факто благоприятствует развитым странам: развивающаяся страна оказывается в невыгодном положении, требующем сложных и дорогостоящих юридических процедур [Стиглиц 2007: 81]. В период между 1995 г. и 2002 г. ЕС, Япония и США выступили жалобщиками почти в половине (143 из 205) тяжб перед Судом ВТО. А 49 наиболее бедных стран не выдвинули за это время ни одного иска [Horn, Mavroidis 2003].

Как уже отмечалось, на уровне права ВТО экономические интересы международного капитала и транснациональных корпораций стоят выше национальных экономических интересов стран – членов ВТО. При нарушении прав ВТО стране-«виновнице» грозят судебные процессы, а также принятие законов против этой страны и наложение денежных штрафов. Известный египетский экономист Самир Амин не раз отмечал, что ВТО играет по отношению ко всем странам периферии одну и ту же роль – не допустить, чтобы колонии стали в будущем конкурентами, а для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство³ и регулирование, касающееся деятельности в них корпораций развитых стран.

Или, к примеру, следующий аргумент в поддержку тезиса о существовании весьма изоциренных механизмов, призванных защищать в рамках ВТО не равно-

³ Независимое, суверенное, в рамках и по законам государства.

правие, а силу. Судите сами... Отказаться от обязательств перед ВТО по либерализации торговли или изменить условия по обязательствам возможно только через три года после вступления в силу этих обязательств и только после выплаты компенсаций за текущие и будущие убытки торговым партнерам. Объем компенсаций определяет опять же суд ВТО или назначаемый орган по урегулированию споров, профильный по конкретным соглашениям. В случае если не будет достигнуто соглашение о компенсациях или страна-ответчик не согласится выполнить рекомендации по компенсациям, ВТО вправе разрешить стране-обвинителю приостановить действие ее уступок и обязательств по отношению к стране-ответчику. Наиболее чувствительные последствия от вводимых санкций против страны-ответчика в настоящее время обсуждаются в мировых СМИ и выражаются во введении нормы принудительного изъятия утвержденных ВТО компенсаций в пользу страны-обвинителя. Последние будут выражаться в виде отчуждения зарубежных финансовых или иных активов страны-ответчика. И какие «перспективы» ожидают нашу страну в том случае, если эта норма будет все же принята ВТО? Все международные активы могут быть изъяты, причем очень быстро. А мгновенно выйти из ВТО нет никакой возможности.

Вся история социально-экономического развития различных стран является свидетельством того, что индустриализация и модернизация экономики возможны лишь в случае защиты государством растущей национальной промышленности, то есть при проведении этим самым государством успешной и эффективной протекционистской политики.

Использовавшие в недавнем прошлом меры протекционизма страны капиталистической метрополии, такие как США и Великобритания, сегодня настаивают на отказе стран периферийного капитализма от защиты своего производства. По высказыванию профессора экономики Кембриджского университета Чхан Ха Джун, США и Великобритания отбрасывают от развивающихся стран «лестницу», по которой они сами поднялись наверх [Chang, Ha-Joon 2004: 279–288; 2002; Wallach; Stiglitz 2002: 31]. Новые индустриальные страны также в период развития своей промышленности поддерживали и защищали свою экономику. Следовательно, утверждение, что страны развитого Запада и НИС смогли развить свою промышленность и экономику, используя рецепты свободной торговли, – просто миф. Напротив, неолиберальные реформы в азиатских странах (страны Восточной Европы также не являются исключением) привели к экономическому кризису [Burkett 2000].

В то время как развивающиеся страны под давлением Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ/ВТО) понизили импортные пошлины, сами развитые страны Запада не открыли свои рынки для сельскохозяйственной и текстильной продукции развивающихся стран [Southcentre 2010: 12]. Импортные пошлины в развитых странах на ввоз продовольствия из развивающихся стран продолжают оставаться в достаточной степени высокими (некоторые варьируются в интервале 200–300 %). Импорт текстиля из экономически зависимых стран на Запад был в течение долгих лет ограничен квотами, что в итоге привело к упадку национальной текстильной отрасли в развивающихся странах. Субсидируя в обязательном порядке свое сельское хозяйство, агроконцерны стран развитого Запада могут позволить себе с помощью демпинга разорить национальных сельхозпроизводителей в развивающихся странах и завоевать их рынки. Для закрытия своих

рынков страны-метрополии используют всевозможные нетарифные барьеры (антидемпинговые, санитарные и фитосанитарные меры и экологические стандарты) [Southcentre 2010: 12; Стиглиц 2007]. Несмотря на риторику «свободной торговли», США ввели квоты на сталь, чтобы защитить от иностранной конкуренции американские сталеплавильные концерны.

В целом можно констатировать тот факт, что тезис о равноправии стран – членов ВТО – это не более чем миф. Общие обязательства не являются таковыми для ведущих стран. Истинный смысл равноправного участия в ВТО заключается в том, что слабые участники обязуются предоставить другим, более сильным игрокам максимальный доступ на свой рынок и обеспечить им там «занятость». Членство в ВТО стран, не входящих в «Большую четверку» (США, ЕС, Япония и Канада), – клубная карта без преимуществ [Батчиков, Глазьев]. Это подрывает конкурентоспособность большинства стран второго эшелона, при этом лишая их не только доходов, но и самой возможности развития.

Сегодня практически никто более не сомневается в том, что без качественного обновления и структурных сдвигов российская экономика не то что перегнать, а даже догнать западную экономику в обозримом будущем не сможет. Все эти поставленные задачи могут быть решены в случае успешной реализации системной модернизации экономики России. В свою очередь сторонники и апологеты непрямого вхождения России в ВТО одним из важнейших факторов ее форсированного присоединения к этой международной организации считают вероятность скорейшей модернизации отечественной экономики.

С точки зрения здравого смысла первичность технологической модернизации и повышение конкурентоспособности российской экономики ни у кого не должны вызывать сомнения. Присоединение к ВТО является вторичным шагом. Обратный порядок действий неприемлем.

Некоторые не столь богатые с точки зрения ресурсного обеспечения государства не стремятся возлагать на плечи своего населения столь непосильную ношу, как членство в ВТО. Здесь перевод экономики на траекторию быстрого экономического роста происходит при помощи государственной промышленной, структурной, внешнеторговой и научно-технической политики, причем до присоединения к ВТО. В частности, Белоруссия является страной-наблюдателем вышеобозначенной международной организации. Тем не менее белорусская сельскохозяйственная продукция признана соответствующей высоким стандартам качества, безопасности и критериям здоровой и натуральной пищи. Известная многим российским потребителям молочная продукция ОАО «Савушкин продукт» с 1 июля 2012 г. поставляется в страны Евросоюза⁴. Экспортную лицензию компания получила от Постоянного комитета ЕС по пищевой цепи и здоровью животных [Юдина 2012: 13].

Россия же, приняв на себя членство в ВТО и соответственно основные обязательства при вступлении в эту организацию, не только согласилась на последовательное сокращение импортных торговых пошлин и тарифов до минимального

⁴ До 1 июля 2012 г. компания ОАО «Савушкин продукт» имела опыт поставок в страны ЕС. В Германию, Чехию и Латвию компания поставляет березовый сок. Цельномолочная продукция, сыры, соки и соковая продукция на регулярной основе направляется в 75 регионов России, Украину, Молдову, Армению, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Объединенные Арабские Эмираты, Иорданию и другие страны ближнего и дальнего зарубежья.

уровня по более чем 700 товарным позициям, но также отказалась от поддержки экспорта сверх необходимого⁵.

За все более чем 20 лет ельцинско-гайдаровских либеральных экономических реформ в нашей стране так и не была выстроена система господдержек экспорта. Отсутствуют соответствующие институты и инфраструктура, которые смогли бы ее осуществлять. Суммарная государственная поддержка российского экспорта не превышает 600 млн долларов в год. Это чудовищно малая сумма, чтобы начинать открывать свой национальный рынок для иностранных компаний. Для сравнения, в мире господдержка только по линии страхования экспорта в 2011 г. составила: в Китае – 60 млрд долларов⁶, во Франции – 30 млрд долларов, в США – 17 млрд долларов, в Индии – 15 млрд долларов, в Германии – 13 млрд долларов, в Бразилии – 10 млрд долларов и т. д.

Столь безбоязненное решение всей вертикали власти России о вступлении в ВТО сделало невозможным модернизацию отечественной экономики в требуемых масштабах ни сейчас, ни в долгосрочной перспективе. Открытие внутреннего рынка усилит давление западных конкурентов на экономику в целом. При минимальных инвестициях и износе основных фондов⁷, без государственной поддержки не существует никакой возможности кардинально перестроить производство, чтобы выпускать продукцию, соответствующую критериям мировой эффективности и международным стандартам.

Немало сторонников вхождения России в ВТО считают, что последующие в обязательном порядке колоссальные инвестиции с Запада в итоге приведут к росту занятости среди потерявшего работу населения в многочисленных моногородах и крупных промышленных центрах когда-то работающей России. Вера их настолько сильна, что «русское экономическое чудо», сотворенное в СССР в годы довоенной индустриализации и восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны, покажется мизерной каплей в огромном океане еще не свершенных хозяйственных деяний.

Проблема здесь возникает в том, что так называемое соглашение по инвестициям (TRIMS) запрещает выдвигать иностранным инвесторам особые условия приема инвестиций. В частности, Россия не может требовать от зарубежных корпораций использовать продукты, сырье и материалы, произведенные в стране, нанимать в качестве части работников население страны, а также выдвигать в качестве инвестиционного условия требования передачи технологий.

Аналогичные неразрешимые задачи ставит перед населением нашей страны и соглашение по торговле услугами – GATS⁸. ВТО в своем соглашении GATS ставит под вопрос не только само социальное государство, но и современное понимание общественных благ, подведя их исключительно под категорию «товар». Международный профсоюз сотрудников общественного сектора, объединяющий 600 профсоюзов из 150 стран мира, в связи с присоединением России к ВТО офи-

⁵ Требования ГАТТ/ВТО.

⁶ В 100 раз (на два порядка) больше, чем в России.

⁷ В ряде отраслей на 60–80 %.

⁸ Комиссия ООН по правам человека признала GATS противоречащим универсальным неотъемлемым правам человека: права на образование, на медобслуживание, на водоснабжение, на финансовую стабильность должны быть доступны всем, то есть должны быть естественными правами, доступными каждому человеку всего лишь по факту рождения.

циально заявил: «Наши членские организации уже давно испытывают негативные последствия ВТО в сфере общественных услуг, включая приватизацию» [Ждановская 2012: 4].

В ряд секторов, которые в широком понимании рассматриваются как услуги (туризм, транспорт, страхование, банки, строительство и т. д.), включаются также образование (в том числе дошкольные учреждения, средние школы и вузы), здравоохранение (включая экологию), жилищно-коммунальные услуги (включая энергетику, канализацию, водоснабжение), культура (в том числе театры, музеи, библиотеки, спорт и отдых). Согласно ГАТС, внутренний российский рынок услуг должен быть открыт иностранным компаниям без ограничений. При этом, если крупная западная клиника открывает представительство в РФ, она не обязана принимать на работу российских специалистов, какой бы высокой квалификацией они ни обладали. Ее руководство вправе ввезти более дешевый персонал из третьих стран и оплачивать его по нормам этих стран.

Возникает вопрос: под давлением каких групп влияния было принято Генеральное соглашение по торговле услугами и чей экономический интерес выступает здесь на первый план? Ответ прост: под прессингом западной индустрии финансовых услуг. Запутавшись в жесткой паутине выстроенных ранее финансовых пирамид, потеряв при этом огромные «барыши», воротилы бизнеса стремятся любым путем найти новые, не раскрытые ранее источники обогащения и извлечения прибыли. Этими источниками и послужили сектора общественных услуг других стран.

Мировой опыт свидетельствует: коммерциализация сферы общественных благ приводит к росту цен на них. Вследствие данного деяния заметная часть населения России лишится доступа к общественным благам как таковым.

Пагубным для российской экономики и в итоге населения последствиям от выполнения обязательств Россией при вступлении в ВТО нет предела. Начиная от неизбежного подорожания лекарств благодаря принятию соглашения о защите прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), требующего выплат за использование страной-членом патентов других стран⁹, выражающихся в «патентной надбавке» к цене (Россия в этой части соглашения никаких своих особых условий не оговорила¹⁰), и заканчивая основательным сокращением и понижением уровня государственной поддержки сельского хозяйства в связи с принятием соглашения по сельскому хозяйству (AoA), запрещающего странам – участницам ВТО принимать какие-либо меры господдержки производства и экспорта сельхозпродукции сверх согласованных в ходе переговоров о вступлении норм. Начиная переговоры о присоединении к ВТО, Россия определила уровень поддержки сельского хозяйства в 89 млрд долларов (среднегодовой уровень субсидий в 1989–1991 гг.). Однако представители нашей «делегации» последовательно и постепенно сдали (снизили) позиции сначала до 36 млрд долларов, затем до 16 млрд долларов. В результате на момент вступления России в ВТО уровень допустимых субсидий определен в 9 млрд долларов, а к 2017 г. должен быть снижен до 4,4 млрд долларов.

⁹ 97 % мировых патентов принадлежат высокоразвитым странам Запада. В том числе патенты на все разработки и ноу-хау, сделанные в СССР (РФ) и вывезенные из страны за последние 20 лет либо в порядке проведения исследований на зарубежные гранты, либо в форме «утечки мозгов».

¹⁰ Китай, Индия, ЮАР, Бразилия оговорили в этом направлении фантастически выгодные для себя условия.

В свою очередь ни Япония, ни страны Европейского союза не сократили государственную поддержку сельского хозяйства. А в США государственные субсидии сельхозпроизводителям возросли до 120 млрд долларов в 2009 г., в 2007 г. они составляли 100 млрд долларов. В итоге на 1 га пашни в России выделяется в 40 раз меньше средств, чем в ЕС¹¹, и в 15–17 раз меньше, чем в США. Хотелось бы при этом напомнить, что наличие неустраняемых факторов природно-климатического характера делает сельское хозяйство в России в целом неконкурентоспособным на мировых рынках массовых товаров. Возможна ли сельскохозяйственная конкуренция на открытом рынке в стране, которая не может быть охарактеризована иначе, как страна негарантированного успеха в земледелии?!

Несмотря на перечисленные в статье наиболее болезненные последствия для экономики и населения России от вступления последней в ВТО, тем не менее существует одна проблема, которая, на мой взгляд, является наиважнейшей для нашей страны как единого многонационального государства. Это геоэкономический вопрос, и связан он с безусловным полным национальным контролем над собственными природными ресурсами. В качестве альтернативы такому политико-экономическому поведению предлагается контроль над всеми этими ресурсами со стороны транснациональных корпораций, экономические интересы которых тесно интегрированы с экономическими интересами США и других стран-сателлитов.

Ни для кого не является секретом, что национальные экономики все более приобретают характер составных элементов единой капиталистической системы хозяйствования. Она регулируется глобальными ТНК и международными экономическими организациями (Экономический и социальный совет ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация и т. д.). В результате национальные правительства и элиты вынужденно опираются на геоэкономическую систему координат, по сути, представленную в виде ВТО.

После распада СССР и вследствие прекращения существования биполярной мировой системы ее развитие происходит по неолиберальной модели, при лидерстве и в интересах глобальных ТНК и развитых стран Запада, которым и достаются плоды глобализации; усиливается разрыв между богатыми и бедными странами и цивилизациями. Сегодня наблюдается противостояние за установление одного-единственного центра принятия решений. Не возникает сомнений, какая именно из мировых держав претендует на это место.

В этих условиях богатство ресурсов географической территории, принадлежащей определенному государству, может сыграть губительную роль для него самого. И этот факт в первую очередь затрагивает государственные и национальные интересы России, страдающей от многих проблем, которые типичны для стран, богатых природными ресурсами, и называются в политико-экономических исследованиях «проклятием ресурсов»¹².

¹¹ В 27 странах ЕС государственные субсидии сельского хозяйства составляют 140 млрд долларов.

¹² Классическая формулировка гипотезы «проклятия ресурсов» рассмотрена в работах [Sachs, Warner 2001; Ross 1999]. (Одной из причин сбоя функциональности экономики в работах названа зависимость самой экономики от природных ресурсов. А все основные экономические факторы замедленного развития стран – экспортеров ресурсов можно устранить. Так, у любого правительства есть набор инструментов, при помощи которого можно если не свести на нет, то хотя бы смягчить «голландскую болезнь».)

В связи с таким, мягко говоря, недостаточно обдуманым шагом, как вступление в ВТО, возникает очередная, в будущем, возможно, неразрешимая проблема – проблема национальной экономической безопасности России, когда она в своей целостности становится субъектом международной экономической конкуренции, а само развитие этой конкуренции приобретает стратегическое значение.

Для России, обладающей потенциалом для формирования самодостаточной хозяйственной системы, неосвоенностью огромных российских просторов и ресурсов в условиях реальной глобализации, членство в ВТО создает небывалую в истории угрозу для национального суверенитета. А в условиях предсказуемой в рамках ВТО прогрессирующей деградации научно-технологического и промышленного потенциала страны потеря суверенитета – это всего лишь вопрос времени...

Литература

Альпидовская М. Л., Свитич А. А. Национальные экономические интересы как приоритет в программе модернизации национальной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 20 (113). С. 2–5.

Батчиков С., Глазьев С. ВТО: иллюзия равноправия и выбор России // [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.anti-glob.narod.ru/st/st5.htm>

Госдума включила Россию в ВТО (INTERFAX.RU, 10.07.2012) // Россия и Всемирная торговая организация: [сайт]. URL: http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=29030

Госдума ратифицировала Протокол о присоединении России к ВТО // Информационное телеграфное агентство России: [сайт]. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/469298>

Ждановская А. Захват услуг // Завтра. 2012. № 25 (970). С. 4.

Завершен ратификационный процесс по присоединению РФ к ВТО // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.council.gov.ru/inf_ps/chronicle/2012/07/item20066.html

Подписан закон о ратификации Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/16041>

Стиглиц Дж. Справедливая торговля для всех. М., 2007.

Юдина Р. Продвижение и преобразование: «Савушкин продукт» выходит на рынок Евросоюза // Комсомольская правда в Белоруссии. 2012. 19–25 июля. С. 13.

Burkett P. Development, Crisis, and Class Struggle: Learning from Japan and East Asia. New York, 2000.

Chang Ha-Joon. What is wrong with the 'official history of capitalism' // A guide to what's wrong with economics / Ed. by E. Fullbrook. London, 2004. Pp. 279–28.

Horn H., Mavroidis P. Which WTO provisions are invoked by and against developing countries. London, 2003.

Palast G. Shame on You! München, 2003.

Southcentre. Analysis of the Doha negotiations and the functioning of the WTO. Geneva, 2010.

Stiglitz, J. Schatten der Globalisierung. Berlin, 2002.

Wallach L. Whose trade organization? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citizen.org/publications/release.cfm?ID=7081>

WTO Secretariat. Application of the necessity test: Issues for consideration. 2001. March 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ratical.org/co-globalize/gatsdocs.pdf>

WTO Secretariat. «Necessity tests» in the WTO. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://ictsd.org/downloads/2008/04/nectest.pdf>

РОССИЯ И ГЛАВНЫЙ ВЫЗОВ XXI в.

Ковалев Ю. А.

к. ф. н., зам. начальника отдела общественных наук Президиума РАН.
E-mail: yukov@iph.ras.ru

В статье анализируется один из важнейших вызовов современности, который формулируется таким образом: смыслы и цели, которым следует Запад, в сущности, привели его в тупик. Исследование ведется на базе парадигмы, предложенной В. С. Соловьевым и интерпретированной с позиций современных синергетических представлений. На основе рассмотрения некоторых ключевых событий отечественной истории XX столетия доказывается утверждение об общечеловеческой миссии России в «парировании» вышеуказанного вызова и в превращении его в исходный пункт для нового витка нравственной эволюции человечества.

Ключевые слова: *обществоведческая парадигма, модель, христианство, эпоха Просвещения, рыночное демократическое государство, мировоззренческий синтез, аттрактор, энергоинформационное взаимодействие, российский суперэтнос, этноаттрактор, справедливое общественное устройство, особое лидерство России.*

The author analyzes one of the most critical modern challenges which can be formulated as follows: the ideas and purposes which were followed by the West brought it to the deadlock. The study is based on the paradigm by V. S. Soloviyov interpreted in terms of synergy. Considering some key events in the 20th-century Russia's history the author argues that Russian has the universal mission to counter the above mentioned challenge and turn it into the starting point for a new round of the mankind's moral evolution.

Keywords: *social science, model, Christianity, the Age of Enlightenment, market democratic state, worldview synthesis, attractor, energy-information interaction, Russian super-ethnos, ethnic attractor, just social structure, Russia's special leadership.*

Стал привычным перечень современных угроз: скоро начнут сказываться исчерпание действующих месторождений энергетических ресурсов и последствия загрязнения окружающей среды; не может не привести к катастрофе «расползание» ракетно-ядерных технологий; даст о себе знать нарастающий дисбаланс демографических процессов в мире; проблемы сулят глобальное потепление и ожидаемую «вторую волну» мирового экономического кризиса. Но есть и такой вызов: **смыслы и цели, которым следует Запад, в сущности, привели его в тупик.**

Можно ли адекватно исследовать данный вызов на базе действующей сегодня обществоведческой парадигмы? Нет. Поскольку она предполагает «сведение» общественных процессов высокого уровня сложности к некоторым «первичным

факторам». Но *что такое* «первичные факторы»? Однозначного ответа нет. И тогда объявляется, например, что все зависит от экономических отношений и активности народных масс. Или от личных качеств национального лидера. Еще указывается как на главный фактор на географические условия страны, ее запасы сырья и энергетических ресурсов. Иные пытаются все свести к особенностям национальной психологии. А кто-то вслед за М. Вебером утверждает, что экономическую и политическую жизнь общества формируют системы ценностей (религия и т. д.), смена которых и определяет исторический путь страны.

Конечно, эти и не упомянутые здесь факторы играют важную роль в истории. Но существует *предел* их «эвристических возможностей!» Наступает момент, когда (если речь идет о роли лидеров) встает вопрос: почему в *определенное* время появляется (или исчезает) тот или иной лидер? И если говорить о роли культуры – да, однажды *культура* (этика протестантизма) стала одним из «ключей», открывших путь бурному развитию капиталистических отношений на Западе и развертыванию соответствующей политической «надстройки». Но в России после октября 1917 г. именно *политические* решения большевиков перечеркнули развитие *культуры* в прежнем русле!

Словом, невольно приходишь к «глубокому выводу»: группа явлений А определяет развитие группы явлений Б; хотя в некоторых случаях группа явлений А испытывает сильное обратное воздействие со стороны группы явлений Б.

То есть мы, весьма произвольно редуцируя общественные процессы к тем или иным «определяющим факторам», не можем раскрыть логику исторического процесса в целом. И сегодня порой делается вывод о том, что больше и не следует тратить энергию на поиски такой логики. Полагаю, встать на подобную позицию означает признать ограниченность человеческой способности к познанию...

А что если мы присутствуем при гибели той традиции в обществоведении, которая стремится «объяснить историю из самой истории»? Но что взамен?

Отвечу с помощью аналогии. Вот гипотетическая ситуация. Тренер некоей африканской футбольной команды накануне чемпионата мира узнает, что заболел его ведущий игрок. Он в панике. Но возник гений футбола – паренек из маленькой деревни, пусть даже этот футболист-самородок никогда не слышал о чемпионатах мира.

Вот мироощущение этого паренька на чемпионате. Он сбит с толку. Он не понимает, *почему* его команда переезжает со стадиона на стадион и из города в город; *почему* он и его товарищи играют с разными командами, а судят игры разные судьи; отчего после недели игр его команда во главе с тренером (все ужасно злые) стала собираться домой, хотя все еще продолжается?

Итак, с одной стороны, наш гений футбола знает правила *самой игры*: он знает, почему игроки передвигаются по полю так, а не иначе или отчего судья наказал одного из игроков, но с другой – он не может понять причины того, что происходит *на чемпионате вообще*. И лишь по пути домой, когда ему объяснили, что за всем стоит *замысел устроителей чемпионата*, наш гений футбола понял логику всего происшедшего!

Что же случилось в этот момент с точки зрения «условий познания»? Наш гений футбола поднялся выше уровня, с которого смотрел на мир до сих пор. И получил возможность ловить *«всю панораму»*: события чемпионата в системе но-

вых связей, *относящихся к тому, что он до сих пор знал как целенаправленное и управляющее.*

И современному обществоведению нужно использовать средство, которое позволяет **так же** взглянуть на исторический процесс. Тем более что такое средство существует: это модель, предложенная выдающимся отечественным мыслителем В. Соловьевым еще в 1887 г. [Соловьев 1989].

Но прежде одно замечание. Известно, что в человеке имеются два начала: *сознательное* и *подсознательное*. Второе из них – это его природные инстинкты, «звериное» в нем. Доминирование звериного начала порождает стремление удовлетворять собственные потребности любой ценой, даже за счет других. У племен, населявших Европу на заре нашей эры, естественно, доминировало природное начало. И требовалось «включить» фактор, который начал бы нравственную эволюцию, то есть стал бы формировать у людей готовность «добровольно отдавать».

По мысли В. Соловьева, Верховная Сущность (именно ее Христос называл Отцом Небесным, а Мухаммед – Аллахом; в индуизме это Вишну; в европейской народной традиции это Бог, Создатель) данную задачу возложила на *христианство*. И сложившееся в Европе на его основе тоталитарное общественное устройство на несколько веков обеспечило нравственную эволюцию ее населения.

Однако *тоталитарный* сценарий однажды стал помехой дальнейшему развитию. Без его отмены люди оказались бы в конце концов обреченными на отсталость и нищету. И был «запущен» второй этап эволюции европейцев. Сложилась «парадигма эпохи Просвещения»: практически полное отрицание предыдущего типа мировоззрения. Европейцы почувствовали себя самостоятельными – теперь все зависело лишь от них самих. Да здравствует свобода! Однако и здесь была своя цена вопроса.

Разумеется, обретенная «самостоятельность» открыла путь для быстрого развития естествознания и техники. Но теперь люди оказались вне христианского «ценностного коридора»: страх наказания за грехи и желание получить воздаяние за праведные дела перестали быть стержнем мотивации. И встал вопрос: *как* в новых условиях «усмирять» звериное начало в людях?

Найти ответ, на первый взгляд, удалось. Примерно с XVI в. в Европе начинают складываться *рыночные демократические государства*. Их «каркасом» стала система «сдержек и противовесов», в соответствии с *идеальной* моделью которой: а) действуют независимые друг от друга три ветви власти; б) обеспечивается «свободная игра политических сил» – финансовых и промышленных групп, политических партий; в) реализуется право на развитие гражданского общества при особой роли здесь целостной и поэтому не зависимой от властей системы СМИ; д) при этом любой человек может обжаловать в суде практически любые решения исполнительной и законодательной властей. Вдобавок «невидимая рука рынка» регулирует производство на основе честной конкуренции равноправных товаропроизводителей. Поскольку при таких условиях *в идеале* ни один из «игроков» не имеет (и не может получить!) никаких преимуществ перед другими, общество оказывается способным сдерживать эгоистические устремления своих членов.

Но все оказалось сложнее. Да, демократическая система показала себя эффективным инструментом. Но открылись и пределы ее возможностей. Так, резкое

возрастание числа людей, участвующих в управлении государством (в ходе выборов разных уровней), приводит к тому, что важнейшие решения теперь зависят от мнения обычных обывателей. А в таких условиях не избежать *манипулирования* взглядами и поведением населения со стороны недобросовестных политиков через предвыборные технологии. Это тем более опасно, что в ведущих странах Запада сегодня отчетливо проявляется феномен «нового варварства»: в нарастающих масштабах формируется тип людей не читающих, не имеющих систематических глубоких знаний, стремящихся получить *простые* ответы на любые вопросы. И риторически звучит вопрос: способно ли в этих условиях население современных западных стран через использование демократических институтов понастоящему *соучаствовать* в управлении государством?

Не все оказалось бесспорным и с рынком. Он позволил быстро обеспечить изобилие высококачественных товаров и услуг. Но он же породил и имущественное расслоение: сначала в рамках отдельных стран, позже – через деление стран на преимущественно богатые и преимущественно бедные. А сегодня наличие в мире бедных стран стало предпосылкой как материального изобилия в странах «золотого миллиарда», так и всех достижений их социальной сферы. Да и сам человек в рыночных отношениях часто выступает в качестве товара. Поощряет же рынок (например, через коммерческую рекламу) преимущественно то, что имеет денежное выражение. Но у Добра денежного выражения нет, а «творение добра» – это одно из наименее прибыльных занятий.

Правда, с середины XIX в. в рамках «парадигмы эпохи Просвещения» заявила о себе *новая* позиция: частная собственность несовместима с правом человека на подлинную свободу – освобождение личности возможно только после отмены частной собственности на основные средства производства, *при социализме*. Предполагалось, что все производство станет единой управляемой из центра системой, огромной «фабрикой», работающей не ради прибыли, а для формирования «всесторонне развитой личности». На деле, однако, вслед за отменой в конкретной стране частной собственности и рынка быстро формировался мощный аппарат чиновников, «новый класс», который вдруг оказывался *над* теми, чьим «слугой» он призван был, по идее, стать...

Что же в сухом остатке?

Как и показал В. Соловьев, «парадигма эпохи Просвещения» привела к достижениям и победам. Однако их ценой стала потеря европейцами Высшего Водительства, которое только и может обеспечивать нравственную эволюцию. Попытка компенсировать эту утрату «опорой на собственные силы» (на рыночно-демократическое государство) не удалась: не может человек (если он не барон Мюнхгаузен) вытащить сам себя из болота за волосы. Но поскольку **в рамках** «парадигмы эпохи Просвещения» по определению невозможно вновь обеспечить Высшее Водительство (не возвращаться же к предыдущей системе мироздания!), **западное человечество оказалось в тупике**.

Есть ли выход?

Снова обратимся к идеям В. Соловьева. Он подчеркивал, что Создатель обязательно «запустит» третий этап эволюции как **синтез** двух предыдущих мирозрений. Вот его суть: «дети эпохи Просвещения», то есть образованные, энергичные, инициативные люди, считающие самоценностью собственную свободу

и интеллектуальную самостоятельность, готовые взять на себя ответственность, вновь (и добровольно!) должны обрести Высшее Водительство.

Что можно сказать об этом сегодня?

В середине XX столетия появилась **синергетика** – метатеория, которая позволяет по-новому взглянуть на описанный механизм [см., например: Степин 2003]. Вот базовые принципы синергетики.

1. Любая сложная нелинейная самоорганизующаяся открытая система имеет цель-программу своего развития: **аттрактор** (от английского *attractor* – притягиватель), от которого она получает корректирующие управляющие воздействия.

2. Только находясь «в луче» своего аттрактора (по аналогии – пока капитан судна видит маяк), система может успешно развиваться; «выпадая» из «луча», она быстро ложится на траекторию, ведущую к катастрофе.

А если так, то и человечество, являясь сложной самоорганизующейся системой, должно иметь свою собственную цель-программу – «**Главный Аттрактор**».

(Подчеркну: христианская «картина мира» также утверждает, что существует некоторая духовная структура, лишь «подключившись» к которой, человек получает возможность правильно выстроить свой жизненный сценарий – «Царство Небесное». Таким образом, понятия «Главный Аттрактор» и «Царство Небесное» обозначают *одну и ту же* Реальность. Кроме того, можно установить и еще одно «соответствие» категорий синергетики исходным христианским понятиям: триада *Создатель – Главный Аттрактор – Луч Главного Аттрактора* тождественна триаде: *Бог Отец – Бог Сын – Бог Святой Дух*. И это создает базу для диалога с РПЦ на новой теоретической базе.)

Итак, по «синергетической логике», сначала жители Европы (с помощью христианства) были «**введены**» Создателем «в луч» Главного Аттрактора. Второй этап нравственной эволюции европейцев был «организован» как их **выведение** «из луча». И значит, реализация мировоззренческого синтеза будет означать «**возвращение**» Запада «в луч» Главного Аттрактора.

Первый этап нравственной эволюции строился на «посреднической» миссии Христа. Он Сам так говорил о ее сути: «...Я дверь овцам... Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...» [Иоанн 10, 7–9]. После ухода Христа Его «представителем» на Земле стала возникшая впоследствии христианская церковь. Возвращение же современного, «*постхристианского*» Запада «в луч» Главного Аттрактора, то есть задачу несоизмеримо большего масштаба, должен «обеспечить» новый «посредник». В. Соловьев подчеркивал, что им станет *Россия*.

Встает вопрос, как *практически* может быть обеспечено такое возвращение. Сначала выясним, каким образом *в принципе* Главный Аттрактор управляет эволюцией человечества. Некоторые исследователи [см., например: Асланов 2001] отмечают, что любые аттракторы – это *реальные структуры в пространстве и времени*. Значит, и Главный Аттрактор есть некоторая реальная структура. Тогда как осуществляется связь между «ведущим» и «ведомым»?

Современной науке известны четыре типа фундаментальных взаимодействий в природе: электромагнитное, гравитационное, сильное и слабое (два последних «обеспечивают» различные виды внутриатомных связей); каждый из этих типов имеет и соответствующее материальное «поле-носитель».

Однако на базе теоретического и практического вклада А. Барченко, Г. Бокля, В. Бехтерева, Л. Васильева, Б. Кажинского, В. Казначеева, А. Акимова, Г. Шипова, Г. Рогозина, И. Смирнова, А. Савина, Б. Ратникова, Ф. Ханцеверова и многих других ныне появились основания говорить о *пятом* типе взаимодействия – *энергоинформационном*.

И тогда выходит, что управление эволюцией человечества со стороны Главного Аттрактора является *энергоинформационным процессом*. Разворачивается он в форме *диссипации*: как переструктурирование «существующих параметров» человечества (и, разумеется, отдельных людей) – в соответствии с Планом Создателя (целью-программой, «помещенной» в Аттрактор).

Для уяснения *практических* аспектов процесса воспользуюсь аналогией. Допустим, в некотором регионе имеется радиоцентр, который готовится регулярно передавать очень важную для местного населения информацию. Пусть один из жителей региона, некто X, специально купив приемник, в нужное время включил его и приготовился слушать диктора. Но в динамиках только помехи. Почему? Оказывается, недавно купленный приемник *не был заранее настроен на частоту работы передатчика*. А значит, по отношению к нашему X радиоцентр станет работать вхолостую! То есть нужна *предварительная* настройка приемника на нужную частоту.

Как же **практически** «человек с улицы» может «настроиться на частоту» Главного Аттрактора?

Воспользуюсь иллюстрацией, которую предложил Ориген, раннехристианский теолог II–III вв. н. э., использовавший, конечно, иную терминологию [Ориген 1899].

Ориген показал, что требуемую «предварительную настройку» можно осуществить через «посредника» – с помощью особого человека (*святого*, по христианской терминологии). Представим себе, считает Ориген, что «Царство Небесное» (= Главный Аттрактор) – это гигантский «поток розового масла». Святой (в силу своих особых качеств) уже подключен к потоку, а значит, получает «от потока» свой «ручеек масла». И если «человек с улицы», скажем так, «впустил» в свою жизнь этого святого (идет на жертвы ради него, молится ему, мысленно советуется с ним и т. д.), *он и сам «пропитывается благовонием потока»*. А значит, «подключается» к потоку (= Главному Аттрактору), и процесс диссипации начинается!

Как «вписывается» в этот механизм Россия?

Подчеркну, что для выполнения своей миссии наша страна прошла особую подготовку. «Исходный пункт» этой подготовки состоял из двух этапов: **первый** – принятие православия Киевской Русью в X в., **второй** – «взрыв этногенеза» в самом конце XIII в., в результате которого *возникла Великороссия*, то есть *собственно российский суперэтнос*.

По концепции Л. Гумилева [Гумилев 2007], любой *суперэтнос* – это гигантское человеческое сообщество, возникшее в результате «пассионарного толчка» (или «взрыва этногенеза»), то есть управляющего воздействия внеземного характера, которое вызывает мутацию энергетических полей Земли в конкретном регионе. «Взрыв этногенеза» формирует этнодоминанту, или, в системе понятий синергетики, цель-программу рождающегося суперэтноса = его **этноаттрактор**. Возникновение этноаттрактора и превращает до того разрозненные группы людей

в «целестремленное единообразие», общность, обладающую повышенной стойкостью.

Вместе с тем российский суперэтнос занимает *особое* место среди других. В соответствии с замыслом Создателя, он уже в момент своего формирования **был подключен к Главному Аттрактору** (отсюда известная формула «Святая Русь»), что и обусловило, скажем так, главенство «небесного» над «земным» в качестве системообразующей характеристики русской национальной психологии. Практически это проявлялось и проявляется сейчас как неясная *тоска по Смыслу-Альтернативе* = жить для чего-то иного, нежели «все возрастающее потребление высококачественных товаров и услуг». С этим же связана вера в великое предназначение России, которая призвана дать остальным «смысл-альтернативу» (формула «Москва – Третий Рим»). Это требует интерпретировать содержание российского этноаттрактора как *Долг, возложенный Создателем на Россию, как ее национальную идею*.

Итак, российский суперэтнос в силу особенностей возникновения получает (по Оригену) «своей ручеек» от «основного потока розового масла». Поэтому всякий, живущий в России, может подключиться к Главному Аттрактору, просто **почувствовав особую эмоциональную связь со страной**¹.

Докажем это утверждение, рассмотрев некоторые «ключевые точки» отечественной истории XX столетия. Но сначала — несколько замечаний. Существует давняя исследовательская традиция. Она исходит из того, что, с одной стороны, Россия, а с другой – Европа и США «реализовали» различные «модели христианизации». Например, А. Ельчанинов и П. Флоренский [Ельчанинов, Флоренский 1991] подчеркивали, что Русская православная церковь всегда придавала гораздо большее значение участию человека в обрядах, чем собственно изучению им принципов вероучения. «Участие в богослужении, – отмечали авторы, – более спасительное дело, чем чтение Евангелия».

Речь не о том, «чья модель лучше!» Результаты «усмирения звериного начала» в обоих случаях практически не отличались – речь о *механизме* такого «усмирения»! В одном случае («западная модель») Церковь обращается преимущественно к *разуму* людей, стремясь сделать так, чтобы основные принципы вероучения превратились в *убеждение* личности. Ясно, что убеждение, раз сформировавшись, как «регулятор поведения» способно «действовать» в любых условиях. В российской же «модели» задача сформировать убеждение у *большинства* населения не являлась главенствующей. И поэтому в данном случае принципы вероучения выполняют роль «Водителя», *только* если человек жестко «включен» в религиозную обрядность под руководством Церкви.

(Вот приблизительная иллюстрация только что сказанному: школьников-первоклассников двух параллельных классов учат письму. Но так, что вскоре ученики одного класса умеют «держат строчку» даже на неразлинованном листе бумаги. Ученики же из другого класса, привыкнув только к разлинованному листку, мгновенно теряются, обнаруживая перед собой листок без линеек: им словно не хватает поводья.)

Очень важна в этой связи мысль Н. Бердяева [1990]. Русский народ, – писал он, – получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Православная

¹ Миссия России будет выполняться и по отношению к людям, живущим за ее рубежами. Об этом см. ниже.

Церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твердые очертания и ясные кристальные критерии добра и зла. Русская душа оставалась в безбрежности, она не чувствовала грани и расплывалась. Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры (точнее, от Церкви) оставляло крепкий осадок в форме культуры, добродетелей цивилизации. *Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма... Самый трудный удел – удел русской души,* – указывает Бердяев.

А теперь посмотрим, как все складывалось практически. В нашей истории XX в. был уникальный период, когда уровень участия Русской православной церкви в общественной жизни в значительной степени **приблизился к нулю**. Как известно, вскоре после октября 1917 г. большевиками была развернута кампания по «борьбе с религиозными пережитками»: на фоне мощнейшей и чрезвычайно агрессивной пропаганды «научного атеизма» закрывались и осквернялись монастыри, храмы; позже начались аресты священников, монахов, рядовых верующих. Иначе говоря, людей практически лишили возможности регулярно участвовать в религиозной обрядности: «поводырь» **исчез!**

На первый взгляд, в таких условиях в советском обществе немедленно должен был произойти «нравственный обвал». Однако был ли он в действительности? Отнюдь. Кончилась Гражданская война, неизбежное «военное ожесточение» понемногу улеглось. А «инстинкты и эгоизм» превалирующими отнюдь не стали! Напротив, жертвенность и бескорыстие снова становились главными мотивами поступков многих людей и в мирное время, и тем более в годы Великой Отечественной войны, как на фронте, так и в тылу.

Почему же не произошло «нравственного обвала»? А потому, что включился *фактор*, который «не допустил» его! Таким «фактором» стал российский этноаттрактор, «подключивший» население всей страны к Главному Аттрактору.

Означает ли это, что анализ А. Ельчанинова, П. Флоренского и Н. Бердяева неверен? Не означает. Исследуя перечисленные вопросы, эти мыслители не могли зафиксировать появления фактора, результаты действия которого *еще не успели* проявиться.

Каким же образом «включился и начал работать» российский этноаттрактор?

Выше отмечалось, что любой человек, живущий на территории России, может «превратить» ее в «посредника» между собой и Главным Аттрактором – без каких-либо специальных усилий воли, а лишь установив *особую эмоциональную связь со страной* (и, конечно, честно работая на своем месте). Вот условия для установления подобной связи.

Первое. Люди, оценивая результаты работы российского политического руководства, должны чувствовать, что эти результаты *соответствуют* их интересам. Это создает у критического большинства особый эмоциональный настрой: «моя страна».

Второе. Политическое руководство страны провозглашает в качестве высшей национальной цели *поиски Смысла-Альтернативы*.

Взаимодействие первого и второго условий автоматически «подключает» российское общество к российскому этноаттрактору. А оно в силу особенностей российского этноаттрактора оказывается и «в луче» Главного Аттрактора.

Покажу, что впервые в отечественной истории условия для формирования у граждан России эмоционального состояния «*моя страна*» сложились после октября 1917 г.

Сначала позиция Ю. Власова (между прочим, радикального критика большевизма). Он пишет, что русский народ видел в вождях большевизма как бы часть себя. Вожди большевизма выражали пусть не все, но часть каких-то очень важных свойств души народа. Именно поэтому народ согласился принести такую икупительную жертву ради претворения идей большевизма в жизнь. Эти идеи смутно присутствовали в душе народа. Народ чувствовал себя творцом и исполнителем великой исторической миссии. Это ему не только внушали, он это нес в своей душе [Власов 1992].

В самом деле, большевики ведь провозгласили своей целью реализовать новый тип справедливого общественного устройства без частной собственности на основные средства производства и без эксплуатации человека человеком. Они, иначе говоря, предложили Смысл-Альтернативу: как писал Ленин, золото – только как материал для строительства общественных туалетов!

И неудивительно, что эти идеи встретили *отклик* у людей, словно были узнаны.

«Ключевые точки» этого «процесса узнавания» называет И. Эренбург [1963]. Вот фрагмент из его статьи, опубликованной в однодневной литературной газете «Ленин», вышедшей в день похорон (январь 1924 г.): «Разве не ему принадлежат слова – “Мы ошибались, мы много раз ошибались!”? Да, здесь могли быть срывы и ошибки, ибо здесь была жизнь. А там, среди грустных сизых домов, в стране, где краснобаи не устают говорить о свободе, о величии личности, там не оказалось ни героев, ни строителей, ни вождей. Там не могло быть ошибки: там не было жизни... Пусть дом не достроен. Пусть в нем очень трудно и холодно. Но ведь стены его растут».

Эта эмоциональная оценка подводит чрезвычайно важный итог. Однако на практике все было много сложнее.

Например, в период нэпа чувство «*дом не достроен, но его стены растут*» будто «сжалось»: много было тех, кто воспринял новую экономическую политику как предательство идеалов революции. Психологически точно этот момент изображен И. Эренбургом в романе «Рвач». Герой романа, молодой человек, приезжает в Москву в 1921 г. Вот его переживания: «Выросший в артиллерийско-пайковой атмосфере военного коммунизма, всемерно преданный его недвусмысленным навыкам он (герой романа. – Ю. К.) никак не мог расшифровать путанного облика Москвы, переживавшей тогда первый год нэпа. Наш герой растерянно оглядывался где-то на Петровке – *ему казалось, что он обойден с тыла коварным противником*». Вскоре герой романа получил возможность почувствовать новую атмосферу в стране, так сказать, изнутри – его пригласили в ресторан, чтобы сделать «деловое предложение». «Тогда было одно, а теперь совсем другое! – говорит герою романа его собеседник, – разве я против революции? Да она наша кормилица! Прежде здесь (в ресторане. – Ю. К.) всякие там сиятельства зады полировали. А теперь сиятельства в Константинополе сапоги

ваксят... Ты не понимаешь, где пульс! Вот вчера мы перепродали кооперативу “Электрик” бязь “Текстиля”. А все счета – горторгу в Баку. По четыреста “лимонов” за подпись плюс ужин в ресторане... А если ты войдешь в дело – мы весь мир перевернем! Нам партийный (герой романа вступил в партию на фронте. – Ю. К.) прямо-таки до зарезу нужен. Я, сам знаешь, не разиня. Ты тоже хвост не станешь сосать! Плюс партбилет! Да мы всю Ресефесер купим! Шик пойдет – шампанское с утра вместо чая!» А когда наш герой решил с помощью кулаков разьяснить, что он «не за то проливал кровь в гражданскую», официант строго унял его со словами: «Извольте, гражданин, не скандалить. *Это вам не семна-дцатый!*»...

...Однако «мобилизационный сценарий», развернутый Сталиным с конца 1920-х гг. вернул очень многим людям ощущение, что «дом не достроен, но его стены растут». Это закономерно: Сталин ведь провозгласил **окончание отступления**. Он объявил об индустриализации и коллективизации *как о новом этапе* «строительства социализма»! Социализм же (как было ясно тогда для значительной части населения страны) – это когда люди станут жить *не по «законам чистогана»*. У людей **снова** появился Смысл-Альтернатива.

И их реакция не заставила себя ждать! Опять процитирую И. Эренбурга [Эренбург 1964]. Вот как он, тогда корреспондент газеты «Известия», передал атмосферу 1932 г.: «Время было необычайное; вторично шквал потряс нашу страну; но если первый – в годы гражданской войны – казался стихийным, был связан с борьбой между различными классами, с гневом, ненавистью, тоской – то коллективизация и начало строительства тяжелой индустрии, разворошившие жизнь десятков миллионов, были определены точным планом, неотделимы от колонок цифр, подчинены не взрывам страстей, а железным законам необходимости».

Хочу быть правильно понятым. Ведь 30-е гг. – это еще и сотни «красных эшелонов» со «спецпереселенцами» на Восток, и голод в самых плодородных районах страны с многочисленными случаями каннибализма; система ГУЛАГа; морские «этапы» (1400 миль по Японскому и Охотскому морям) в трюмах парохода «Джурма» из бухты Находка (из владивостокской «пересылки») до бухты Нагаева (до Магадана, «столицы Колымского края»); золотые прииски и оловянные рудники Дальстроя, и многое другое...

Я просто утверждаю, что были люди, множество людей, которые ощущали тогда жизнь, как землекоп с трассы Москва – Донбасс, о нем писал И. Эренбург: «Да мы в сто раз счастливее проклятых капиталистов! Они жрут, жрут идохнут – сами не знают, для чего живут! Такой прогадает, смотришь – и повесился на крюке! А мы знаем, для чего живем: мы строим коммунизм. На нас весь мир смотрит!». Или как девушка из маленького села под Томском: «Очень трудно все понять, но я учусь. Я в город поеду. Теперь если хочешь учиться – все тебе открыто. Такая я счастливая – что не скажешь!» [Там же].

И – одно из суждений, сделанных Лионом Фейхтвангером в период его десятидневного пребывания в Москве [Фейхтвангер 1937]: «В любви советских людей к своей Родине, хотя эта любовь и выражается всегда в одинаковых, подчас довольно наивных формах, я тоже не могу найти ничего предосудительного. Я должен, напротив, признаться, что мне даже нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей. *Молодой народ ценой неслыханных жертв*

создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому и ждет, чтобы и все чужие подтвердили ему, как прекрасно и грандиозно это достигнутое».

Таким образом, к концу 1930-х гг. в СССР на практике были созданы условия, формирующие эмоциональный настрой «моя страна». Подобный настрой в сочетании с официально заявленной целью как Смыслом-Альтернативой («построение справедливого общества без частной собственности на основные средства производства и без эксплуатации человека человеком») создало необходимые и достаточные условия для формирования «энергоинформационной вертикали» такого вида: *Главный Аттрактор – Российский этноаттрактор – СССР.*

«Представителем» этой «вертикали» для граждан СССР по праву являлся Сталин, усилиями которого она и была создана. Поэтому для установления личной связи с Главным Аттрактором человеку, живущему в Советском Союзе, достаточно было лишь знать, что «*Сталин – на посту*».

Подведу **промежуточный итог**. Отсутствие «нравственного обвала» после того, как уровень участия РПЦ в общественной жизни России в результате Октябрьского переворота приблизился к нулю, можно объяснить **только одним**: практически в это же время начал функционировать российский этноаттрактор. Но аргументация может быть продолжена.

Как известно, с конца 80-х гг. прошлого века начался и заметно ускоряется ныне процесс повышения роли РПЦ в жизни российского общества: восстанавливаются старые и строятся новые храмы, монастыри, открываются духовные учебные заведения; издаются значительными тиражами книги, посвященные разным аспектам вероучения и церковной истории; значительное место вопросы жизни Церкви занимают в программах ТВ; в стране прекращена целенаправленная пропаганда идей «научного атеизма» и т. д.

Однако зафиксировано ли соответствующее повышение уровня «коллективной нравственности» россиян или хотя бы того поколения, которое вошло в жизнь после 1988 г.?

Нет. Более того, сегодня мотивы поведения значительной части россиян (в особенности части молодежи) все заметнее выходят за рамки «нравственного поля»: в их поступках все больше главенствуют либо выгода, либо право силы, либо почти не контролируемые инстинкты.

Почему? Дело в том, что сегодня практически *разрушена* «энергоинформационная вертикаль»: *Главный Аттрактор – российский этноаттрактор – Россия.* А одна только РПЦ не в состоянии обеспечить «возвращение» российского общества «в луч» Главного Аттрактора.

Вопрос этот – наисложнейший. Отмечу здесь лишь главное: ни социализм (общественное устройство без частной собственности и без эксплуатации человека человеком), ни тем более коммунизм (общественное устройство качественно более высокого уровня, устроенное на базе принципа «от каждого по способностям – каждому по потребностям») в рамках «парадигмы эпохи Просвещения» построить нельзя.

Ибо даже для *начала* работы по практическому воплощению всех указанных принципов требуются люди, у которых уже в значительной степени сформирована высшая нравственность, а на этой базе – принципиально иная структура потребностей, новое отношение к труду на общество, к природе и к окружающим.

Между тем и то и другое в необходимом (*массовом*) масштабе достигается только как *результат* достаточно долгой жизни в условиях мировоззренческого синтеза (то есть «в луче» Главного Аттрактора)!

Значит, созданная в СССР к концу 30-х гг. «конструкция» однажды *не могла не обрушиться*. И под этим углом зрения послевоенную отечественную историю следует рассматривать как процесс постепенного «выпадения» страны «из луча» Главного Аттрактора через ее «отрыв» от российского этноаттрактора. Здесь действовало несколько факторов. Покажу лишь один.

К концу 1950-х гг. в США и в СССР началось серийное производство ядерного и термоядерного оружия, а также стратегических бомбардировщиков – его носителей. Это стало **вехой**: отныне **в принципе** больше нельзя было рассчитывать на новую мировую войну как на способ борьбы с мировым капитализмом за «**окончательную** победу социализма» в СССР. И значит, «перестал работать» мобилизационный сценарий как всесторонняя подготовка страны к будущей войне: не стало больше **конкретного, понятного для большинства** «маршрута борьбы» за Смысл-Альтернативу.

Естественно, народу, стране потребовалась другая «целеустремляющая установка».

Она была вскоре предложена: «*борьба за удовлетворение растущих потребностей советских людей*». Все вроде правильно: после войны вопрос о быстром повышении уровня жизни населения Советского Союза встал чрезвычайно остро. Но, с другой стороны, подобная «целеустремляющая установка» не могла не сделать из граждан СССР то, что делает неожиданный приказ остановиться из армии, атакующей в едином порыве, вдохновленной и опьяненной уже одержанными победами...

Это и понятно: типов установок *подобного* масштаба может быть всего два. Первый: когда людей устремляют **к Небу**. Второй: когда людям предлагают смотреть **себе под ноги**. Поскольку первый тип (страна живет во имя Смысла-Альтернативы) отпал, остался второй. Результат: СССР вскоре «ушел» с *единственного* органичного для себя «поля» на чужое, где действовали совсем другие правила! Теперь могущество СССР нужно было оценивать не по числу танковых армий, воздушно-десантных дивизий и количеству выплавленной за год стали. Главным стала оценка условий **личной** жизни его граждан: к примеру, число телефонных аппаратов в частном пользовании; количество автомобилей в личной собственности; размер жилплощади на одного человека и пр. На *таком* «поле» СССР сделался банальной «догоняющей страной».

Итог: система акцентов массового сознания, которые сложились в 30-е гг., оказалась разрушенной. Ведь «интегральным чувством» в те годы являлась *гордость за СССР* как за страну, которая указывала всему человечеству путь к новому миру. Теперь же Советский Союз начал «играть» по чужим правилам – «критерии успешности» стали совсем иными, и оценка результатов по *таким* критериям вызвать у его граждан гордость за свою страну уже не могла. А уход СССР с прежнего «поля» (тем более исчезновение в 1991 г. Союза Советских Социалистических Республик как субъекта общечеловеческой миссии) было воспринято многими и многими как признание ошибочности пути, избранного в октябре 1917 г.

Однако выше подчеркивалось, что только *особая эмоциональная связь со страной* может обеспечить человеку, живущему в России, подключение к Главному Аттрактору! А при возникновении *критического* числа граждан, потерявших такую связь, российское общество выпадет из его «луча». Любая нелинейная система, оказавшись в таком состоянии, скоро «теряет ориентиры»...

Конечно, важна активность Русской православной церкви. Однако под ее постоянным «ценностным» влиянием находятся только по-настоящему верующие люди, а таких – немногим более 10 % населения страны. И поэтому только РПЦ не в состоянии вернуть Россию «в луч» Главного Аттрактора.

Значит, встает вопрос о необходимости скорейшего **восстановления «энергоинформационной вертикали»**: *Главный Аттрактор – российский этноаттрактор – Россия.*

В качестве «исходного шага» на этом пути гражданам России *должен быть предложен новый Смысл-Альтернатива*: добровольное принятие Россией на себя бремени **особого лидерства** как возвращение к исполнению Долга, который некогда был возложен на Россию Создателем. Логика же такого лидерства такова:

- «вывести» западное человечество из сложившегося сегодня «смыслового тупика» может лишь Главный Аттрактор;

- сегодня западное человечество пребывает вне его «луча»;

- «вернуть» его «в луч» Главного Аттрактора способна лишь Россия.

И о принятии Россией бремени особого лидерства должен объявить Президент РФ в своем обращении к гражданам страны.

Во-вторых, должна быть разработана и принята система первоочередных мер, направленных: а) на «закрытие» катастрофического сценария, которым ныне идет российское общество; б) на создание исходных условий для «запуска» нового сценария, обеспечивающего развитие экономики страны в национальных интересах. Это быстро возродит у большинства населения России эмоциональное состояние «*моя страна*», что в сочетании с принятием Россией на себя бремени особого лидерства (как Смысла-Альтернативы) создаст необходимые и достаточные условия для **восстановления «энергоинформационной вертикали»**.

И тогда включится механизм самоорганизации, **гарантирующий** развитие российского общества со знаком плюс.

Особое лидерство России по отношению к Западу, как отмечалось выше, означает ее способность вернуть «в луч» Главного Аттрактора *и тех, кто не проживает* на ее территории.

Для этого необходимо обеспечить любому жителю Земли возможность почувствовать, что его физическое выживание в предстоящие годы будет зависеть только от принципиальности России в международных делах. И тогда в мире постепенно сложится критическое количество людей, у которых возникнет особое эмоциональное отношение к нашей стране – «Россия-спаситель». То есть Россия, сама вернувшись «в луч» Главного Аттрактора, будет способна выполнять функцию посредника и для этих людей.

Как это должно выглядеть на *операциональном* уровне?

Как инициатива президента России в отношении мирового общественного мнения по разработке *стратегии «Новый маршрут для объединенных наций»*. Вот ее суть:

● Все страны сегодня – это «пассажиры одной лодки», плывущей по очень беспокойному океану.

● Даже попытка кого-то из «пассажиров», оттолкнув другого, занять более безопасное место чревата опрокидыванием лодки и гибелью всех.

Однако этот план не должен превратиться в очередную *утопию*. Поэтому **конкретной задачей** должна стать система мер по предотвращению новой мировой войны. Понятно, что эти вопросы требуют отдельного разговора.

Литература

- Асланов Л. А. Культура и власть. М. : ИТРК, 2001.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства. М. : ИМА-ПРЕСС, 1990.
- Власов Ю. Огненный крест. Ч. 2. М. : Новости, 1992.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Эксмо, 2007.
- Ельчанинов А., Флоренский П. История религии. М. : Центр «Руник», 1991.
- Ориген. О началах. Казань, 1899.
- Соловьев В. С. Три силы. Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1989.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
- Фейхтвангер Л. Москва 1937 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/inproz/fejhtwanger/moscow1937.txt>
- Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М. : Художественная литература, 1964.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

В. И. ВЕРНАДСКИЙ – ВЕЛИКИЙ НАУЧНЫЙ НОВАТОР И ГУМАНИСТ

(к 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского)

Чесноков В. С.

к. э. н., ученый секретарь комиссии РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского.

E-mail: alexagr@mail.ru

Статья посвящена научному творчеству В. И. Вернадского, который возглавлял Комиссию по изучению естественных производительных сил при Академии наук (КЕПС) и среди новых научных направлений основал радиогеологию и концепцию автотрофности человечества.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, научный новатор, организатор сети новых научно-исследовательских институтов.

The article covers the work of V. I. Vernadsky who was in charge of the Commission for Research in Natural Productive Forces, the Academy of Sciences, and among other new scientific disciplines founded radiogeology and the concept of autotrophy of humankind.

Keywords: V. I. Vernadsky, scientific innovator, founder of new research institutes.

Страницы биографии

Владимир Иванович Вернадский родился 12 марта 1863 г. в Петербурге в семье известного экономиста профессора Ивана Васильевича Вернадского. Володя рано пристрастился к чтению в богатой домашней библиотеке отца, который прививал в семье культ науки. Его мать Анна Петровна была яркой личностью, умной и одаренной женщиной. После окончания гимназии в 1881 г. В. И. Вернадский поступил на естественное отделение физико-математического факультета столичного университета. В то время он с большим увлечением прочитал в подлиннике «Космос» и «Картины природы» А. Гумбольдта, который писал о сфере жизни, «всеоживленности» земной поверхности, техносфере, а в конце I части «Космоса» подводил читателя к сфере разума (интеллектосфере). Он считал, что в высших сферах жизни органического мира властвуют законы другого, таинственного рода: в законах рода человеческого, многообразно деятельного, одаренного силой духа, созидającego язык свой. Физическая картина природы указывает границу, за которой начинается *сфера разума* и где далекий взгляд погружается в другой мир.

В Петербургском университете профессорский состав был превосходным. В 1939 г. В. И. Вернадский писал в юбилейный комитет по случаю 120-летия уни-

верситета: «Я старый студент Петербургского Университета выпуска 1885 г., в блестящую пору его жизни – ученик Докучаева, Менделеева, Фаминцына, Глазенапа, Иностранцева, Бекетова, Меншуткина, Костычева, Воейкова, Фандерфлита, Петрушевского, Богданова, Вагнера. Все мое университетское прошлое оказало решающее влияние на мою жизнь» [АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1978. Л. 1].

В. В. Докучаев был его руководителем по кристаллографии и минералогии. На первом курсе В. И. Вернадский вошел в кружок студентов-почвоведов, которым руководил Докучаев. Среди юных почвоведов были такие известные в будущем ученые, как В. К. Агафонов, К. Д. Глинка, А. Н. Краснов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Н. М. Сибирцев и др. Вместе с ними В. И. Вернадский исследовал почвы Нижегородской и Полтавской губерний.

Наряду с научной работой он участвовал в общественной жизни университета. В студенческом научно-литературном обществе В. И. Вернадский познакомился с П. Я. Шевыревым, И. Д. Лукашевичем, В. В. Водовозовым, А. И. Ульяновым (секретарем общества). В кружке по изучению литературы для народа у него на всю жизнь завязалась крепкая дружба с А. Н. Красновым, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбургими, Д. И. Шаховским, А. А. Корниловым, И. М. Гревсом и др. В этом кружке В. И. Вернадский познакомился со своей будущей женой Н. Е. Старицкой, с которой прожил 56 лет, по собственному выражению, «душа в душу и мысль в мысль». По окончании университета члены кружка решили купить на общий счет маленькое имение (временный приют), чтобы собираться летом и согласовывать свою общественную деятельность. Отсюда имение было названо «Приютино», а члены кружка – «приютинцы».

В 1886 г. возникает Братство, поводом к образованию которого послужили выступления в Петербурге В. Фрея (В. К. Гейнса), проповедника новой позитивной «религии человечества», в которой переплетались идеи утопического коммунизма, народнического демократизма и гуманизма. Фрей изложил «приютинцам» свои основные догматы. После этого Д. И. Шаховской выразил сущность подхода к философии жизни в трех аксиомах: так жить нельзя; все мы ужасно плохи; без Братства мы погибли. Исходя из этих аксиом он предложил правила жизни: работать как можно больше, потреблять (на себя) как можно меньше, на чужие нужды смотреть как на свои. В общественной жизни 1890-х гг. – начала XX в. деятельность членов Братства шла по нескольким направлениям: распространение народного образования, участие в земском и политическом движениях, помощь голодающим.

В 1885 г. В. И. Вернадский окончил университет и занял должность хранителя Минералогического кабинета Петербургского университета. В 1888 г. он был командирован на два года за границу с целью проведения научных экскурсий по Европе. В Лондоне на IV сессии Международного геологического конгресса (1888 г.) Вернадский познакомился с профессором Московского университета А. П. Павловым и его женой. Через два года Павлов по рекомендации Докучаева пригласил Вернадского в качестве приват-доцента в Московский университет. Преподавание В. И. Вернадского в Московском университете длилось 20 лет. В 1911 г. он вместе с большой группой профессоров и преподавателей покинул университет в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо и переехал в Петербург для работы в Академии наук. В 1906 г. В. И. Вернадский был избран членом-адъюнктом Императорской Академии наук, а в 1912 г. – ее ординарным академиком. В 1905 г. он вступил в конституционно-

демократическую партию, был членом ее ЦК, в 1906 г. избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов.

Летом 1917 г. В. И. Вернадский вошел в состав Временного правительства и стал товарищем министра народного просвещения. Министром был его соратник и друг С. Ф. Ольденбург. После октябрьских событий 1917 г. и ареста министров Временного правительства в подполье был образован Малый совет министров, в состав которого вошел и Вернадский. После публикации воззвания «От Временного правительства», в котором правительство большевиков объявлялось незаконным, Вернадскому удалось бежать на Украину. В 1918 г. он основал Украинскую Академию наук и стал ее первым избранным президентом. Весной 1920 г. его пригласили прочесть курс лекций по геохимии в Таврическом университете в Симферополе, осенью 1920 г. В. И. Вернадский был избран ректором этого университета. В конце 1920 г. в Крым вошли части Красной Армии. Вместе с ними прибыл первый народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. По его указанию в феврале 1921 г. Вернадскому и его семье был предоставлен отдельный вагон в санитарном поезде, отправлявшемся в Москву.

В 1921 г. ректор Сорбонны П. Аппель пригласил Вернадского прочитать курс лекций по геохимии. Ученый проработал во Франции с 1922 по 1925 г. и вернулся уже в Ленинград в 1926 г. Итогом его научной командировки явились изданные на французском языке монография «Геохимия» (1924) и новаторская статья «Автотрофность человечества» (1925); на русском языке – монографии «Биосфера» (1926) и «Очерки геохимии» (1927), а также целая серия публикаций по проблемам геохимии, биогеохимии и радиогеологии.

После возвращения из Франции В. И. Вернадский создал Отдел живого вещества при КЕПС (1926 г.), преобразованный в самостоятельную биогеохимическую лабораторию (1928 г.).

Приняв установленную Вернадским биогеохимическую основу биосферы за исходное, последователь А. Бергсона французский математик и философ Э. Леруа в своих лекциях в Коллеж де Франс ввел в 1927 г. понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он пришел к такому представлению вместе с геологом, палеонтологом и теологом П. Тейяром де Шарденом. В письме к Б. Л. Личкову от 15 ноября 1936 г. В. И. Вернадский сообщал, что он вводит новое понятие – «ноосфера», которое предложено Э. Леруа и «которое позволяет ввести исторический процесс человечества как продолжение биогеохимической истории живого вещества».

К началу XX в. основными процессами, преобразующими лик Земли, считались работа рек, ветра, ледников, морских волн, вулканов. Перед этими грозными стихиями отдельный живой организм выглядел беспомощным. Учение о геологической роли организмов В. И. Вернадского стало подлинной революцией в естествознании. На земной поверхности, писал ученый в «Биосфере», нет химической силы, «более постоянно действующей», а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. Все человечество как часть живого вещества планеты представляет ничтожную массу ее вещества. Мощь человечества связана не с его материей, но с его мозгом, разумом и направляемым этим разумом трудом.

«В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление <...> В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы планеты в космическое пространство.

И, вероятно, выйдет» [Вернадский 1944: 117–118]. Космический мотив в творчестве В. И. Вернадского отмечался неоднократно. Запись в его дневнике 24 ноября 1930 г.: «Мы видим сейчас как ясную и исполнимую задачу ближайшего будущего захват человеком Луны и планет». Дневниковая запись 20 мая 1931 г.: «Человек выйдет из своей планеты. То, что явилось в фантазиях XVIII в., и у Жюль Верна, или Лассвица – то сейчас для моих детей м[ожет] б[ыть] будет реальностью?». В статье «Изучение явлений жизни и новая физика» (1931) В. И. Вернадский пишет: «Мы видимо, выходим за пределы планеты, так как все указывает, что действие – геохимическое – разума, жизни цивилизованного человечества не остановится размерами планеты». Та же мысль дважды высказывается в вышедшей в свет после кончины ученого его «книге жизни»: «...мы видим в нашей социальной среде проявление – стихийное стремление – для некоторых личностей в реальных мечтаниях и действиях вырваться из нашей планеты, проникнуть конкретно на построенных ими аппаратах за пределы Земли, в другие миры Космоса. Это стихийное стремление, надо думать, рано или поздно выльется в фактические результаты» [Он же 1965: 61]. «Создание и развитие авиации позволили человеку проникнуть, правда, сперва только в нижние слои стратосферы, и развитие техники позволило подойти реально к веществу нижней границы биосферы <...> Реально начинает рассчитывать человек о выходе в космическое пространство» [Там же: 270].

«Может ли строго мыслящий натуралист признать, – спрашивал В. И. Вернадский в статье “Изучение явлений жизни и новая физика”, – что в эволюции форм жизни разум *Homo sapiens faber* есть конечное, максимально возможное, окончательное проявление духовных достижений организованных существ? Или надо думать, что здесь на Земле в данное геологическое время перед нами развернулось только промежуточное выявление духовных возможностей жизни и что в Космосе где-нибудь существуют ее более высокие в этой области проявления?». «“*Homo sapiens*” не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое, и, несомненно, будут иметь будущее, которые имели менее совершенный мыслительный аппарат, чем его, и будут иметь более совершенный, чем он имеет» [Он же 1991: 69].

Вершиной творчества В. И. Вернадского является разработанное им учение о биосфере Земли и неизбежности эволюционного преобразования ее в сферу человеческого разума – ноосферу. По убеждению ученого, рано или поздно создание ноосферы станет целью государственной политики и социального строя: «Научная мысль при правильном ходе государственной работы не должна сталкиваться с государственной силой, ибо она является основным источником народного богатства, основой силы государства. Борьба с ней – болезненное, проходящее явление в государственном строе» [Там же: 97–98].

Особое место среди трудов В. И. Вернадского занимает монография «Научная мысль как планетное явление», написанная в основном в 1937–1938 гг. Как отмечал академик А. Л. Яншин, «следует признать, что это первый во всей мировой литературе опыт обобщения эволюции нашей планеты как единого космического, геологического, биогенного и антропогенного процесса. В работе вскрывается ведущая преобразующая роль науки и социально организованного труда человечества в настоящем и будущем планеты. Научная мысль, наука рассматривается и анализируется как важнейшая сила преобразования и эволюции планеты» [Там же: 9].

При жизни ученого его идеи не были восприняты научным сообществом. 20 июня 1931 г. он записывает в дневнике: «Впереди время науки – царство крупных диктаторов-ученых. Сейчас попытка провести это при помощи ученых – поставленных почти в положение рабов (а иногда прямо в положение рабов) – но на этом прочного ничего не построить. Верен идеал – царство науки. В разговоре с коммунистами многими я не скрываю своих мыслей. Мне чужд капиталистический строй, но и чужд здешний. Царство моих идей впереди <...> Я, конечно, до этого не доживу».

В начале войны В. И. Вернадский с группой пожилых академиков был эвакуирован на курорт Боровое Казахской ССР, где прожил два года. Здесь в феврале 1943 г. умерла и была похоронена его жена Н. Е. Вернадская.

Запись в дневнике В. И. Вернадского 11 сентября 1942 г.: «Вчера читал Ленина, том 15. В статьях Ленина, к моему удивлению, не только чувствуешь большую умственную силу, что мне всегда было ясно, но очень глубокий прогноз политический понимания исторического процесса».

В марте 1943 г. в связи с 80-летием ученый был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему была присуждена Сталинская премия 1-й степени (200 000 руб.) за выдающиеся работы по минералогии и геохимии. Половину премии он пожертвовал на нужды Красной Армии, вторую половину потратил на материальную помощь нуждающимся коллегам и семьям сотрудников, сражающихся на фронте и подвергшихся репрессиям. 27 июля 1943 г. В. И. Вернадский посылает статью «О ноосфере» в редакцию газеты «Правда» и лично И. В. Сталину с письмом к нему, в котором указывает на значение своей статьи. Ответа не последовало. Статья появилась в печати в 1944 г. [Вернадский 1944].

24 августа 1943 г. Вернадский уезжает из Борового в Москву. Он скончался 6 января 1945 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Среди его учеников такие выдающиеся ученые, как А. П. Виноградов, А. Е. Ферсман, К. П. Флоренский, В. Г. Хлопин, Д. И. Щербаков и многие другие. Идеи В. И. Вернадского продолжают определять развитие многих областей современной науки. В 1953 г. в ГЕОХИ им. В. И. Вернадского АН СССР был открыт кабинет-музей, посвященный жизни и творчеству ученого. Первым его хранителем стала А. Д. Шаховская, дочь ближайшего друга Владимира Ивановича со студенческих лет – Д. И. Шаховского.

Научно-технический тандем: КЕПС и ГОЭЛРО

Одной из обязанностей Академии наук, исполнение которой всегда стояло на одном из первых мест ее деятельности, было научное исследование природных богатств страны, начатое в первые десятилетия существования академии. Проблема слишком велика, и никогда не ставилась достаточно широко задача планомерного ее разрешения, отмечал В. И. Вернадский на заседании физико-математического отделения АН 8 апреля 1915 г.

В первой трети XX в. в России почти одновременно возникли две совершенно новые структуры, нацеленные на подъем народного хозяйства, исследование и развитие производительных сил страны. Обе эти структуры закончили свою деятельность к началу 1930-х гг.

Во-первых, это Комиссия по изучению естественных производительных сил при Академии наук (КЕПС), возникшая по инициативе академика В. И. Вернадского в годы Первой мировой войны. Эта война вызвала не только необходимость подъема культурной и научной работы для нашей устойчивости в мировой жизни.

Перед русским обществом неожиданно открылась недопустимая для сильной и здоровой страны экономическая зависимость от Германии.

21 января 1915 г. В. И. Вернадский огласил на заседании физико-математического отделения Академии наук заявление о необходимости организации Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Помимо Вернадского заявление подписали академики Н. И. Андрусов, князь Б. Б. Голицын, А. П. Карпинский и Н. С. Курнаков. В заявлении отмечалась необходимость развития производительных сил России, роста отечественной промышленности, земледелия и торговли. Необходимым условием роста исследований в области естественных производительных сил академики считали создание сети новых научно-исследовательских институтов.

Во-вторых, это Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), возникшая уже при новом строе. Комиссия ГОЭЛРО была сформирована в феврале 1920 г. во главе с Г. М. Кржижановским. ГОЭЛРО – первый единый перспективный план восстановления и развития народного хозяйства страны, рассчитанный на 10–15 лет. План предусматривал коренную реконструкцию народного хозяйства на базе электрификации. Намечалось строительство 30 районных электростанций, в том числе 10 гидроэлектростанций общей мощностью 1,75 млн кВт и годовой выработкой 8,8 млрд кВт/ч электроэнергии.

«Мы живем в нищете среди сказочных возможностей, голодаем и нищенствуем среди величайших богатств. Мы этих богатств в доброй мере и не знаем и не можем быстро и точно узнать благодаря той же обстановке бедности. Средств и условий, необходимых для этой работы, в достаточной мере никогда не было: их нет и в настоящее время», – писал В. И. Вернадский [1926: 4]. Успехи в развитии геологии, минералогии, ботаники, зоологии увеличивают наше знание естественных производительных сил. Однако это влияние косвенное, оно накапливается и сказывается только спустя десятилетия работы. Прежде всего необходимо было дать описание того, что известно. Это учет сил гидроэнергии, полезных ископаемых, описание полезных растений и животных, обзор перерабатывающих производств, основанных на использовании полезных ископаемых и биологических ресурсов.

В 1915 г. КЕПС намечала не только иметь количественный каталог естественных производительных сил страны, но и оценить степень их перевода в реальную силу. В статье «О задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил в деле организации специализированных исследовательских институтов», написанной в конце 1916 – начале 1917 г., В. И. Вернадский считал главной задачей Комиссии «выяснение и подготовку плана создания в России к концу войны сети исследовательских институтов, связанных с изучением естественных производительных сил нашей страны» [Вернадский 2002: 301]. Предполагалось создать биологический, металлургический, радиевый, физический, химический и другие научно-исследовательские институты.

В 1916 г. начал издаваться журнал «Производительные силы России». В первом номере журнала академик П. И. Вальден опубликовал статью «Основные задачи прикладного естествознания в деле развития производительных сил России». В 1916 г. Академия наук издала 13 очерков, входивших в серию «Материалы для изучения естественных производительных сил России».

Одной из первых задач КЕПС должна была явиться выработка программы действий с учетом необходимости охраны природы. В то время академик И. П. Бородин писал: «Лик Земли подвержен непрерывным изменениям. В современную географическую эпоху наиболее могущественным фактором, вызываю-

щим эти изменения, бесспорно, является человек с его культурой. Под влиянием последней первобытная природа тает “как воск от лица огня”. Девственные леса и степи отходят в область преданий. Вместе с ними исчезает ряд живых существ, животных и растений, не мирящихся с новыми условиями жизни. Угрожающее благосостоянию человека оскудение естественных богатств, как следствие распространяющейся культуры <...> давно вызвали во всех цивилизованных странах ряд законодательных мер, направленных к урегулированию хищнического хозяйства человека» [Бородин 1914: 5; Мировая... 1915: 10–11].

«По мере того, как научное знание все больше охватывает окружающую жизнь, – отмечал В. И. Вернадский в 1915 г. в статье “Об изучении естественных производительных сил России”, – распространяется забота о будущем, об охране для потомства богатств природы, бережного их потребления. Под влиянием этих идей вырабатываются сейчас более совершенные способы добычи и использования сил природы, которые позволяют сохранять значительную часть природы, раньше пропадавшей бесследно» [Вернадский 1922: 9–10].

Вернадский лично был хорошо знаком с негативными сторонами проблемы освоения природных ресурсов на планете. В письме жене 10–11 июля 1890 г. из Кременчуга он писал: «Нет тишины и нет мощи природных сил, которые еще недавно были в степи, которые мы знаем по прежним описаниям и можем восстанавливать на основании немногих уцелевших уголков прежнего мира <...> жизнь мельчает на нашей планете деятельностью человека, остаются одни мелкие звери, а все более крупное, более сильное исчезает и губится невозвратно и беспощадно». В письме от 4/17 августа 1913 г. из Северной Америки описывается та же картина: «Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть – на десятки верст страны – превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена и все для достижения одной цели – быстрой добычи никеля». Из письма А. Е. Ферсману от 4 июня 1911 г. из Миасского завода: «Урал производит тяжелое впечатление тем ужасным расхищением, какое здесь происходит, огромных богатств <...> В 200 лет ни одной порядочной дороги! Леса горят и на 2/3 гибнут даром!»

В статье «О государственной сети исследовательских институтов» (1916) В. И. Вернадский сетовал: «Силы наши ограничены, все мы завалены другими работами, столь же, а может быть, еще более неотложными. Наши силы и наше время ничтожны перед размерами работы, которая поставлена русскому обществу историческим моментом, им переживаемым <...> Несомненно, изучение, учет и использование производительных сил России теснейшим образом связаны с быстрым и правильным разрешением всех государственных задач, поставленных нашему поколению. Очевидно, однако, что эти задачи в значительной своей части, в областях политической и экономической, находятся вне круга ведения нашей Комиссии <...> Ни в обществе, ни в правительстве не было понято и сознано в достаточной мере государственное значение непрерывного широкого и глубокого исследования русской природы, и благодаря отсутствию сознания государственной необходимости и неотложности этой работы, она в течение всего этого времени велась случайно, без ясного плана, без достаточного напряжения <...> Сейчас все поняли необходимость и неотложность планомерного и широкого исследования производительных сил нашей страны, ее природы и ее населения, поняли, что только в подъеме этих сил заключается наше спасение <...> еще никогда у нас не обсуждался вопрос о создании определенной организации этого дела, государственной сети исследовательских институтов, никогда эта задача, как

таковая, не признавалась государственной <...> и, подобно тому, как сейчас составляется план железнодорожного строительства, рассчитанный на долгие годы, подготовляется план водных сооружений, план сети университетов и высших школ – должен быть составлен *план сети исследовательских институтов России*» [Вернадский 1922: 25–28; 31].

Первая мировая война показала человечеству (более чем какая-либо другая война) всю силу и значение научного мышления в деле защиты и нападения. После нее ни одно государство уже не могло из чувства самосохранения допускать ослабление своей научной творческой деятельности. В статье «Война и прогресс науки» (1915) В. И. Вернадский отмечал, что наша экономическая зависимость от Германии носит совершенно недопустимый характер. Необходимо научное исследование и использование своими силами естественных производительных сил страны. Для этого следует произвести их учет и научиться применять их технически.

Он указывал, что в Первую мировую войну был привнесен невиданный ранее размах применения научных знаний. Это применение в будущем сулит еще большие бедствия, если не будет ограничено силами человеческого духа и более совершенной организацией. После войны «и победители, и побежденные вынуждены будут направить свою мысль на дальнейшее развитие научных применений к военному и морскому делу» [Он же 1922: 131–132]. Научное развитие не останавливается войны, являющейся следствием причин, недоступных влиянию ученых. Нынешняя война не явится последней, и «новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собой бедствия военной жизни 1914–1915 гг.» [Там же: 132]. По мере дальнейшего роста разрушительной научной техники охранительная и защитительная силы научного творчества должны быть выдвинуты на первое место для того, чтобы не довести человечество до самоистребления. Мечтам создателей нового оружия «должно быть противопоставлено научное творчество, направленное на защиту от разрушения» [Там же: 133].

В статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (1917) В. И. Вернадский назвал заботу о народном образовании одной из крупнейших задач государственной политики. Государство должно отпустить нужные средства и организовать планомерное, систематическое исследование естественных производительных сил в ближайшие годы, то есть на их научный учет и изучение их свойств. Для этой цели необходимо создание государственной сети исследовательских институтов. «Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации» [Там же: 158]. Для решения поставленных проблем необходимой основой являются геологическая и топографическая карты России.

После Февральской революции Императорская Академия наук стала именоваться Российской Академией наук (май 1917 г.). Большинство ученых весьма сочувственно встретили Февральскую революцию, но не приняли Октябрьский переворот. Вопрос о привлечении Академии наук к государственному строительству при новой власти рассматривался на заседании Совнаркома 16 апреля 1918 г. Было признано необходимым финансировать работы Академии наук. В первые годы советской власти Академия наук находилась в ведении Народного комиссариата по просвещению, который в новых условиях предложил сотрудничать в сфере научной деятельности. В числе научных задач выдвигалось и изучение естественных производительных сил. В период между 18 и 25 апреля 1918 г.

В. И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ», в котором было сказано: «Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России, следует немедленно дать от ВСНХ поручение образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России» [Ленин 1936: 65]. Он считал необходимым ускорить издание материалов КЕПС «изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат Труда» [Там же]. В. И. Ленин требовал обратить особое внимание на электрификацию промышленности и транспорта, использование электричества в земледелии, а также торфа, угля худших сортов для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевозку горючего.

События Гражданской войны, хронический недостаток материальных средств, трудные условия для научной работы, бедность рабочей обстановки, тяжелые внешние обстоятельства не предоставили возможности развернуть научные исследования в нужном темпе, как того требовала суть дела. Несмотря на это, отмечал В. И. Вернадский, в задачи КЕПС с самого начала вошли не только учет, описание имеющихся естественных производительных сил страны и выявление их использования, но и научное их исследование. «Научный путь один и не зависит от тех представлений и идей, которые о нем имеют люди в разные эпохи своего существования. Глубокая истина коренится в древней притче – в ответе Евклида об иных, более легких путях для изучения геометрии. Евклид будто бы ответил одному из царей Пергама или его придворному, искавшим таких путей: “В геометрии нет царской дороги...”» [Вернадский 1926: 8].

В письме Академии наук в Совнарком, утвержденном общим собранием АН 22 ноября 1922 г., говорилось о тяжелом положении ученых и науки. В 1921–1922 гг. в Петрограде и Москве были образованы комиссии по улучшению быта ученых. 10 сентября 1920 г. В. И. Ленин послал записку заведующему отделом топлива Петрокоммуны И. Г. Рудакову: «Прошу Вас снабдить дровами Комиссию по улучшению быта ученых» [Ленин 1967: 210]. В то же время многие ученые были высланы из страны, многие эмигрировали, многие подверглись репрессиям. Все это нанесло большой урон науке. Несмотря на такие условия, продолжался рост научной деятельности.

27 июля 1925 г. ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР». Ее стали именовать АН СССР.

«Мы видим сейчас, – писал В. И. Вернадский, – резкое изменение всей фауны и всей флоры, уничтожение огромного числа видов и создание новых культурных рас <...> вне воли и понимания человека, совершается изменение диких видов организмов, приспособляющихся к новым условиям жизни в измененной культурой биосфере <...> Вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой и правильного распределения богатств, связанный с сознанием единства и равенства всех людей, единства ноосферы, стал на очередь дня» [Вернадский 1991: 51, 144]. В этой связи одним из важных направлений повышения эффективности использования производительных сил В. И. Вернадский считал проблему автотрофности человечества: «Неудержимым ходом не случайного, но закономерного роста научного мышления и волевого его проявления – научного искания – человек подходит к решению одной из величайших практических задач, какие когда бы то ни было стояли перед ним – к независимому от всяких

проявлений жизни и живого *синтезу пищи* <...> разрешение именно этой проблемы – синтеза пищи из ее элементов – является одной из самых глубоких форм использования естественных производительных сил – перевода потенциальных возможностей в действенную, активную для человечества форму» [Вернадский 1926: 5–6].

В записке «О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР» (1928) В. И. Вернадский ставит проблему энергетического выражения естественных производительных сил: «Мы не имеем еще общей единицы для количественного сравнения всех естественных производительных сил или, вернее, не умеем еще все их свести к этой единой единице <...> А между тем необходимо и возможно свести к единой единице все <...> Только при этом условии можно подойти к энергетической картине окружающей человека природы с точки зрения потребностей его жизни» [Он же 1989б: 363–364]. Этой проблемой, как известно, занимались один из его предшественников – С. А. Подолинский и один из его учеников – Н. М. Федоровский. С. А. Подолинский измерял биологические ресурсы в килокалориях, а Н. М. Федоровский предложил классификацию полезных ископаемых на энергетической основе. Он ввел понятие энергоемкости полезных ископаемых – количество киловатт-часов, необходимое для добычи одной тонны сырья и переработки ее до продукта, идущего на заводы и фабрики.

В той же записке (1928) В. И. Вернадский, заботясь об энергетическом обеспечении в будущем, ставит перед Сапропелевым отделом КЕПС проблему нефтеобразования: «Задача, которая стоит перед отделом, связана с вопросом о происхождении и создании нефти и об использовании человеком промежуточных стадий природного нефтеобразования <...> ее решение может иметь и большое практическое значение: надо ли ждать сотен тысяч лет, необходимых для создания нефти, или человек может перехватить этот процесс и получить нужные ему тела, получаемые из нефти, из исходных ее тел – из сапропеля, в частности из сапропелитов, – сейчас же? Вопрос не изучен» [Он же 2002: 434].

КЕПС была самым крупным подразделением АН, структура КЕПС постоянно менялась в соответствии с требованиями времени. Например, в 1927 г. Почвенный институт имени В. В. Докучаева КЕПС стал самостоятельным академическим институтом. Появление самостоятельных НИИ послужило основой для изменения структуры КЕПС. В тезисах «О реорганизации Комиссии по изучению естественных производительных сил России» (1928) В. И. Вернадский отмечал: «Реорганизация КЕПС должна быть поставлена на почву дальнейшего ее развития как большого опытно-наблюдательного института по изучению естественных производительных сил в направлении превращения их в народное богатство» [Он же 2002: 442]. В записке «Об основах реорганизации Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС)» (1929) В. И. Вернадский среди других положений считал необходимым принять во внимание, что «институты, входящие в КЕПС, должны быть организованы *по проблемам*, а не *по наукам*. В идеале, чем уже и глубже проблема, тем мощнее достижение больше» [Там же: 451]. В той же статье ученый писал, что создаваемый социалистический строй «будет прочен и действенен только тогда, когда в нем будет обеспечена и предвидена свободная большая организация глубокой научной исследовательской работы. Уже в ближайшем будущем – во второй половине XX столетия, судя по темпам и мощи научных достижений последних десятилетий, – это станет неизбежным и самоочевидным» [Там же: 450].

В 1929 г. проходили «чистка» и аресты сотрудников АН, в том числе и КЕПС. Например, 26 июня 1929 г. В. И. Вернадский пишет А. П. Карпинскому: «Обращаюсь к Вам с просьбой возбудить – из соображений государственной пользы и в виду важных интересов науки – перед властью вопрос об откомандировании В. Н. Бенешевича в порядке отбывания наказания для научной работы в распоряжение Академии наук» [АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1963. Лл. 1–4 об.]. В письме А. Я. Вышинскому по поводу ареста Д. И. Шаховского В. И. Вернадский указывает на то, что «массовыми арестами разлагалась все больше и глубже организация наших государственных учреждений, разлагалась организация жизни нашей страны. Все чувствовали, что так дальше продолжаться не может. Чувствовал движения эти и Дмитрий Иванович» [Там же. Д. 1953. Лл. 9–9 об.]. В декабре 1929 г. сотрудники КЕПС выдвинули предложение о создании в АН Совета по изучению производительных сил (СОПС). В 1930 г. Комиссию по реорганизации КЕПС вместо В. И. Вернадского возглавил Г. М. Кржижановский. В 1930 г. вместо КЕПС при Академии наук учредили СОПС во главе с И. М. Губкиным. Запись В. И. Вернадского в дневнике от 2 марта 1932 г. характеризует обстановку заседаний СОПС: «Вчера заседание СОПС под пред[едательством] Губкина: доклад И. И. Гинзбурга в присутствии ГПУ, при участии представ[ителей] ГПУ (молчавших!). Выясняется интереснейшее явление. Удивительный анахронизм, который я раньше считал бы невозможным. Научно-практический интерес и жандармерия. Может ли это быть и для будущего? Но сейчас работа ученых здесь идет в рабских условиях. Стараются не думать. Эта аномальность, чувствуется, мне кажется, кругом; нравств[енное] чувство с этим не мирится. Закрывают глаза». «К сожалению, – вспоминал В. И. Вернадский в Боровом, – ко времени начала Второй мировой войны сохранилась наиболее бюрократизированная часть нашей комиссии, так называемый Совет по изучению производительных сил, и стало необходимо спешно восстанавливать остальные ее подразделения» [Вернадский 1989а: 145].

К концу 1915 г. в состав КЕПС входило 109 членов, в конце 1916 г. – 131 [Кольцов 1999: 26]. Количество штатных сотрудников КЕПС в 1928–1929 гг. составляло 111 человек [Там же: 119]. В течение 15 лет было опубликовано 356 названий трудов КЕПС, общий объем которых составил около 3200 печатных листов [Там же: 6].

КЕПС впервые в мире показала возможность развития научно-технического потенциала страны на основе нового научного направления – создания и развития атомной промышленности. В. И. Вернадский и его научная школа были пионерами, первопроходцами. В этом заключаются историческое значение и роль КЕПС.

Однако вернемся к истокам зарождения плана ГОЭЛРО. 21 ноября 1915 г. на совещании, созванном по инициативе Бюро объединенных технических организаций, Г. М. Кржижановский выступил с докладом «Областные электрические станции на торфе и их значение для Центрально-промышленного района России». Он вместе с инженером Р. Э. Классоном был инициатором создания и руководителем первой в России районной электростанции «Электропередача», работавшей на торфе. «Вопрос о районных станциях уже не нов для русских техников. Наши электротехнические съезды уже не раз дебатировали относящиеся сюда темы, и VII Всероссийский электротехнический съезд 1912–1913 гг., имевший место в Москве, поручил Постоянному комитету съездов выработать законопроект об устройстве электропередач и районных станций общего пользования в деле развития производительных сил страны, как в смысле возможности использования

естественных источников энергии, широкого распространения дешевой энергии в массах населения, так и в деле усовершенствования путей сообщения, прогресса сельского хозяйства, развития мелкой и кустарной промышленности» [Кржижановский 1957: 9].

План ГОЭЛРО впервые был обнародован на VIII Всероссийском съезде советов 22 декабря 1922 г. В докладе ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике на этом съезде В. И. Ленин назвал план ГОЭЛРО «нашей второй программой партии» [Ленин 1967: 159]. В заметках об электрификации в декабре 1920 г. В. И. Ленин дал определение коммунизма: советская власть плюс электрификация, другие тезисы обращали внимание на подъем культуры трудящихся, восстановление производительных сил и их развитие, централизацию внимания и сил народа [Там же: 160]. Помогать в осуществлении плана ГОЭЛРО в России стремился ведущий специалист компании «Дженерал электрик» Ч. П. Штейнмец.

«В адресе, врученном Ч. П. Штейнмecu в 1902 г. в связи с окончанием срока его пребывания в звании президента Американского института инженеров-электриков, было сказано: “Весь будущий прогресс в науке и технике зависит от молодого поколения, но самым важным для обеспечения непрерывного прогресса является надежная подготовка поля для деятельности этого поколения”» [Белькинд 1965: 96].

Инженер-электрик Б. В. Лосев посетил Ч. П. Штейнмеца в июле 1918 г. в Скинектеди в его лаборатории. Доктор Штейнмец сказал, что он собирается ехать в Россию, чтобы помочь в реализации плана ГОЭЛРО, но здоровье его подвело – он с детства страдал наследственным туберкулезом. 16 февраля 1922 г. Ч. П. Штейнмец написал письмо В. И. Ленину, и Б. В. Лосев передал его адресату. В письме от 10 апреля 1922 г. В. И. Ленин поблагодарил Штейнмеца за дружественное письмо, а 7 декабря 1922 г., воспользовавшись визитом в Москву группы американских фермеров, подписал ему свою фотографию и отправил ее в США.

В 1922 г. Ч. П. Штейнмец опубликовал статью, посвященную плану ГОЭЛРО в журнале «Electrical World» [V. 80. 14. 1922. P. 715–719].

План ГОЭЛРО был перевыполнен к 1931 г. К концу 1930 г. установленная мощность районных электрических станций достигла 2105 квт. «К XV годовщине плана ГОЭЛРО мощность всех районных станций уже была выше 4 млн кВт, т. е. превосходила более чем в два раза мощность станций, намеченных по плану ГОЭЛРО» [Кржижановский 1945: 18]. Историческое значение ГОЭЛРО заключалось в том, что это был первый набросок генерального плана развития народного хозяйства страны.

«Задача коммунистов внутри “ГОЭЛРО”, – писал В. И. Ленин, – поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники <...> чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответствующей науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел польщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [Ленин 1967: 169].

Таким образом, тандем КЕПС и ГОЭЛРО создал мощный научно-технический задел, сыграл выдающуюся роль в исследовании и развитии производительных сил, подъеме народного хозяйства страны, укреплении ее обороноспособности.

У истоков атомной эры

В самом конце XIX в. в науке происходили эпохальные события. После открытий В. Рентгена, А. Беккереля, П. Кюри и М. Склодовской-Кюри и др., крупнейшие ученые мира начали усиленно изучать радиоактивность. В 1903 г. А. Беккерель и чета Кюри получили за свои открытия Нобелевскую премию по физике. 6 июня 1905 г. свою нобелевскую речь П. Кюри завершил следующими словами: «Легко далее понять, что в преступных руках радий может представить серьезную опасность, и встает вопрос: выиграет ли человечество от познания тайн природы, достаточно ли оно созрело, чтобы ими пользоваться, или это познание обратится ему во вред? Пример открытий Нобеля показателен в этом отношении: мощные взрывчатые вещества позволили человеку выполнять замечательные работы, но они же стали ужасным разрушительным средством в руках великих преступников, толкающих народы к войне. Я отношусь к числу тех, кто думает вместе с Нобелем, что человечество извлечет больше пользы, чем вреда из новых открытий» [Труды ... 1957: 166].

В. И. Вернадский одним из первых осознал огромное значение открытия явления радиоактивности. В предисловии к сборнику «Очерки и речи» [Вернадский 1922] он писал: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравниться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?

Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?

Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества».

В 1908 г. В. И. Вернадский участвовал в работе съезда Британской ассоциации содействия развитию наук в Дублине, где слушал профессора Дублинского университета Дж. Джоли, который «прочел доклад о геологическом значении урана – дал первую сводку по радиогеологии». В своем докладе Дж. Джоли высказал мысль о разогреве земных недр в результате непрерывного теплового излучения радиоактивных элементов. В. И. Вернадский писал: «Мне Джоли тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил в заседании Академии наук с речью “Задачи дня в области радия”» [Вернадский 1954: 679].

В этой речи ученый говорил, что благодаря открытию явления радиоактивности мы узнали новый неожиданный источник энергии: «История человеческой культуры показывает нам, как за последние три столетия законы всемирного тяготения, магнетизма, электричества вторглись в наши представления о природе, на каждом шагу давали себя чувствовать в жизни человечества. Наученные таким опытом прошлого, невольно с трепетом и ожиданием обращаем мы наши взоры к новой силе, раскрывающейся перед человеческим сознанием. Что сулит она нам в своем грядущем развитии? <...> Всегда при вхождении новых сил человеческая мысль раньше всего обращается к ним для исцеления от страданий и болезней. И в области радия мы ищем новых сил для защиты и для борьбы с поражающими нас несчастьями. С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового союзника

и защитника. <...> Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических процессов <...> теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению» [Вернадский 1954: 623]. «В вопросе о радиации, – говорил В. И. Вернадский, – ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники лучистой энергии. Ибо владение большими запасами радия даст владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество какое получают владельцы золота, земли, капитала <...> Для нас совсем не безразлично кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нашими, русскими учеными» [Там же: 627–628].

Летом 1911 г. В. И. Вернадский отправился на Кавказ и в Среднюю Азию с целью поиска радиоактивных руд. На Бондюжском химическом заводе (в Казанской губернии на реке Каме в с. Тихие Горы) В. Г. Хлопин организовал первый русский радиевый завод. В результате переработки 110 пудов радиоактивных остатков руды с полузаброшенного рудника Тюя-Муюн в Средней Азии «в конце 1921 г. были получены 4,1 мг высокоактивных препаратов радия, а в виде полуфабрикатов 8 мг, в пересчете на радий» [Письма... 1961: 66].

В 1922 г. В. И. Вернадский основал Государственный радиевый институт (ГРИ), директором которого он был со дня основания по 1938 г., постоянно заботился об эффективности его деятельности, неоднократно разъяснял руководству страны роль атомной энергии, указывал на необходимость и неизбежность научного развития в этом направлении. Позднее в дневниковой записи от 16 мая 1941 г. В. И. Вернадский вспоминал: «...наши физики остались в исторически важный момент при создании учения о радиоактивности в стороне от мирового движения <...> Ведь ненормально, что я – не физик – организовал Радиев[ый] институт». В письме от 17 ноября 1927 г. начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову В. И. Вернадский писал: «Мы сейчас являемся уже наихудше оборудованным – по обстановке, не по людям – самым отсталым радиевым институтом в мире – мы обладаем громким именем и не отвечающими этому имени реальными возможностями. Высокие качества персонала тратятся во многом даром, ибо он поставлен в условия, в которых производится наименьшее, а не наибольшее использование его знания, его талантов, его творческой ценности, работоспособности... Происходит, с моей точки зрения, безумная трата самого дорогого достояния народа – его талантов» [Бюллетень ... 1988: 16]. В записке В. И. Вернадского (1931) в Комиссию по ревизии научной работы ГРИ отмечалось: «... основной задачей научной организации вообще и каждого большого института в частности является создание условий научной мощности: мы должны в своей стране иметь возможность вести всякую научную работу на уровне современного знания» [Там же: 21]. В Записке в Главнауку (1932) «О необходимости создания научно-мощного Всесоюзного Радиевого института в срочном порядке» В. И. Вернадский объясняет роль атомной энергии: «Атомная энергия, которая изучается в радиевых институтах, – есть огромная действенная энергия, самый мощный источник энергии, научно ныне известный. Это та сила, которая будет определять жизнь человеческих обществ в ближайшем будущем, по-видимому, уже для ближайшего поколения. Очевидно, этой энергией необходимо овладеть возможно скорее. И бесспорно ясно, что человечество к этому охвату уже подошло. Пройдут года – может быть, немногие – и ожидания ученых станут жизненной действительностью. Мы действ-

вительно переживаем сейчас охват человеческим обществом новой формы огромной энергии с разнообразным жизненным приложением, новой силы, аналогичной электромагнетизму, действительное жизненное значение которого так ярко бросается сейчас на каждом шагу нашего жизненного пути. Сто лет назад учение об электромагнетизме находилось в том же положении, в каком ныне находится радиология.

Может ли современное государство, особенно государство, сознательно стремящееся строить новое будущее, оставаться в стороне от этой работы?!

Мне кажется – оно этого делать не может и не должно. Не может и не должно не только потому, что от результатов творческой работы и в создании новой силы прежде всего и в наибольшей степени выигрывает человеческое общество, где эта сила создается. Это ясно, хотя бы из истории охвата жизни электромагнетизмом. Но государство не может и не должно оставаться в стороне еще и потому, что его собственное строительство не может быть правильно построено, если оно не учитывает в своих рассчитанных на поколения построениях той силы, которая неизбежно выступит в них, хотя сейчас ее действие и мало заметно» [Бюллетень... 1988: 23–24].

Далее Вернадский высказывает мысль о бережном отношении к талантливой молодежи: «В составе Радиевого института есть сейчас талантливые научные силы, в частности молодой физик Г. А. Гамов, теоретические искания которого сейчас находятся в центре внимания мировой научной мысли. Гамов не один, но таких и не много. Наш Союз столько потерял талантливой, богато одаренной для научной работы молодежи, что необходимо вообще принять срочные меры для уменьшения этого несчастья и для предоставления настоящих условий работы уменьшимся и нарастающим. Таких людей всегда немного и создавать их мы не умеем. Одаренная для научной работы молодежь есть величайшая сила и драгоценное достояние человеческого общества, в котором она живет, требующая охраны и облегчения ее проявления» [Там же: 24–25].

В. И. Вернадский требовал от руководства, чтобы работа в ГРИ была «признана опасной для жизни и здоровья в еще большей степени, чем это установлено везде для хорошо организованных радиевых институтов. Мы не можем этого добиться с 1927 г.: вопрос застрял в канцелярской волоките» [Там же: 20]. Когда была предпринята попытка объединения ГРИ с Институтом редких элементов, В. И. Вернадский 28 декабря 1931 г. обратился с письмом к И. В. Сталину, в котором отмечал: «Государство, смотрящее вперед, а не назад, не может оставлять без внимания неизбежно подходящие великие открытия. Мы стоим перед будущим господством радиоактивной энергии, более мощной, чем электрическая <...> Государство XX века, а тем более такое, как наше, которое ищет новых путей в будущее, не может оставить без внимания государственную организацию изучения явлений радиоактивности. Если это изучение включением в Институт редких элементов будет чрезвычайно сужено в нашем учреждении – то должен быть создан другой новый большой Радиевый институт. В него неизбежно войдут те же люди – других нет. Поэтому с государственной точки зрения объединение с Инс[титутом] редк[их] элем[ентов] вредно» [АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 2008. Лл. 3–4 об. Автограф, черновик]. В. И. Вернадский неоднократно обращался также к В. М. Молотову. 12 февраля 1932 г. он пишет: «Я идеологически чужд – был и есмь – основам капиталистического строя и всю жизнь стоял – и стою – на стороне угнетенных народных масс <...> Отнюдь не являясь сторонником социалистического или коммунистического, в частности, строя и считая, что реаль-

но выявится нечто новое, я в то же время думал – и думаю, – что какая бы то ни было попытка социалистического строительства может иметь прочный успех только при помощи свободной и мощной научной работы. Такой созидающийся строй должен опираться и вызвать организацию такой научной работы, более мощной и более свободной, чем это имеет место в капиталистических странах. Особенно это должно иметь место по отношению к тем новым научным исканиям, которые связаны с новой огромной действенной силой – использованием которой человечеством дело ближайшего времени – с атомной энергией» [АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1979. Лл. 5–9 об.].

26 июля 1937 г. В. И. Вернадский последний раз выступает перед широким собранием ученых – на XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве. Им был прочитан доклад «О значении радиогеологии для современной геологии».

В 1934–1936 гг. в ГРИ был осуществлен монтаж и пуск первого в СССР и Европе циклотрона, предложенного профессором Л. В. Мысовским. В марте 1937 г. В. Н. Рукавишников и Д. Г. Алхазов продемонстрировали работу циклотрона. В декабре 1938 г. О. Ганн и Ф. Штрассман открыли деление ядер урана. В. Г. Хлопин сразу же начал исследовать возможность образования трансурановых элементов, а физики, работавшие в контакте с И. В. Курчатовым, вскоре приступили к изучению условий, при которых в уране может возникнуть цепная реакция. В 1939 г. ГРИ начал снабжать искусственными радиоактивными элементами целый ряд научно-исследовательских организаций. 12 июля 1940 г. В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман и В. Г. Хлопин направили письмо заместителю председателя Совнаркома СССР Н. А. Булганину, в котором привлекали его внимание к открытию явления деления урана: «Мы полагаем, что уже сейчас назрело время, чтобы правительство, учитывая важность решения вопроса о техническом использовании внутриатомной энергии, приняло ряд мер, которые обеспечили бы Советскому Союзу возможность не отстать в разрешении этого вопроса от зарубежных стран» [Вернадский 1997: 288].

30 июля 1940 г. президиум АН СССР учреждает Комиссию по проблеме урана. По предложению В. И. Вернадского ее возглавил В. Г. Хлопин, его заместителями были назначены В. И. Вернадский и А. Ф. Иоффе. Членами Комиссии стали: А. П. Виноградов, А. Е. Ферсман, Д. И. Щербаков, а также физики С. И. Вавилов, П. Л. Капица, И. В. Курчатов. Л. И. Мандельштам, Ю. Б. Харитон и др.

Мало кто из большевиков был знаком с проблемами радиоактивности, развитием радиохимических производств и прикладным значением этого научного направления. Например, Г. М. Кржижановский, возглавлявший ГОЭЛРО, в 1929 г. утверждал: «Сам электрический ток в своей таинственной сущности как бы представляет уже начало использования этой внутриатомной энергии. Еще очень грубое, примитивное начало! Но именно дальнейшее изучение электрических явлений с каждым годом все ближе и ближе приближает нас к овладению стихией внутриатомной энергии. *Век пара – век капитализма. Век электричества – век социализма. Век использования внутриатомной энергии – век развернутого коммунизма*» [Кржижановский 1929: 23]. «Отнюдь не случайно, – писал Г. М. Кржижановский, – что крупнейший химик-минералог нашей страны, академик В. И. Вернадский проявляет такой интерес к энергетическим концепциям, связанным с исследованием атома» [Он же 1941: 15].

В. И. Вернадский немного не дожид до взрывов американских атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. Эти взрывы показали, что в США «чело-

век не дорос до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука». Пуск первой в мире атомной электростанции (Обнинск, 1954) показал, что в СССР человек использовал достижения науки и в мирных целях.

Литература

- Белькинд Н. Д. Чарлз Протеус Штейнмец. 1865–1923. М. : Наука, 1965.
- Бородин И. П. Охрана памятников природы. СПб., 1914.
- Бюллетень Комиссии АН СССР по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. № 3. Л. : Наука, 1988.
- Вернадский В. И. Очередная задача в изучении естественных производительных сил // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 3–21.
- Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. I. Пг. : НХТИ, 1922.
- Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. XVIII. Вып. 2.
- Вернадский В. И. Избранные сочинения. Т. I. М. : Изд-во АН СССР, 1954.
- Вернадский В. И. Химическое строение биосферы земли и ее окружения. М. : Наука, 1965.
- Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Наука, 1989а.
- Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М. : Советская Россия, 1989б.
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991.
- Вернадский В. И. Труды по радиогеологии. М. : Наука, 1997.
- Вернадский В. И. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002.
- Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. СПб. : Наука, 1999.
- Кржижановский Г. М. Энергетика и социалистическая реконструкция // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 7–53.
- Кржижановский Г. М. Двадцатилетие плана ГОЭЛРО // Советская наука. 1941. № 1. С. 3–15.
- Кржижановский Г. М. К 25-летию юбилею плана ГОЭЛРО // Электричество. 1945. № 12. С. 17–20.
- Кржижановский Г. М. Основные задачи электрификации России / Г. М. Кржижановский // Избранное. М. : Политиздат, 1957.
- Ленин В. И. Об электрификации. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
- Ленин В. И. О науке и высшем образовании. М. : Политиздат, 1967.
- Мировая охрана природы. № 2. Постоянная Природоохранная Комиссия. Императорское Русское географическое Общество. Пг., 1915.
- Письма В. Г. Хлопина к В. И. Вернадскому (1916–1943). М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
- Труды Института истории естествознания и техники. Т. 19. М. : Изд-во АН СССР, 1957.

Н. Н. МОИСЕЕВ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Степанов С. А.

д. пед. н., профессор, президент Международного независимого
эколого-политологического университета.

E-mail: ecosas@rambler.ru

Посвященная 95-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева, статья рассказывает о нелегком жизненном пути замечательного ученого, показывает его выдающийся вклад в осмысление современных проблем мирового развития и реальных угроз человечеству в условиях глобализации.

Ключевые слова: интеллигенция, проблемы взаимодействия природы и общества, экология, «ядерная зима», цивилизация.

The article, dedicated to the 95th anniversary of full member N. N. Moiseev, tells about the hard life of this prominent scientist, his outstanding contribution to the understanding of the current problems of the world development and real challenges to humankind in the globalization context.

Keywords: intellectuals, problems of interaction between nature and society, ecology, “nuclear winter”, civilization.

Жизненные перипетии академика РАН Н. Н. Моисеева (1917–2000) характерны для большей части российской (советской) интеллигенции, испытавшей на себе влияние дореволюционной интеллигенции, взлеты и падения новой советской интеллигенции в зависимости от «линии партии». Кроме того, это человек, обладавший выдающимися личными качествами, благодаря которым рядовой инженер из «почтового ящика» стал выдающимся ученым, мыслителем, гражданином.

Никита Николаевич Моисеев – сын профессора Московского университета и внук видных железнодорожных деятелей царской России (и по отцу, и по линии мачехи), члены этой большой семьи были разбросаны по многим городам СССР. К 1937 г. семья была полностью растерзана: все мужчины поколения отца и дедов (да и значительная часть женщин) были уничтожены или сгинули в неизвестности. Лишь два-три человека вернулись из лагерей в середине 1950-х гг., но и они вскоре скончались. Из-за дворянского происхождения родителей и репрессированного отца Н. Н. Моисеев не был принят в комсомол, ему неоднократно отказывали в приеме в МГУ, несмотря на победы в московских математических олимпиадах. И только благодаря доценту И. М. Гельфанду, будущему академику, он сдал экстерном экзамены за первый курс и перешел на второй курс механико-математического факультета МГУ, после завершения которого был призван на фронт (война с белофиннами – инструктировал бойцов в ходьбе на лыжах). Затем была учеба в академии им. Жуковского, после окончания которой с дипломом инженера-механика по вооружению самолетов он был направлен в авиаполк 2-й ударной армии на Волховский фронт.

После войны Н. Н. Моисеев успешно начал трудовую деятельность: работал в военном НИИ, затем на кафедре в МВТУ вместе с С. П. Королевым и В. Н. Челомеем. Позже – безработица и «волчий билет» из-за ареста в 1949 г. его мачехи.

Выручила работа на обезглавленной и обезлюдившей из-за репрессий кафедре математики Ростовского университета, где приходилось читать одновременно пять новых для него учебных курсов. «До сих пор не могу себе представить – как я сумел выдержать такую нагрузку. Вероятно, в 30 лет мы видим трудности в совсем ином свете, чем в 80», – пишет Н. Н. Моисеев [1997б: 16].

Вскоре после смерти Сталина с Н. Н. Моисеева был снят «запрет на профессию» в столице и академик М. А. Лаврентьев пригласил его занять должность профессора на его кафедре «Физика быстрых процессов», иначе говоря, теории взрыва в Московском физико-техническом институте (МФТИ). А через несколько месяцев он был назначен деканом аэромеханического факультета. После отъезда М. А. Лаврентьева в Новосибирск его кафедра была преобразована в кафедру прикладной математики, и Н. Н. Моисеев был назначен ее заведующим. «50-е и 60-е годы были счастливым временем для советской фундаментальной науки. Пользуясь поддержкой промышленности, она быстро завоевывала мировой авторитет, а русский язык после английского становился языком интенсивного научного общения. Однако в конце этого периода мы уже начали чувствовать грядущее неблагополучие», – отмечал Н. Н. Моисеев [Там же: 17].

В 1983 г. американский астроном Карл Саган опубликовал ряд возможных сценариев крупномасштабной ядерной войны. Из-за пожаров, которые охватят практически все крупные города и леса, появятся огромные массы сажи и пепла, которые при достаточной мощности оружия будут выброшены выше тропопавзы, благодаря чему останутся в атмосфере надолго. Это приведет к длительному экранированию солнечного света. На Земле установится продолжительная «ядерная ночь». И как следствие – «ядерная зима». Это была, конечно, гипотеза. И единственной вычислительной системой, способной в то время ее проверить, была система моделей ИВЦ АН СССР. Расчеты, проведенные Александровым и Стенчиковым, полностью подтвердили гипотезу Сагана. С тех пор термины «ядерная зима» и «ядерная ночь» вошли в обиход. Эти работы сыграли роль, выходящую далеко за пределы чистой науки, – они имели определенные политические последствия. Политики поняли, что ядерная война – гибель рода человеческого. «Мне кажется, – писал в своей книге воспоминаний Н. Н. Моисеев, – что с этого времени возможность ядерной войны стала достаточно иллюзорной. Я думаю, что этими работами коллектив Вычислительного Центра вписал хорошую страницу в историю отечественной науки» [Там же: 21].

В 1985 г. вышло постановление Совета Министров СССР, разрешавшее действительным членам Академии уходить в отставку, точнее, переходить на положение советников с сохранением зарплаты и без фиксации каких-либо обязанностей. Н. Н. Моисеев был первым членом Академии, который воспользовался этим правом. Аргументов для такого решения у него было более чем достаточно. Но главное, что в основе его научных интересов были проблемы взаимодействия природы и общества, то есть экология в ее современном понимании, как наука о собственном доме – биосфере – и правилах жизни человека в этом доме. Как и академик А. Д. Сахаров, эволюционировавший от выдающегося советского ученого-ядерщика к не менее выдающемуся общественному деятелю и правозащитнику, для которого права и свободы человека стали высшей ценностью и его гра-

жданской позицией, академик Н. Н. Моисеев постепенно перешел от теоретических разработок военной ракетной техники в советскую эпоху к естественно-научным (математическим) и гуманитарным исследованиям состояния и прогнозу развития биосферы и общества в условиях усиления антропогенного воздействия на нее и надвигающейся угрозы глобального экологического кризиса.

Используя математические расчеты антропогенного воздействия на биосферу и философские обобщения взаимодействия природы, человека и общества, Н. Н. Моисеев сформулировал и ввел в научный оборот понятие «*экологический императив*», который обозначает «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах» [Моисеев 1988: 78].

Проблемы антропогенного воздействия на биосферу и последствия этого для жизни человека стали главным научным интересом Н. Н. Моисеева. Постоянные размышления в этом направлении выделили его среди основных отечественных теоретиков социальной экологии и экологической философии. К его экспертным заключениям и мнениям стали прислушиваться в российских правительственных и зарубежных научных кругах.

В 1986 г. Н. Н. Моисеев возглавил научный совет АН СССР по подготовке предложений по снижению негативных последствий Чернобыльской катастрофы; в 1992 г. – Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации по оценке кризисных ситуаций; вошел в Совет при Президенте РФ. Вместе с американскими учеными консультировал главу правительства России накануне российско-американских переговоров по ОСНВ-2. Удостоен научной российской премии им. П. Капицы и получил международное признание – стал лауреатом премии ООН Glob-500. Осознание того, что «регулятивные механизмы биоты перестали срабатывать» и «человечеству слишком мало осталось времени, чтобы перестроить свое отношение с биосферой и не войти в процесс необратимого движения к экологическому коллапсу», побудило Н. Н. Моисеева заняться организационной деятельностью в общественном экологическом движении страны: он стал президентом российского отделения Международного Зеленого Креста, президентом российского комитета содействия ЮНЕП ООН (ЮНЕПКОМ), президентом Международного независимого эколого-политологического университета; возглавил редакции журналов «Экология и жизнь», «Экологическое образование в России», аналитического ежегодника «Россия в окружающем мире».

В своих свободных, но не лишенных горечи размышлениях «Как далеко до завтрашнего дня...» Н. Н. Моисеев попытался рассказать «о прихотливости тех путей, тех мостов, которые, пройдя над бездной десятилетий, сохраняют прошлое. И таким образом перекинут мост к следующим поколениям» [Он же 1997а: 6]. В специальной главе этой книги «Об интеллигенции, ее судьбе и ответственности» Н. Н. Моисеев постоянно задается вопросом: становлюсь ли я интеллигентом? И хотя ощущение принадлежности к интеллигенции у будущего академика возникло довольно рано, он был глубоко убежден, что «интеллигент – это не просто образованный гражданин, а человек, обладающий еще и определенными нравственными началами» [Там же: 114].

В то же время принадлежность к интеллигенции Н. Н. Моисеев рассматривал как первое проявление социальности. «Я на многое смотрел именно с позиции этой части русского общества и той трагедии русской интеллигенции, которая разворачивалась у меня на глазах. И по этой же причине я никогда не мог принять большевизм и сталинизм, хотя чуть ли не полвека был членом партии. Но зато

я внутренне принимал социализм» [Моисеев 1997а: 114]. Происходившие в первой стране социализма извращения демократии и подмену ее тоталитарным режимом Н. Н. Моисеев воспринимал как исторически случайную и крайне опасную флуктуацию. Профессионально занимаясь с 70-х гг. прошлого века проблемами эволюции биосферы, теорией самоорганизации материи и универсальным эволюционизмом, Н. Н. Моисеев начал понимать, сколь убоги были социальные ожидания и теория коммунизма, особенно марксистская философия истории с ее представлениями об упорядоченной череде формаций.

Размышления о судьбах интеллигенции на исторических поворотах нашего отечества привели Н. Н. Моисеева к пониманию особой ее роли в общественном развитии и смысле такого словосочетания, как «ответственность интеллигенции» [Там же: 116].

В связи с этим ученый вспоминает свое впечатление-открытие от прочтения книги К. Каутского «Античный мир, иудейство и христианство», в которой подробно описывается постепенное перерождение коммунизма первых христианских общин в деспотическую иерархию церкви с ее безапелляционностью канона и кострами инквизиции. Примечателен в связи с этим вопрос в конце книги: не разовьет ли современный коммунизм такую же диалектику, как христианский, превратившись однажды в некоторый новый организм эксплуатации и господства? «Умным человеком был этот “ренегат”!» – заключает свои историко-политологические размышления Н. Н. Моисеев [Там же].

Н. Н. Моисеев подчеркивал, что «именно сочетание гражданственности с нравственным началом и гуманистической системой обществоведческих суждений у меня и связывается с понятием интеллигентности. В гораздо большей степени, чем с понятием “интеллектуал”» [Там же: 117].

В своих работах «Время определять национальные цели», «Мир XXI в. и христианская традиция», «Цивилизация XXI в. – роль университетов» Н. Н. Моисеев подчеркивал, как важно для будущего России сохранить и развить образование и создать на этой основе новые совершенные технологии. «Задача интеллигенции – донести это понимание до народа, власть предрежащих, плохо понимающих значение образованности, и главного врага образованности – средств массовой информации! Об ответственности интеллигенции – предотвратить зомбирование населения» [Он же 1997в: 21].

В одной из последних работ, обращаясь к своим ученикам, Н. Н. Моисеев призвал интеллигенцию: «...самое главное – проинформировать общество о реальном состоянии дел, начать его экологическое и политическое просвещение с ориентацией на то общее, что должны содержать все цивилизации XXI века» [Он же 2003: 306].

Литература

- Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1988.
- Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997а.
- Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997б.
- Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997в.
- Моисеев Н. Н. Думая о будущем, или напоминание моим ученикам о необходимости единства действий, чтобы выжить // Заслон средневековью: сб. М. : Тайдекс К^о, 2003. (Библиотека журнала «Экология и жизнь».)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ФИЛОСОФИЯ И БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Галимов Б. С.

д. ф. н., профессор, председатель Башкирского отделения Российского философского общества (БО РФО).

Салихов Г. Г.

д. ф. н., профессор, заместитель председателя БО РФО.

E-mail: gafur_salih@mail.ru

Багаутдинов А. М.

к. ф. н., доцент, ученый секретарь БО РФО.

E-mail: filosof02@mail.ru

В статье на основе междисциплинарного подхода рассматривается сложный феномен – глобализация. Выдвигается гипотеза об универсальности глобально-регионального дуализма. С движением достижений научно-технического прогресса связан волновой процесс глобализации. Культура регионов проявляет себя и как часть, и как волна. Не только культура передовых государств, но и культура любых других стран, наряду с глобальными, обладает волновыми свойствами.

Ключевые слова: бытие, глобализация, духовность, личность, принцип деятельности, системный подход, синергетика, бюрократия, новизна.

Basing on the cross-disciplinary approach, the author considers the complex phenomenon of globalization. The hypothesis of universal character of global-regional dualism is proposed. The wave process of globalization is connected with the character of development of scientific-technical progress. The regions' culture appears to be a part and a wave simultaneously. Besides the culture of leading countries, those of any others' have both global and wave characteristics.

Keywords: entity, globalization, spirituality, individuality, the principle of activity, system approach, synergy, bureaucracy, novelty.

14 декабря 2012 г. в г. Уфе в рамках реализации Программы стратегического развития Башкирского государственного университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Философия и будущее мировой цивилизации». В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Уфы, Стерлитамака, Костромы, Твери, Челябинска и других городов России. Основной лейтмотив выступлений участников конференций сводился к анализу проблем эпохи глобализации и поиску путей выхода из духовного и мировоззренческого кризиса современности.

В приветственном слове ректор Башкирского государственного университета, академик Академии наук Республики Башкортостан, доктор химических наук, профессор **А. Г. Мустафин** вычленил основные направления становления науч-
Век глобализации 1/2013 171–179

но-технической отрасли, отметив положительные стороны процесса глобализации в целом для развития всего мирового сообщества. Он отметил, что особая роль в решении возникающих в современную эпоху мировоззренческих проблем принадлежит философии, которая вбирает в себя не только рациональное, но и все формы духовного взаимоотношения человека с миром.

Доклад председателя Башкирского отделения РФО, доктора философских наук, профессора, академика РАЕН **Б. С. Галимова** был посвящен анализу философских парадигм в современной науке. Отмечено, что парадигма – существенная и абсолютно необходимая предпосылка любого научного исследования, в том числе в области философии и психологии. Новый, более высокий уровень самоорганизации психологии человека – это трансперсональная психология. Б. С. Галимов выдвинул идею о том, что бюрократия – это разновидность трансперсональной личности. Он предложил новый взгляд на это явление, а именно – с позиции синергетики, сущность которой выражается в самоорганизации, объясняющей также и живучесть бюрократии. Научные наблюдения сами по себе не диктуют единственных и однозначных решений, при объяснении одних и тех же фактов можно использовать многие парадигмы.

Для нас очень серьезно стоит вопрос пересмотра базовых концепций стратегического управления обществом. Во всем мире лучшие умы всерьез задумываются над механизмом перехода от экономической к духовной цивилизации. Главная ошибка российских реформаторов состоит в абсолютизации экономических сил. Цивилизованный мир от этого постепенно и благополучно уходит. И дело здесь не в рыночных механизмах или промышленно-технологической инфраструктуре, а в ценностях и смыслах, наделяющих человеческую жизнь тем или иным значением, в мировоззренческой парадигме. Иными словами, человек, а также исследования сознания и вопросы духовного развития должны все больше становиться предметом пристального внимания не только ученых, но и широкой общественности.

Игнорирование принципов синергетики управления связано с наличием жесткого контроля деятельности подчиненных, исключающего всякого рода ответственность их самих за результаты собственной работы. Это, естественно, ведет к многократному увеличению затрат труда, так как лица, осуществляющие подобный контроль, повторно делают ту же самую работу, что уже была проделана исполнителем. Таким образом, реализация жесткого контроля может повлечь за собой даже бóльшие затраты, чем ущерб, который могли бы вызвать случайные, а в отдельных случаях даже преднамеренные ошибки, допущенные исполнителями. На многочисленных примерах синергетикой было доказано, что контролирующие процессы, при которых происходит активное вмешательство в деятельность нижних уровней со стороны верхних, могут приводить к разбалансированию системы и возникновению хаотических состояний. Всякий, кто имел дело с процессами управления, несомненно, признает верность этого утверждения.

Синергетический метод анализа бюрократии предполагает коэволюцию бюрократии и демократии. К сожалению, бюрократия «вырастает» на теле демократии. При рассмотрении коэволюции демократии и бюрократии необходимо установить подпитывающие факторы: материальные, экологические, информационные, энергетические и другие. В синергетике устанавливается, что подпитка коэволюционного (каталитического) процесса по своей интенсивности бывает несущественной, но результаты – значительны. В заключение докладчик подчеркнул, что важным катализатором коэволюции демократии и бюрократии выступает нравственная культура.

В выступлении первого вице-президента Президиума РФО, доктора философских наук, профессора **А. Н. Чумакова** были рассмотрены актуальные проблемы современности. Сегодня появляется новая опасность – кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения. Это вовсе не означает, что необходимы специальные доказательства того, что современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально меняется, порождая принципиально новые опасности. Такое положение дел стало общим местом уже не только для научного сообщества, но и для широкого общественного сознания. Однако оно имеет не только позитивную, но и негативную сторону. Позитивным следует считать то, что при совпадении взглядов на суть проблемы открывается путь для поиска конструктивных решений и осмысленных практических действий. Негативное же заключается в том, что даже серьезные специалисты в области глобалистики начинают воспринимать новые тенденции с позиции установившихся представлений. В этом случае основное внимание сосредоточивается на очевидном, устоявшемся, тогда как иные, сопутствующие или нарождающиеся, проблемы (опасности, препятствия общественного развития) оказываются вне поля зрения.

Так, например, расхожее утверждение о том, что мировое сообщество за всю историю своего существования еще никогда не подвергалось такой опасности, как теперь, в XXI веке, соотносится, как правило, с угрозой ядерной войны и экологическим кризисом. Однако, хотя это и так, суть проблемы лишь к этому не сводится, ибо дело не только в наличии ядерного оружия, которое плохо контролируется и грозит человечеству реальной возможностью самоуничтожения, или во все возрастающем влиянии человека на окружающую среду. В последние десятилетия к этому, да и ко всему комплексу глобальных проблем современности добавилась новая опасность – *кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения.*

Иными словами, глобализация привела к тому, что к концу XX в. мировое сообщество полностью стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки – трансграничными, что сделало человечество, по существу, целостной системой по всем основным параметрам общественной жизни. К тому же национальные государства, которых насчитывается уже около 200, перестали быть единственными субъектами международных отношений. В таком же качестве теперь выступают и появившиеся во множестве транснациональные корпорации, международные организации, в том числе и криминальные, связанные с наркоторговлей, международным терроризмом и т. п. И весь этот мир со множеством взаимозависимых и противоборствующих субъектов, как и прежде, лишь стихийно саморегулируется, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления.

Ситуация усугубляется еще и тем, что человек по природе своей был и остается биосоциальным существом, в котором уживаются добро и зло, любовь и ненависть, миролюбие и агрессия. Конечно же, культура, воспитание, образование делают человека гуманным, терпимым, толерантным. Однако в нем сохраняется и то, что заложено естественной природой, его биологией: борьба за выживание, стремление к доминированию, решение проблем с позиции силы и т. п. Все это в полной мере проявляется также и в поведении отдельных сообществ, и в политике национальных государств.

В итоге сегодня, как и прежде, разногласия и противоречия на международном уровне решаются по большей части с позиции силы. При этом сила не обяза-

тельно выступает в грубой и неприкрытой форме. Нередко, особенно в экономике, принуждение происходит посредством косвенного воздействия, получившего название «мягкой силы» (soft power). Но, как бы то ни было, в выигрыше оказывается тот, кто сильнее, хитрее, коварнее, кто имеет соответствующие преимущества, а потому действует подчас, преследуя собственные интересы, эгоистично и безнаказанно.

Декан факультета философии и социологии БашГУ, доктор философских наук, профессор **Г. Г. Салихов** в своем выступлении остановился на основных положениях процесса глобализации. Он отметил, что глобализация изменила жизнь цивилизованных народов наряду с великими открытиями и достижениями в истории человечества. Глобализация – не просто еще одна из бесчисленных форм или проявлений цивилизации. Это именно такая форма мирового устройства, которая стала основой новой эры человечества, новой эпохи, привела к изменению взглядов на экономику и политику мировых государств.

Глобализация и ее значение. Переход к глобализации можно сравнивать с переходами человечества от одной общественно-экономической формации к другой, от первобытного социального устройства к рабовладельческой, от рабовладельческого к средневековой, от Средневековья к капитализму. Наверное, можно будет сказать, что глобализация является основой современного мироустройства и будущего развития цивилизаций в рамках мировой системы.

Глобализационное расширение связано с изменением размеров культуры в процессе развития. В экономике оно обусловлено увеличением экономической мощи государства при его активизации и совершением за счет этой мощи и энергии работы против внешнего давления.

Становление глобализации. Вначале хронологически представим этапы развития глобализации, начиная с момента ее возникновения до наших дней. В первой половине XX столетия ученые стали приходить к заключению, что значимые достижения человечества, входящие в обиход мировой культуры, изменяются дискретно в глобальном масштабе. Классическое представление полагало, что культура цивилизации как системы может развиваться и изменяться только непрерывно. Выдвигалась гипотеза развития культуры отдельных наций и регионов, объясняющая феномен культурного эффекта, непонятный с позиций цивилизационной теории распространения культуры. Было принято предположение, что цивилизация (это относится и к глобализации) есть набор элементов культур в движении, пропорциональный частоте всплесков развития и не имеющий отдельной самостоятельной массы. По сути дела, это возродило теорию регионального развития культуры. Благодаря подобному подходу появляется возможность разработки идеи о дискретности культуры глобализации. Можно распространить идею о дискретности возможных значений глобализации на движение культуры в регионах. Этим подходом будет объясняться дискретность культуры, развиваемой на местах.

Выдвигается гипотеза об универсальности глобально-регионального дуализма. С движением достижений научно-технического прогресса связан волновой процесс глобализации. Культура регионов проявляет себя и как часть, и как волна.

Таким образом, рассмотрев волновую функцию глобализации, можно применить ее к культуре региона, описать волновые свойства элементов культуры в отдельно взятом социуме, народе, нации, этносе. Появляется возможность, позволяющая рассчитывать многие явления феномена человечества. Волновая функция глобализации описывает вероятность нахождения элементов глобализма в том или ином регионе и является волной информации.

Динамика глобализации. Современные представления об универсальности свойств глобализации в мировой системе определяются фундаментальностью наших представлений об энергии культуры, которая является общей количественной характеристикой, мерой ее движения. Хотя, говоря об энергии культуры, мы в состоянии только констатировать ее присутствие во всех процессах как чего-то неизменного, тем не менее нам доступно понимание многообразия форм существования и передачи энергии, связанной с разнообразием форм движения. Одним из универсальных форм передачи культуры является экономическая форма, которая в конечном счете связывает через законы глобализационной динамики в единую сеть все многообразие поведения самых различных систем цивилизаций, выводя их на один общий уровень, характеризуемый глобализационными свойствами мировой системы.

Глобализацию в некоторой степени относят к мировой системе, представляющей динамическую совокупность человечества, объединенного культурной деятельностью. Под этим углом зрения регионы будут относиться к закрытой системе, обменивающейся с мировым сообществом достижениями и продуктами культуры, но не технологией. Принцип целостности мировой системы, а отсюда и глобальной, предполагает выделенность регионов и национальных культур как отдельного объекта одного целого. Мировую систему в эпоху глобализации можно было бы разбить на две полярные части или регионы. В одном случае речь идет о регионах, которые, отдаляясь и отчуждаясь от процесса глобализации, не несут в себе целостных свойств мировой системы и мировой культуры. Во втором случае выделяются регионы, которые сохраняют в специфической форме свойства мировой системы и глобализации. В этой форме выделенности региона от мировой системы наблюдается целостность и однородность культуры региона с мировой культурой только лишь с отличием, что регион сохраняет за собой принцип отдельной системы внутри мировой системы.

Когда говорят о глобализации, по существу, речь идет об изменении взглядов на мир, в котором разыгрываются все социальные и несоциальные явления и процессы.

Более подробное исследование процесса глобализации показывает, что невозможно определить, находится ли культура региона в состоянии покоя, которое предполагает равномерное и прямолинейное движение развития внутренней культуры, или принимает процесс постепенной и уверенной глобализации. Подобное исходит из того, что развитие культуры в регионе воспринимается людьми, проживающими на его территории, как самостоятельное развитие. Определить состояние глобализации человек может только относительно движения культуры и культурных процессов двух регионов. Познается это в сравнении достижений центральной части развитой мировой системы и более отсталой периферии. Так происходит потому, что законы развития общества везде примерно одинаковы при любых протяженностях развития культуры. Тем более вплоть до настоящего времени многие регионы и государства исторически развивались в пространстве всей мировой системы, перенимали и передавали культуру, делились результатами научных и технологических достижений и при этом даже не замечали никакой глобализации. В случае принятия указанной точки зрения и относительно мирового процесса признается принцип относительности глобализации.

В своем докладе доктор экономических и философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН **Х. А. Барлыбаев** остановился на региональных особенностях глобализации, в частности на актуальных проблемах исследования содержания современных глобализационных процессов и их влияния на внутреннее развитие России и Башкортостана. Им были раскры-

ты философско-методологические основы анализа воздействия глобальных процессов на экономический курс и социальную политику, технико-технологическое развитие и естественно-природные факторы, гуманитарные аспекты, роль и место в геополитических процессах. На базе проведенных исследований обоснована возможность осуществления перехода к устойчивому развитию, выявления перспективных целевых установок, которые необходимо реализовать в России и Башкортостане: общественности, властным органам, бизнес-сообществам, средствам массовой информации, образовательной системе, научной общественности, деятелям культуры и интеллектуалам.

Современные глобализационные процессы охватывают, пронизывают и преобразовывают все стороны жизни каждого континента, государства, региона и отдельного человека на Земле. Глобализация есть многогранное, широкомасштабное, всеобъемлющее системное явление и, обусловленная параметрами человеческой природы, выступает как глобализация различных сторон жизни общества и человека: мировосприятия и мировоззрения людей; их потребностей и профессионально-трудовой ориентации; политической, экономической, социальной, информационной, экологической, демографической, религиозной, языковой, образовательной сфер; транспортно-коммуникационных систем; культуры и искусства; научной и научно-технической деятельности; образа жизни; криминальной сферы; физической культуры и спорта. Республика Башкортостан и ее жители не могут находиться в стороне от такого воздействия. Для выяснения особенностей влияния глобализации в условиях отдельного региона требуется знание ее сущности, содержания и основополагающих характеристик. Среди последних в современных условиях особо важным для анализа указанного влияния является рассмотрение двух наиболее значимых и поэтому дискуссионных аспектов содержания глобализации: 1) ее объективного или субъективного характера; 2) конструктивной или деструктивной роли в развитии всего человечества, отдельных стран, регионов и личностей.

Относительно объективности или субъективности современной глобализации существуют в основном два диаметрально противоположных взгляда. Одни исследователи утверждают, что глобализация имеет сугубо объективный характер, является имманентным свойством современного этапа истории человечества, возникает и развивается независимо от воли, сознания и желания отдельных людей или их общностей. Другие авторы говорят о том, что глобализация – субъективное творение западного мира, прежде всего Соединенных Штатов Америки, «американизация» мировых процессов, инструмент осуществления господства Запада над остальным миром. Очевидно, что такое противопоставление крайних суждений неправомерно. На самом деле глобализация представляет собой многогранный, объективно-субъективный процесс, который возникает и развивается одновременно и как объективное, естественно-историческое, и как субъективное, сознательно осуществляемое людьми явление. Объективное и естественно-историческое потому, что она является закономерной стадией формирования человеческой общности во всемирном масштабе сверх пределов национальных государств, границы которых становятся тесными для современного характера и масштабов общения между людьми, состояния и дальнейших перспектив развития человечества. Люди помимо их воли и сознания вынуждены подчиняться действию этой закономерности.

Доклад доктора философских наук профессора **А. Ф. Кудряшева** был посвящен проблеме возможности новизны в философии. Глобализация, являясь важным процессом современности, охватывает не только политику и экономику, но

и духовную сферу. Глобальные процессы интеграции мирового сообщества диктуют российской интеллигенции необходимость следования общим закономерностям. В системе образования требуется производить унификацию уровней и продолжительности обучения в пределах единого образовательного пространства, необходимую для упрощения перехода студентов из одного университета в другой. Унифицируются не только формы и уровни образования, но и сами изучаемые предметы. В связи с этим в данной статье нас интересует определенный и притом очень важный компонент духовной сферы, а именно философия в ее творческом развитии. Не идут ли вразрез с общей унифицирующей устремленностью процесса глобализации попытки создания новых философских концепций?

Особое внимание приходится уделять вопросу о новизне в онтологическом аспекте. Акцент на новизне результатов творчества, как это делают сплошь и рядом в связи с его инновационной стороной, на фоне онтологического смысла теряет свою чрезмерную значимость. В бытии как таковом в принципе не бывает ничего нового, отчего понятие «новое» не является онтологической категорией. В пояснение сказанного можно добавить, что мы различаем бытие и сущее. Сущее не единственно и множится, тогда как бытие одно и едино. Его внутренние различия на самом деле – это различия между сущими и в сущих. *Новизна есть практическая сторона творчества, обусловленная тягой людей к прогрессу.* В бытии же прогресс и регресс уравнивают друг друга, и не случайно в диалектике утверждается мысль о единстве этих двух направлений развития. Остается только по мере человеческих сил сопротивляться разрушительному действию стихии, «на автомате» делающему свое «онтологическое» дело, объединяющее противоположности, то есть присоединяющему к прогрессивной устремленности человечества ее «обратную» сторону.

Выступление кандидата философских наук доцента **А. М. Багаутдинова** было посвящено анализу сущности и содержания духовной деятельности. Духовность является уникальной характеристикой человека. Для выявления ее сущности и особенностей проявления необходимо выделить наиболее общие представления о природе человеческой деятельности, так как духовность формируется в этой деятельности и, развиваясь, остается тесно связанной с ней. Кроме того, рассматривая духовность через призму деятельности, можно определить ее как сущностную характеристику человека, отличающую его от животного.

Для нашего исследования принципиально важен тот факт, что субъект в ходе своей деятельности неизбежно овладевает объектом практически, теоретически или практически-духовно посредством различных форм своей активности. То есть нельзя ограничивать деятельность одной практической формой, только практическим освоением действительности, поскольку познание, духовное производство также являются специфическими формами деятельности. Специфика идеальной деятельности отражается на ее результате, который представлен на идеальном уровне, еще до своего материального воплощения.

Следует отметить разнообразие трактовки понятия деятельности современной философией и психологией. Прежде всего отмечаются два аспекта этой проблемы: 1) изучение деятельности как предмет исследования; 2) представление деятельности как объяснительного принципа. Такая многоаспектность деятельности привела к тому, что категория и онтология деятельности являются предметом как дисциплинарного, так и междисциплинарного исследования.

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о необходимости системного подхода в рассмотрении человеческой деятельности, а доминирующим в ее исследовании должен стать подход междисциплинарный. То есть понятие

«деятельность», предопределяющее человеческую активность, включает в себя как биологическую жизнедеятельность, так и социокультурную деятельность, присущую исключительно человеку, который направляет ее на преобразование бытия, на создание новой реальности мира искусства и культуры.

Выступление доктора философских наук профессора **А. В. Лукьянова** было посвящено рассмотрению философии глобализации. По его мнению, не следует думать, что человек – цель творения. Наивно полагать, что человеческий род, все бесчисленные, удаленные от нашей Земли и независимые от нее светила созданы для блага человека. Так же наивно полагать, что все в космическом целом выглядит, как наша Земля.

Человек, в котором сошлись противоречивые тенденции современной эпохи и с которым связаны едва ли не все надежды на их преодоление, и по настоящий день остается загадкой. Тем не менее мы пытаемся подключить философию, науку, искусство, мифологию для разгадки тайны человеческого «я», в котором сходятся проблемы всечеловеческие и нравственные.

Человеческое «я» как синтез многих «я» (абсолютного, трансцендентального, духовного, душевного, телесного и т. д.) должно оказаться устойчивым к нравственным и иным ценностям культуры, к самому бегу времени в границах отдельной человеческой жизни и в истории человечества. Время обычно признается условием и атрибутом становления, а сами понятия настоящего, будущего и прошлого вполне допустимо поставить в определенное соответствие понятиям возможности, действительности и необходимости. Вместе с тем, если речь идет о становлении и существовании в историческом и социальном времени философских идей, способных «воскресать» как компонент культурного наследия вообще и философской традиции в частности, сам по себе вопрос об однозначной временной идентификации данных концепций, а следовательно, и о степени реализации заложенных в них возможностей, вполне может оставаться открытым неопределенно долго.

Эпоха глобализации не любит скоротечных решений. Она устремлена в будущее. Философия с ее претензией стать «квинтэссенцией» духовной культуры способствует в конечном счете уплотнению времени. Но существует и нечто, что выходит за границы всякого времени. Но существует и нечто, выходящее за границы всякого времени.

Это – стремление человека к вечности, к «всечеловеческим ценностям». *Представление о «вечном творении»*, замечает Шеллинг, может быть сформулировано более точно: *gignere est nature, creare voluntatis*. Это положение возникло в столкновениях с арианами, которые в настоящее время слишком уж сдали свои позиции, так что оно отныне *утратило свое бывшее значение*. Оно могло бы явиться лишь результатом «логической эманации».

В своем докладе кандидат философских наук доцент **С. Б. Горбачев** акцентировал внимание на теоретических основаниях глобализации. Реализуемый в данное время вариант глобализации во многом основывается на миросистемной концепции И. Валлерстайна и связанной с ней теорией «золотого миллиарда». В общих чертах современный мир представляется И. Валлерстайну следующим образом. Миросистема состоит из ядра (социальная общность, получающая прибыль), периферии (социальная общность, теряющая прибыль) и полупериферии (промежуточная социальная общность). Следует отметить, что непрерывное накопление капитала и получение прибыли у И. Валлерстайна выступают как самоцель и служат критерием эффективности экономики. То есть при таком подходе экономика

может считаться эффективной, если есть прирост прибыли (рост ВВП и т. п.), даже если это сопровождается убылью населения вследствие массового голода.

«Осевое» разделение труда между ядром и периферией, а также неэквивалентный обмен между ними создает напряжение, которое стимулирует развитие системы в целом. Главный критерий миросистемы (мироэкономики) – капиталистический способ производства и торговля товарами в крупных объемах. Впрочем, И. Валлерстайн как исследователь, мыслящий в русле модернизационной парадигмы, фактически оставляет без внимания тот факт, что экономика постмодерна характеризуется расширением ее виртуальной сферы, когда ценные бумаги становятся главным товаром.

Изначально основой миросистемного подхода было рассмотрение мира в целом как исторически складывающихся систем взаимодействия, отдельные страны и народы здесь выделялись только как временный результат соединения тех или иных системных факторов (можно сказать, что их существование носит условный характер). Получается, что мир – это не совокупность стран, а некая система, мироэкономика. Таким образом, мир универсален, все сферы жизни общества везде функционируют фактически одинаково. При этом И. Валлерстайн не отрицает наличия «антиуниверсализма» (религиозных, этнических особенностей и т. п.), но считает его искусственно созданным, «ложным сознанием».

С течением времени И. Валлерстайн несколько изменил свое отношение к «антиуниверсализму». Если ранее одной из задач миросистемы он считал борьбу с «антиуниверсализмом», препятствовавшим ее развитию, то сейчас подчеркивается необходимость подобного «ложного сознания». Как отмечается, «нормы антиуниверсализма оправдывают положение нижестоящих слоев... Принципами антиуниверсализма удобно объяснять полярность миросистемы. А поскольку полярность со временем только увеличивается, растет и значимость антиуниверсализма». Тогда получается, что люди считают себя русскими, китайцами, индусами, гордятся своей культурой (да и творят ее) только с одной целью – оправдать в собственных глазах свое экономическое отставание от ядра. Это, по мнению докладчика, и есть тот самый экономический детерминизм и редуционизм, в котором многие ученые упрекают И. Валлерстайна.

Конференция завершилась принятием резолюции, в которой подчеркивалась необходимость развивать глобальные исследования в контексте как мировых, так и региональных проблем. При этом было отмечено, что итоги состоявшегося обсуждения следует рассматривать в качестве важного шага навстречу VII Российскому философскому конгрессу, который состоится в 2015 г. в г. Уфе и где глобальной проблематике предполагается уделить особое внимание.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА ПО ГЛОБАЛИСТИКЕ

Пырин А. Г.

д. ф. н., профессор Московского государственного
машиностроительного университета МАМИ.

E-mail: alpyrin@yandex.ru

11 декабря 2012 г. в главном книжном магазине г. Москвы «Библио-Глобус» состоялась презентация уникального энциклопедического справочника «Глобалистика: персоналии, организации, издания»^{*}.

В своем вступительном слове инициатор издания справочника д. ф. н., проф. *А. Н. Чумаков* отметил, что выход в свет данной книги является закономерным итогом последовательной работы большого интернационального творческого коллектива, целенаправленно трудившегося над этим изданием в течение последних пяти лет. Справочник стал составной частью большого научно-исследовательского и издательского проекта, начало которому было положено в конце XX в. Тогда в мировой и отечественной науке практически оформилось новое междисциплинарное научное направление – глобалистика, накопившая большой массив научно-теоретических и прикладных знаний. Тогда же возникло множество новых специфических понятий и обобщающих междисциплинарных категорий, появилась масса организаций, периодических изданий и специальной литературы. В различных областях теории и практики сформировались научные кадры, деятельность которых направлена на исследование процессов глобализации и ее всевозможных последствий.

Все это сделало актуальной задачу: провести систематизацию творческих идей, обобщить и привести в порядок выдержавшие проверку практикой и временем знания, накопленные в глобалистике. Поскольку подобные проблемы решаются, как правило, выходом в свет справочных изданий, то первым шагом в этом направлении стали подготовка и публикация международной междисциплинарной энциклопедии «Глобалистика». Эта энциклопедия, подготовленная авторским коллективом в составе 450 наиболее известных специалистов из 28 стран, была издана в 2003 г. на русском и английском языках и стала первым справочным изданием по глобалистике.

Следующий этап развития проекта был связан с подготовкой и изданием в 2005 г. международного энциклопедического словаря «Глобалистика», в котором приняли участие уже 647 авторов из 58 стран.

Оба издания (энциклопедия и словарь) выполнили важную интегративную и методологическую роль в новой сфере научного знания, придали серьезный импульс развитию междисциплинарного взаимодействия в исследовании всего комплекса процессов и проблем глобального мира. Они стали также ценным источ-

^{*} Глобалистика. Персоналии, организации, издания: энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012. 432 с. См. также: URL: <http://biblioglobus.livejournal.com/11031.html>

ником новейшей информации, основанной на обобщении множества конкретных примеров и фактических данных из различных сфер жизни глобального сообщества и его взаимодействия с окружающей средой.

Таким образом, задачи, поставленные в энциклопедии и словаре, были решены. Однако оставалась нерешенной еще одна важная проблема – обобщение и систематизация информации об ученых и специалистах, организациях и различных изданиях в новой области научных исследований.

За последние 40 лет активных теоретических изысканий в глобалистике не только накопился огромный теоретический материал, но и сформировалось особое научное направление со своими представителями, организациями, специальной литературой и широко разветвленной структурой междисциплинарных связей и отношений. Приведение всего этого в стройную систему стало первостепенной задачей и следующим шагом в творческом сотрудничестве большого международного коллектива. Основная цель состояла в том, чтобы:

– собрать по возможности полную информацию о российских и зарубежных ученых и специалистах, внесших выдающийся или значительный вклад в развитие глобалистики, становление целостного, глобального, системного мира и (или) его осмысление, и провести экспертную оценку на предмет выделения 300 наиболее значимых российских и зарубежных персон в этой области;

– собрать по возможности полную информацию в мировом масштабе и провести экспертную оценку на предмет выделения наиболее значимых российских и зарубежных организаций, университетов, центров, факультетов, кафедр и т. п., главной задачей которых является исследование глобализации, глобальных проблем и других аспектов глобалистики;

– собрать по возможности полную информацию о российских и зарубежных периодических изданиях, тематически ориентированных на глобалистику, и методом экспертной оценки отобрать наиболее значимые российские и зарубежные первоисточники (монографии), посвященные различным аспектам глобального мира, глобализации и ее последствиям.

Теперь, когда плод многолетней работы (три энциклопедических издания) получил свое завершение, можно проанализировать, оценить и обсудить как сам замысел, так и вышедший в конце 2012 г. энциклопедический справочник.

В состоявшихся прениях выступили следующие участники презентации.

Д. ф. н. проф. *В. А. Лось*: «В сущности, перед нами итог фактически 10-летней работы. Во-первых, эта работа носит международный характер. Основные лидеры глобальных исследований – Д. Медоуз, Р. Робертсон, Э. Ласло. Они рассматривали динамику XX и XXI вв. В этой работе участвовали советские и постсоветские ученые С. Капица, И. Бестужев-Лада, В. И. Данилов-Данильян, Ю. А. Израэль. Удалось собрать советскую и постсоветскую элиту. По существу, этими изданиями подведен итог советской и российской глобалистики за 30 лет ее существования. Начало этой работе положили И. Фролов и В. Загладин. Затем большую роль сыграли И. Новик, Ю. Трусов, О. Дрейер. Базовые категории в работе есть, и это принципиально. Можно закончить проект, на мой взгляд, по двум направлениям: 1) энциклопедия “Россия в глобализованном мире”; 2) Устойчивое развитие – мировая стратегия XXI в., тем более что ООН провозгласило это направление развития перспективным».

Д. ф. н. проф. *Э. В. Гирусов*: «Как сказал один известный поэт, “большое видится на расстоянии”. Это хорошо подходит к тому, что сейчас происходит.

Я хочу напомнить, что уже первые российские авторы (И. Фролов, Д. Гвишиани, В. Загладин) еще в 70-х гг. обращали внимание на то, что глобальные проблемы порождают совокупность опасностей. Их надо решать, или они сами “решат” нас. Глобальные проблемы возникают в ответ на то, что человеческая деятельность достигла, по выражению В. И. Вернадского, геологической силы. По количеству использованной энергии за 100 лет человечество в 40 раз превзошло стартовые позиции. Биосфера не может выдержать такие масштабы воздействия человеческой деятельности. Энергия, к сожалению, получается в результате сжигания углеводородного топлива. Происходит процесс обратного раскручивания, когда наша планета была бедна кислородом. Поэтому издание энциклопедии по глобалистике – это эпохальное событие. Слава и хвала инициаторам, которые это сделали. Сейчас эпоха глобальных проблем доводится до острой формы, так как очень мало делается для решения этих проблем. Фактически почти ничего не делается: много говорится, много пишется. Все попытки реализовать Киотский протокол и другие мероприятия, по сути дела, провалились. И это, видимо, будет продолжаться. Следующий выпуск энциклопедии должен быть направлен на решение глобальных проблем. Надо понять, что природная среда ставит нам пределы в дальнейшем наращивании человеческой деятельности. Как можно сейчас взять этот процесс в управление? Это должно стать основным лейтмотивом следующего выпуска энциклопедии “Глобалистика”.

Д. ф. н. проф. *И. А. Гобозов*: «Выход такого словаря – огромное событие, потому что глобализация – это процесс, который вызывает большие дискуссии. Следующий этап работы в этом направлении должен быть посвящен тревожным тенденциям процесса глобализации. В словаре есть некоторые персоны, которых я считаю случайными. Ханна Арентс – какое она имеет отношение к глобализации? Да, эта женщина пострадала во время Второй мировой войны, после войны написала книгу «Итоги тоталитаризма», отождествив гитлеризм и сталинизм. На Западе уже многие подчеркивают, что два тоталитарных государства (Германия и СССР) несут одинаковую ответственность за развязывание Второй мировой войны. Следовательно, правопреемница СССР – Россия должна платить репарации. Опросы показали, что если в 1945 г. на вопрос: “Кто победил в войне?” 90 % французов ответили: “СССР”, на подобный вопрос через 50 лет 90 % французов ответили: “США”. Последнее – относительно социально-философских воззрений К. Поппера. Автор пишет, что есть какое-то течение – попперизм, которое распространилось больше, чем марксизм, что вызывает недоумение».

Д. и. н. проф. *В. Б. Кувалдин*: «Наше общество глубоко расколото по отношению к Сталину, сталинизму, к октябрю 1917 г. Но если на этом концентрироваться, то мы не дойдем до глобалистики. Вопрос о том, плодотворна или вредна глобализация – фундаментальный вопрос. Те страны, которые остались за пределами глобализации, находятся в самом низу. Почему меняются оценки глобализации на Западе? Разгадка простая. Дело в том, что глобализация – это западный проект. В XIX в. была европейская глобализация, в XX в. – американская. Сейчас обнаружилось, что Запад начинает неуютно чувствовать себя в своем собственном проекте. В мире появились такие силы, которые делают Запад некомфортным. У них много проблем. Конкуренцию не любит никто. Люди и страны Запада себя очень огораживают. Когда началась глобальная конкуренция, выяснилось, что у Запада много слабых сторон. Вопрос об оценке современного мира. Здесь прозвучали алармистские нотки. Мир в недавнем прошлом был в худшем состоянии (например, в 30-е гг. XX в.). Мир стоит не только на праведниках, но и на деяте-

лях. Я думаю, этой книги не было бы, если бы не проф. А. Н. Чумаков. Мы все пленники истории. В СССР глобальные проблемы рассматривались с большим уклоном в экологию. Сейчас горизонт расширился. Мы живем в глобальном мире, и действовать надо соответствующим образом. Нужно активней использовать новые подходы в рамках различных наук. Мы выглядим бледно в глобальном мире, занимая по многим параметрам место в шестом-седьмом десятке стран. И это должно стать достоянием нашего общественного сознания с целью исправления положения».

К. ю. н. Б. Ф. Калачев (Гос. Дума): «В библиотеке Госдумы спрос на данные энциклопедии составляет сотни читателей в год».

Проф. РАНХиГС при Президенте РФ Х. А. Барлыбаев: «Энциклопедия есть результат титанической работы, а без недостатков серьезного труда не бывает. Хотел бы сказать только о том, что это издание не является исследовательским проектом. Оно представляет собой историческое произведение, содержит комментарии, “фотографическое изображение” того, что было и что сегодня имеет место в мировой глобалистике. В этом отношении я согласен с предложением коллеги В. Лося: следующую энциклопедию посвятить теме “Россия в глобальном мире”. Необходимо исследовать влияние глобализации на внутреннюю жизнь Российской Федерации. Хочется подчеркнуть, что исследование влияния глобализации на все процессы внутреннего развития России является наиболее слабым местом российской глобалистики».

Д. ф. н. проф. Н. М. Мамедов: «Судить о работе следует по тому, что сделано, а не по тому, что еще не сделано. За 10 лет проделана огромная работа, и эти книги останутся в истории исследования глобализации. Я недавно был в течение месяца в двух разных точках – в Стамбуле и на Камчатке. “Глобалистика” оказалась и у профессора И. Кучуради, и на Камчатке. У меня предложение: 10-летний труд достоин того, чтобы инициировать вопрос о присвоении этим работам государственной премии».

Д. ф. н. проф. МГМУ МАМИ А. Г. Пырин: «На первом собрании участников проекта “Кто есть кто и что есть что в глобалистике” кто-то из студентов задал экспертному совету вопрос: “Какова цель, в чем смысл данного проекта?” Ответил тогда на него руководитель проекта проф. А. Н. Чумаков: “Мы хотим провести инвентаризацию по всему миру по проблеме глобализации. Инвентаризацию того, что сделано и что еще не сделано по данной проблеме. Кто работает в области глобалистики, сколько их? На каком уровне находятся данные исследования? Сколько и какие учреждения ориентируют свою работу на изучение процессов глобализации? Нам нужно выработать критерии, позволяющие построить рейтинг персон, периодических изданий, организаций и учебных заведений по проблемам глобализации. Эта работа должна стать нашим ноу-хау”. С удовлетворением можно отметить, что ноу-хау случилось».

Д. б. н. проф. В. В. Снакин: «В ответ на разные мнения о природе глобализации хотел бы заметить, что она есть отражение того, что мир подвержен глобальным природным процессам. Количество населения Земли является единой популяцией. Население каждой отдельной страны не может быть популяцией. Процесс глобализации – это отражение естественной природной потребности людей. Глобализация – это естественный объективный процесс. Нам нужно лишь разобраться, можем ли мы “рихтовать” этот процесс? Сможем ли мы сохранить все виды биологического разнообразия? В первоначальном виде этого сделать не удастся. Не-

сколько десятилетий назад в мире пугались демографического “взрыва”. Но он не произошел, так как, видимо, существуют законы эволюции, которые регулируют численность населения. Если раньше численность населения регулировалась отчасти войнами, то сейчас регулирование имеет другой уровень. Повышение уровня жизни снижает рождаемость. Видимо, есть законы развития биосферы, которые неподвластны социальным причинам. Человек – естественный продукт развития цивилизации, а она переживает всеобщий и неизбежный процесс глобализации. Поэтому понятия “хорошо” или “плохо” к этому процессу не подходят».

Писатель-философ *А. Н. Кацура*: «Я хочу поздравить создателей справочника. Трудов и сил затрачено много. В народе обсуждаются глобальные проблемы. Целевая причина этого является и личной, и страновой, и общечеловеческой. Наука глобалистика живет и отвечает на вопросы “почему” и “зачем”. Эта наука востребована, так как другие науки (физика, химия, биология и т. д.) не ответят на глобальные вопросы. Однако представители частных наук обнаруживают тягу к глобалистике. Образование – глобальная проблема. Важно предотвратить дебилизацию образования, которая происходит отчасти в мире. Нужны серьезные финансовые ресурсы, чтобы удержать на высоком уровне образование. Глобализация – это не перемешивание культур в “котле”, а, как писал Д. Андреев, выстраивание культур в виде розы (“Роза мира”). Необходимо соединение культурных разностей, тогда мы получим многоцветную культуру мира».

Подводя итоги состоявшегося обсуждения, проф. *А. Н. Чумаков* отметил: «Термин “глобалистика” сформировался на той основе, что различные научные дисциплины занимались глобальными проблемами начиная с конца 60-х гг. XX в. Это составило базу и вошло в глобалистику как науку. Предтечей глобалистики были труды Т. Мальтуса, К. Маркса, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, В. И. Вернадского, хотя термин “глобалистика” в их время не употреблялся. К. Ясперс первым употребил термины “глобальные проблемы”, “глобальный мир”, “глобальные угрозы”. Затем Римский клуб, по сути, дал старт науке глобалистике».

Развитие науки обычно идет путем “отпочкования” новой дисциплины от уже установившейся научной дисциплины. В сфере глобалистики дело обстоит иначе. Глобалистика – это результат интеграции различных дисциплин в исследовании сложнейшего комплекса процесса глобализации и его всевозможных последствий. В глобалистике различные дисциплины, сохраняя свой предмет, методологию и статус, включаются в осмысление целостного мира как единой системы. Таким образом, глобалистика – это сфера междисциплинарного научного знания, в которой специалисты из разных наук взаимодействуют друг с другом, определяя свой глобальный аспект (предмет), выделяя в нем свой специфический объект. Предметом глобалистики является глобальный мир как целостность со всеми позитивными и негативными последствиями. Глобальные проблемы современности – результат объективного процесса глобализации, которая связана с деятельностью человека, включенного в биосферу. Поэтому человечество должно взять на себя ответственность за биосферу, составной частью которой оно является, а энциклопедические издания, которые мы сегодня обсуждали, в частности энциклопедический справочник “Глобалистика”, хотелось бы надеяться, станут важным подспорьем в решении этой предельно важной задачи».

МИРОВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФОРУМ

**Вторая конференция Мирового культурного форума (Тайху, Китай)
«Усиление международного сотрудничества в построении экологической
цивилизации». 18–19 мая 2013 г., Ханчжоу, Китай
Интернет-сайт: www.thffc.com**

Как и Азиатский форум Боао, Мировой культурный форум (Тайху, Китай) – это независимая национальная неправительственная организация, которая была создана в Китае. Если на Международном экономическом форуме обсуждаются в основном глобальные экономические вопросы, а на Азиатском форуме Боао – проблемы Азиатского региона, то Международный культурный форум – это всеобщая, открытая, многонациональная площадка для дискуссий на высшем уровне, цель которой – разработка и обмен творческими идеями и предложениями. Она содействует развитию китайской культуры и культурных связей между КНР и зарубежными странами.

Исполнительный совет Международного культурного форума находится в Пекине. Председателем Исполнительного совета и Генеральным секретарем Международного культурного форума является выдающийся теоретик китайского литературного искусства Янь Жаожу. Среди почетных членов Международного культурного форума – заместитель председателя Национального комитета Народного политического консультативного совета Китая Чжан Мейинг, заместитель председателя Национального комитета НПКСК Сунь Цзячжен, бывший заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей Сюй Цзялу, бывший премьер-министр Франции Жан-Пьер Раффарен, бывший премьер-министр Италии Романо Проди и бывший президент Индонезии Мегавати Сукарнопутри.

18–19 мая 2011 г. в Сучжоу (Китай) успешно состоялась первая конференция Международного культурного форума на тему «Диалог и взаимодействие в интересах мировой гармонии и общего развития». В этой конференции приняли участие около 500 человек из 31 страны и региона, включая политиков, знаменитых ученых, представителей культуры, СМИ, международных неправительственных организаций, видных культурных деятелей и крупных предпринимателей. Член Государственного совета КНР Лю Яньдун и Юсуф Реза Гилани, занимавший в то время пост премьер-министра Пакистана, выступили на конференции с важными докладами.

5–8 июня 2012 г. в городе Наньчан (Китай) на Международном культурном форуме была проведена конференция на высшем уровне по развитию традиционной китайской медицинской культуры «Содействие естественному, гармоничному и здоровому развитию человечества». Вице-премьер Китая Ли Кэцян, Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Маргарет Чан и Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова прислали свои поздравления с проведением конференции. Заместитель председателя кабинета министров Туркменистана Сапардурды Тойлыев, бывший президент Социалистической Республики Вьетнам Чан Дык Лыонг и другие гости более чем из 20 стран и регионов выступили с важными докладами. По окончании конференции все участники подписали Декларацию о «Содействии естественному, гармоничному и здоровому развитию человечества».

На вторую конференцию для обсуждения построения глобальной экологической цивилизации и поиска эффективных способов совместного развития Международный экономический форум планирует пригласить до 500 участников со всего мира:

государственных деятелей, знаменитых ученых, предпринимателей, представителей культуры, СМИ и негосударственных организаций. Зеленая экономика и развитие экологической цивилизации в будущем станет главным направлением развития экономики и защиты окружающей среды. Расширение международного сотрудничества в разработке и построении экологической цивилизации окажет положительное влияние на развитие человеческой цивилизации.

Вторая конференция Международного культурного форума будет проходить под руководством Министерства культуры Китая и Комитета по делам народонаселения, ресурсов и окружающей среды НПКСК. Организаторы этой конференции – Международный культурный форум, Народное правительство провинции Чжецзян, Всекитайская федерация литературы и искусства и Китайский народный институт международных отношений. Спонсором конференции будут выступать Исполнительный совет Международного культурного форума и Народное правительство г. Ханчжоу. На протяжении двух дней гости конференции будут участвовать в неофициальных беседах и общаться в рамках пленумов и групповых дискуссий.

Темы пленарных заседаний и секций приведены ниже.

Пленарное заседание «Усиление международного сотрудничества в целях построения экологической цивилизации».

Секция 1. Трансформация современных цивилизаций: неутешительные прогнозы глобального экологического кризиса и важность построения экологической цивилизации.

Экологическая ситуация на сегодняшний день. Глобальный характер, неотвратимость современного экологического кризиса и серьезность его последствий. Преодоление экологического кризиса и улучшение состояния окружающей среды – это проблема не только развивающихся государств, но и всех стран мира. Кризис – не просто вопрос взаимоотношений человека и природы, это глубокая проблема отношений между людьми, между человеком и обществом. Этот кризис не ограничивается сегодняшним днем, у него есть как исторические, так и современные причины, связанные не только с научно-технологическими достижениями, но и с изменениями в области культуры, концепций цивилизации, образа мысли, способов производства, взаимоотношений и образа жизни. В интересах будущего человечества существующие модели развития должны быть тщательно и существенно переработаны. Успешная борьба с экологическим кризисом требует совместного построения экологической цивилизации силами всего мира.

Секция 2. Изучение экологической цивилизации: научный смысл и перспективы развития экологической цивилизации.

Смысл, научно-теоретическая структура, ключевые понятия и перспективы развития экологической цивилизации. Обобщение исторического опыта и анализ исторических достижений и недостатков промышленной цивилизации. Изучение необходимости перехода человечества от сельскохозяйственной к индустриальной, а затем к экологической цивилизации. Исследование особенностей и закономерностей развития человеческой цивилизации, основанного на новых методах и знаниях, с точки зрения строительства экологической цивилизации. Изучение ранее проведенных теоретических исследований с целью улучшения современных концепций цивилизации, развития различных теорий экологической цивилизации; создания новой человеческой цивилизации и распространения всемирной гармонии и справедливого, рационального и стабильного нового международного порядка.

Секция 3. Достижения в строительстве экологической цивилизации: расширение обмена и сотрудничества между различными цивилизациями.

Цивилизации будут обмениваться друг с другом положительным наработками и современными методами в области защиты окружающей среды, а также перенимать друг у друга богатый и полезный опыт. Понимая масштабность, серьезность и важность экологического кризиса, а также руководствуясь серьезными выводами, сделанными в результате теоретических исследований по экологической цивилизации, страны будут обмениваться опытом организации экологических демонстрационных зон, проводить выставки, обобщать успешный опыт деятельности в области экологии и разрабатывать реальные механизмы глобального сотрудничества для создания экологической цивилизации, а также будут способствовать тесному международному сотрудничеству и совместными усилиями создавать экологическую цивилизацию, для которой характерны гармоничные отношения между человеком и природой, прочный мир и всеобщее процветание.

Перевод с английского Е. С. Столяровой.

WORLD CULTURAL FORUM (Taihu, China)

**The Second Conference of World Cultural Forum (Taihu, China)
“Strengthen International Cooperation to Build an Ecological Civilization
will be held in Hangzhou”. China, on 18th – 19th May, 2013
Website: www.thffc.com**

Following Boao Forum for Asia, World Cultural Forum (Taihu, China) is the only national non-governmental organization established independently and given FORUM as the name of the organization in China. While World Economic Forum debating principally global economic issues and Boao Forum for Asia focusing on Asian regional issues, World Cultural Forum (Taihu, China) is an open, inclusive, pluralistic and high-level dialogue platform to generate and exchange creative ideas and proposals and aims to promote the development of Chinese culture and the cultural communications between China and foreign countries.

The Executive Council of World Cultural Forum (Taihu, China) works in Beijing. Yan Zhaozhu, the Executive Chairman and Secretary-General of World Cultural Forum (Taihu, China), is a well-known Chinese literary art theorist. Honorary Chairmen of World Cultural Forum (Taihu, China) included Zhang Meiying, Vice Chairman of the Chinese People's Political Consultative Conference's National Committee, Sun Jiazheng, Vice Chairman of the CPPCC National Committee, Xu Jialu, former Vice Chairman of the National People's Congress, Jean-Pierre Raffarin, former Prime Minister of France, Romano Prodi, former Prime Minister of Italy and Megawati Sukarnoputri, former President of Indonesia.

On May 18–19 of 2011, with the theme of “Dialogue and Cooperation for World Harmony and Common Development”, the First Conference of World Cultural Forum (Taihu, China) was held successfully in Suzhou, China. Nearly 500 people from 31 countries and regions, including politicians, cultural officials, famous scholars, international non-governmental organization representatives, prominent cultural figures, business leaders and media representatives participated in this conference. Chinese State Councilor Ms. Liu Yandong and Pakistan's Prime Minister then Yusuf Raza GILLANI made important speeches at the conference.

High-level Conference on Traditional Chinese Medicine Culture Development (Nanchang) by World Cultural Forum (Taihu, China) “Promote Natural, Harmonious and Healthy Human Development” was held successfully during June 5–8, 2012 in Nanchang,

China. Li Keqiang, Chinese Vice Premier, Ms Margaret Chan, Director-General of WHO and Ms Irina Bokova, Director-General of UNESCO sent the Letters of Congratulations to this conference. Sapardurdy Toylyev, Deputy Chairman of the Cabinet of Ministers of Turkmenistan, Tran Duc Luong, Former President of the Socialist Republic of Viet Nam and other guests from more than 20 countries and regions made important speeches at the conference. In the end, all the participants of this conference signed *Nanchang Declaration* "Promote Natural, Harmonious and Healthy Human Development".

For the Second Conference, World Cultural Forum (Taihu, China) will invite statesmen, cultural officials, eminent scholars, representatives of international NGOs and media and entrepreneurs up to 500 participants from all over the world to participate in and to discuss the building of global ecological civilization and seek the effective ways for development together. Green economy and the building of ecological civilization will be the direction of the future economic development and environmental protection in the world. It will be positive for the progress of human civilization to promote the cooperation of countries in the research and building of ecological civilization.

The Second Conference of World Cultural Forum (Taihu, China) will be under the guidance of Ministry of Culture of the People's Republic of China and Population, Resources and Environment Committee of National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference. Organizers of this conference are World Cultural Forum (Taihu, China), People's Government of Zhejiang Province, China's Federation of Literary and Art Circles and Chinese People's Institute of Foreign Affairs. The conference will be sponsored by the Executive Council of World Cultural Forum (Taihu, China) and People's Government of Hangzhou City. During the two-day gathering, the participants will speak in their personal capacities in a free atmosphere, and will have plenty of opportunities to engage each other in plenums and group discussions.

Topics for the Plenary and Concurrent Sessions:

The Plenary Session *Strengthen International Cooperation to Build an Ecological Civilization.*

Concurrent Session 1: *Transformation of modern civilizations: the grim situation of global ecological crisis and the significance of ecological civilization construction.*

What's the current situation of ecological crisis? How to know the global, austere and pressing natures of today's ecological crisis? Coping with ecological crisis and improving ecological environment is not a problem of developing countries alone but a common issue of all the countries in the world. It is not only a problem in the relationship between human beings and the nature, but also a deeper problem between different people and between human beings and the society; it is not only an existing problem, but also a problem with both historical and present aspects; it is not only a problem of scientific and technological innovation, but also the reforms in cultural ideas, concepts of civilization, and ways of thinking, production, intercourse and living, and that, for mankind's future, comprehensive and profound reforms must be made in existing development patterns. In order to cope with ecological crisis successfully, the whole world must take action to build an ecological civilization together.

Concurrent Session 2: *Exploration into ecological civilization: scientific connotation and development prospect of ecological civilization.*

What are the connotations of ecological civilization, the scientific theoretical structure and core concepts of ecological civilization and the development of prospect of ecological civilization? How to summarize historical experiences and discuss the historical feats and limitations of industrial civilization? How to explore the necessity for mankind's progress from agricultural civilization to industrial civilization and then to ecological civilization and

the features and rules in human civilization's progress, based on new practices and experiences and from the height of ecological civilization construction, survey previous theoretical studies so as to reform existing concepts of civilization, promote elevation in theories on ecological civilization, bring about mankind's new civilization, promote world harmony, and establish fair, rational and stable new international orders.

Concurrent Session 3: *Press ahead with ecological civilization construction: strengthen exchanges and cooperation between different civilizations.*

Different civilizations will exchange with one another excellent wisdoms on ecological protection in history and successful modern ecological practices and learn from each other's rich and effective experiences. Based on the understanding of the comprehensiveness, seriousness and urgency of ecological crisis and in-depth summary of the theoretical studies on ecological civilization, the ecological demonstration zones of various countries will conduct exchanges and exhibitions, sum up successful experiences in ecological practices and seek to set up practically feasible global cooperation mechanisms for the building of ecological civilization, promote the close cooperation between different countries and jointly build an ecological civilization characterized by the harmonious relationship between mankind and the nature, lasting peace and common prosperity.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЬПИДОВСКАЯ Марина Леонидовна – доктор экономических наук, профессор кафедры «Макроэкономика и макроэкономическое регулирование» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». *E-mail: morskaya67@bk.ru*

БАГАУТДИНОВ Айрат Маратович – кандидат философских наук, доцент, ученый секретарь БО РФО. *E-mail: filosof02@mail.ru*

БЛИЖКОВСКИЙ Петр – директор по экономическим и региональным проблемам Генерального секретариата Совета Европейского Союза. *E-mail: petr.blizkovsky@consilium.europa.eu*

ВЕБЕР Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. *E-mail: mailbox@polisma.ru*

ГАЛИМОВ Баязит Сабирьянович – доктор философских наук, профессор, председатель Башкирского отделения Российского философского общества (БО РФО).

ДЮРЧИК Владимир – доктор философии, доцент кафедры прикладной этики факультета гуманитарных наук университета им. Матая Бела, Банска-Быстрица, Словакия. *E-mail: vladko96@mail.ru*

ИЛИМБЕТОВА Айсылу Амировна – аспирант кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: akkosh@inbox.ru*

КИСЕЛЕВ Данила Алексеевич – аспирант кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. *E-mail: danilakiselev@yandex.ru*

КОВАЛЕВ Юрий Александрович – кандидат философских наук, заместитель начальника отдела общественных наук Президиума РАН. *E-mail: yukov@iph.ras.ru*

КОСИЧЕНКО Анатолий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан. *E-mail: anatkosichenko@mail.ru*

ЛЕОНОВА Ольга Георгиевна – доктор политических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: politolga@gmail.com*

МАРКОВИЧ Данило Ж. – академик, действительный член Сербской академии образования (САО), иностранный член Российской академии образования (РАО). *E-mail: vladakostic1985@gmail.com*

ОСТХОФ-МЮННИКС Габриэль – доктор философии, профессор Университета Инсбрука (Австрия), вице-президент Международной ассоциации профессоров философии. *E-mail: Gabriele@muennix.de*

ПРАНТЛ Йохан – старший научный сотрудник Центра Азии глобализации Школы государственного управления имени Ли Куан Ю Национального университета Сингапура. *E-mail: jprantl@nus.edu.sg*

ПЫРИН Александр Григорьевич – доктор философских наук, профессор Московского государственного машиностроительного университета МАМИ. *E-mail: alpyrin@yandex.ru*

САЛИХОВ Гафур Губаевич – доктор философских наук, профессор, заместитель председателя Башкирского отделения Российского философского общества (Уфа). *E-mail: gafur_salih@mail.ru*

СЕЙДОВА Гюльчохра Надировна – кандидат философских наук, доцент, заслуженный учитель РД, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета в г. Дербент. *E-mail: gseidova@rambler.ru*

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, директор по международному сотрудничеству ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ». *E-mail: sps@fa.ru*

СТЕПАНОВ Станислав Александрович – доктор педагогических наук, профессор, президент Международного независимого эколого-политологического университета. *E-mail: ecosas@rambler.ru*

СУХАРЕВА Екатерина Алексеевна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. *E-mail: sukharevaekaterina.ru@gmail.com*

ЧЕСНОКОВ Вячеслав Степанович – кандидат экономических наук, ученый секретарь комиссии РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. *E-mail: alexagr@mail.ru*

VEK GLOBALIZATSII

[AGE OF GLOBALIZATION]

Journal of Global Studies**Contents****Theory**

Markovic D. Historical contexts of contradictions of modernization (pp. 3–13).

Veber A. B. Searching for a new developmental paradigm (pp. 14–26).

Kiselyov D. A. Social development management as a global philosophical problem (pp. 27–36).

Osthoff-Münnix G. The world government: needs and reality (pp. 37–40).

Blizkovsky P., Prantl, J. Global economic governance: what problems do Asia and Europe face? (pp. 41–46).

Processes of Globalization

Kosichenko A. G. Globalization and religion (pp. 47–58).

Leonova O. G. Global regionalization as a phenomenon of the global world development (pp. 59–66).

Global Problems

Seidova G. N. Islam and globalization: pro et contra (pp. 67–78).

Ilimbetova A. A. The global process of migration's feminization (pp. 79–91).

Nature, Society, Man

Durchik V. Our modern times: is morality an 'epibiotic species'? (pp. 92–99).

Sukhareva E. A. The specifics of development of Moscow as a global megalopolis (pp. 100–108).

Russia in the Global World

Seleznyov P. S. The problems of innovative development in Russia (pp. 109–124).

Alpidovskaya M. L. Joining the WTO, or a 'new economic chimera' of the present postmodern society (pp. 125–135).

Kovalyov Y. A. Russia and the main challenge of the 21st century (pp. 136–149).

Global Personality

Chesnokov V. S. V. I. Vernadsky – the great scientist-innovator and humanist (pp. 150–166).

Stepanov S. A. N. N. Moiseev on the fate of the Russian intelligentsia (pp. 167–170).

Academic Life

Galimov B. S., Salikhov G. G. Bagautdinov A. M. Philosophy and the future of civilization (pp. 171–179).

Pyrin A. G. Presentation of the encyclopedic dictionary on Globalistics (pp. 180–184).

The World Cultural Forum (Taihu, China) (pp. 185–189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономика. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1(11), 2013. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.04.2013. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10